

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенов К.С.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «Digital Print».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2003.

ЭКОНОМИКА	
<i>Исингарин Н.К., Гусева Л.Ю.</i> Транспортно-экономический коридор – потенциал развития	3
<i>Курганбаева Г.А.</i> Сравнительные параметры экономического развития стран Центральноазиатского региона и России: возможности кооперации	7
<i>Жалимбетова Р.Б.</i> Проблемы формирования общего социального пространства государств – членов Евразийского экономического сообщества	15
<i>Смирнов С.Л.</i> Норвегия: нефть и ресурсная политика	20
<i>Рамазанов А.А., Рузанов Р.М.</i> Корпоративная экономика	29
<i>Джумагельдиева Т.А.</i> Ценовая конкуренция: мотивы и последствия	35
<i>Дмитриенко Т.А.</i> Эмоциональные составляющие бренда как основа его конкурентоспособности	41
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Кукеева Ф.Т.</i> Аналитические исследования по трансатлантическим отношениям (США – ЕС)	44
<i>Губайдуллина М.Ш., Чукубаев Е.С.</i> Европейское направление внешнеполитического курса Социал-демократической партии Германии	51
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	
<i>Токсанбаев А.Б.</i> Интерпол – международная организация полицейских служб: основные принципы, структура и полномочия	58
<i>Есенбаев А.Е.</i> Механизмы принятия военно-политических решений и парламентский контроль в Казахстане и России	66
<i>Аубекеров С.Х.</i> Варианты введения суда присяжных в уголовное судопроизводство Казахстана	71
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	
<i>Игалиев М.Н.</i> Процессы элитообразования в Республике Казахстан в 1991–2002 гг.	76
<i>Калетаев Д.А.</i> Ценности молодежи Казахстана как фактор участия в молодежных объединениях	84
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ	
<i>Тулепбаев К.М.</i> Методологические и исторические основы развития системы пенсионного обеспечения	90
<i>Тастенов А.Ж.</i> Теории мотивационных источников политического лидерства	100
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Лаумулин М.Т.</i> Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise.	106
<i>Зотов А.Ф.</i> А.Н.Нысанбаев. Философия взаимопонимания.	108
SUMMARY	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119

12.06.03

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенев К.С.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Digital Print».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2003.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№1 (23), 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЭКОНОМИКА	
<i>Исингарин Н.К., Гусева Л.Ю.</i> Транспортно-экономический коридор – потенциал развития	3
<i>Курганбаева Г.А.</i> Сравнительные параметры экономического развития стран Центральноазиатского региона и России: возможности кооперации	7
<i>Жалимбетова Р.Б.</i> Проблемы формирования общего социального пространства государств – членов Евразийского экономического сообщества	15
<i>Смирнов С.Л.</i> Норвегия: нефть и ресурсная политика	20
<i>Рамазанов А.А., Рузанов Р.М.</i> Корпоративная экономика	29
<i>Джумагельдиева Т.А.</i> Ценовая конкуренция: мотивы и последствия	35
<i>Дмитриенко Т.А.</i> Эмоциональные составляющие бренда как основа его конкурентоспособности	41
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Кукеева Ф.Т.</i> Аналитические исследования по трансатлантическим отношениям (США – ЕС)	44
<i>Губайдуллина М.Ш., Чукубаев Е.С.</i> Европейское направление внешнеполитического курса Социал-демократической партии Германии	51
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	
<i>Токсанбаев А.Б.</i> Интерпол – международная организация полицейских служб: основные принципы, структура и полномочия	58
<i>Есенбаев А.Е.</i> Механизмы принятия военно-политических решений и парламентский контроль в Казахстане и России	66
<i>Аубекеров С.Х.</i> Варианты введения суда присяжных в уголовное судопроизводство Казахстана	71
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	
<i>Игалиев М.Н.</i> Процессы элитобразования в Республике Казахстан в 1991–2002 гг.	76
<i>Калетаев Д.А.</i> Ценности молодежи Казахстана как фактор участия в молодежных объединениях	84
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ	
<i>Тулепбаев К.М.</i> Методологические и исторические основы развития системы пенсионного обеспечения	90
<i>Тастенов А.Ж.</i> Теории мотивационных источников политического лидерства	100
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Лаумулин М.Т.</i> Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise.	106
<i>Зотов А.Ф.</i> А.Н.Нысанбаев. Философия взаимопонимания.	108
SUMMARY	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #1 (2003)

CONTENTS

ECONOMY	
<i>N.K. Isingarin, L.Y. Guseva.</i> Transport-Economic Corridor as a Potential of Development	3
<i>G.A. Kurganbaeva.</i> Comparative Parameters of Economic Development of the Central Asian Region's Countries: Possibilities of Cooperation	7
<i>R.B. Zhalimbetova.</i> Problems of Formation of Common Social Space Among the Member-States of the Eurasian Economic Community	15
<i>S.L. Smirnov.</i> Norway: Oil and Resource Policy	20
<i>A.A. Ramazanov, R.M. Ruzanov.</i> Corporate Economy	29
<i>T.A. Dzumageldieva.</i> Price Competitiveness: Motives and Consequences	35
<i>T.A. Dmitrienko.</i> Emotional Components of a Brand as the Basis of its Competitiveness	41
INTERNATIONAL RELATIONS	
<i>F.T. Kukeyeva.</i> Analytical Studies of Transatlantic Relations (US-EU)	44
<i>M.Sh. Gubaidulina, E.S. Chukubaev.</i> The European Direction of the Foreign Policy Course of the Social-Democratic Party of Germany	51
SECURITY AND LEGAL ISSUES	
<i>A.B. Toksanbaev.</i> Interpol as an International Organization of Police Services: Main Principles, Structure and Jurisdiction	58
<i>A.E. Esenbaev.</i> Mechanisms of Military and Political Decision-Making and Parliamentary Monitoring in Kazakhstan and Russia	66
<i>S.Kh. Aubekov.</i> Variants of Introduction of the Jury Court into Kazakhstan's Criminal Justice	71
POLITICAL TRANSFORMATION	
<i>M.N. Igaliev.</i> Processes of Elite Formation in the Republic of Kazakhstan in 1991-2002	76
<i>D.A. Kaletaev.</i> Values of the Kazakhstan's Youth as a Factor of Participation in Youth Associations	84
THEORETICAL PAPERS	
<i>K.M. Tulepbaev.</i> Methodological and Historical Bases of Development of the System of Pension Provision	90
<i>A.Zh. Tastenov.</i> The Theories of Motivation of Political Leadership	100
REVIEWS	
<i>M.T. Laumulin.</i> Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise.	106
<i>A.F. Zotov.</i> A.N. Nasybaev. The Philosophy of Mutual Understanding.	108
SUMMARY	116
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119

ТРАНСПОРТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР – ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Исингарин Н.К., Гусева Л.Ю.

Современный этап развития мирохозяйственной системы характеризуется существенными качественными переменами, стремительным нарастанием процесса глобализации.

Все больше стран и мировых хозяйствующих субъектов втягиваются в единый процесс воспроизводства. Взаимосвязанность хозяйственной деятельности в настоящее время охватывает практически все страны мира. Не является исключением и Казахстан, решающий одновременно несколько стратегических задач: формирование самостоятельной экономики, построение рыночных отношений и обеспечение равноправной интеграции государства в мировую политическую и экономическую систему.

Переливающиеся из страны в страну потоки товаров и услуг, капиталов и людей, глобальные системы коммуникаций и информации, деятельность международных экономических и финансовых организаций и корпораций образовали ткань глобальной экономики, в которую в большей или меньшей степени вплетены все без исключения национальные экономики. Весьма высоким уровнем открытости характеризуется и экономика Казахстана, где объем внешнего товарооборота составляет три четверти валового внутреннего продукта.

Внешнеэкономические связи в условиях глобализации имеют важнейшее значение с точки зрения определения места и роли отдельной национальной экономики в общей структуре мирохозяйственного устройства. Уровень внешнеэкономических связей государства, степень интеграции его экономики в мировую хозяйственную систему определяются состоянием экономики самого государства и в свою очередь оказывают огромное влияние на перспективы его дальнейшего развития.

Важно отметить, что процессы интеграции в мировое экономическое сообщество неразрывно связаны с приданием большо-

го внимания расширению торгово-экономических связей. Именно международная кооперация и разделение труда на основе взаимного оборота товарами и услугами является основой этих связей. Прогнозы развития мировой экономики выделяют в качестве основной тенденцию опережающего роста международной торговли по сравнению с ростом объемов производства.

С укреплением международного авторитета Республики Казахстан и вхождением ее в мировое сообщество, и в частности в региональные международные торгово-экономические организации, а также с открытием представительств признанных международных институтов (ООН, Мировой Банк, ЕС, ЕБРР, Азиатский Банк Развития и др.), в республике созданы серьезные предпосылки для активизации внешнеэкономической деятельности. Кроме того, во многих отраслях экономики происходит ускорение темпов формирования экспортно-ориентированного производства.

Вместе с тем зачастую развитие внешней торговли, а следовательно, и рост ее экономического эффекта сдерживаются для многих государств, в том числе и для Казахстана, проблемами транспорта. В одних случаях – это высокие транспортные издержки, в других – отсутствие эффективных транспортных маршрутов, в третьих – географическая удаленность от центров мирового развития.

В этой связи основными задачами транспорта любого государства выступают:

➤ обеспечение потребности экономики государства во внутренних перевозках, направленных на эффективное использование природных ресурсов, тесные кооперационные связи и равномерное развитие регионов страны;

➤ обеспечение перевозки грузов международных торгово-экономических связей и вхождения государства в мировую хозяйственную систему, межгосударственное разделение труда и кооперацию.

Если транспортная система государства обеспечивает успешное с наименьшими издержками для товаропроизводителей решение этих задач, то экономика развивается успешно.

Транспортная система дает для государства дополнительные преимущества в двух случаях:

➤ когда имеется прямой доступ к мировому океану и есть возможность эффективно использовать более дешевый морской транспорт;

➤ когда государство занимает срединное положение в регионе и через его территорию пролегают сухопутные транзитные пути, использование которых приносит дополнительный доход как транспортным организациям, так и государству.

Таким образом, возможности реализации торгового потенциала стран в известной степени определяются формированием и внедрением новых надежных систем и маршрутов транспортных сообщений, снижением себестоимости и ускорения перевозок.

В этом контексте для Республики Казахстан формирование и организация эффективной работы комплексной транспортно-экономической системы имеет важнейшее стратегическое значение как для расширения внутреннего рынка, так и для углубления внешнеторговых связей республики.

С учетом мировых тенденций развития можно говорить о том, что будущие перспективы Казахстана во многом связаны именно с адаптацией национальной транспортной сети к потребностям экспортно-импортных грузопотоков и использованию транзитного потенциала. Казахстан, не имея доступа к мировому океану, тем не менее, обладает значительными транзитными возможностями.

Основным направлением развития глобальной транспортной системы и оптимизации грузопотоков является создание сети транспортных коридоров. В условиях экономической глобализации транспорт выступает важнейшим рычагом интеграционных процессов в рамках мирового сообщества и формируемые для этого транспортные коридоры создают предпосылки для объединения государств в единое экономическое пространство и адекватного участия стран в современной мировой системе разделения труда.

Формирование транспортных коридоров через территорию Казахстана началось с

обретения республикой независимости. За эти годы в республике создана достаточно широкая сеть как регионального, так и трансконтинентального значения.

В 1991 году была проведена стыковка между казахстанскими и китайскими железными дорогами и открыт международный КПП «Дружба–Алашанькоу», а в 1997 году состоялась стыковка железных дорог на участке Мешхед–Серахс–Теджент, в результате чего было сформировано два новых направления трансматериковых транспортных коридоров – Евроазиатская и Трансазиатская железнодорожные магистрали. Железные дороги Казахстана выступают в качестве основного звена этих транспортных коридоров.

Казахстанские транспортные артерии, порт Актау также являются важнейшей составляющей таких международных транспортных коридоров, как ТРАСЕКА и «Север–Юг».

Таким образом, казахстанские железные дороги имеют большое значение для целого ряда регионов, поскольку предоставляют возможность товарным потокам иметь выход на международные рынки: через ст. Дружба – в Китай, Северную и Южную Корею, ст. Чингельды – в Узбекистан, Туркменистан и ст. Серахс – в Иран и к портам Персидского залива, далее через Турцию – на Черное море и Средиземноморье, через Россию – в страны Балтии, на Украину, Кавказ, в Европу и к Тихому океану.

В целом уже на данном этапе транспортные коридоры Казахстана играют ведущую роль в обеспечении международных, в том числе и транзитных перевозок. Удельный вес международных перевозок в общем грузообороте железнодорожного транспорта в последние годы сохраняется на уровне 40–44% (в начале 90-х годов 50–60%), на транзитные объемы при этом приходится 3,5–4%.

Ключевым моментом в формировании субконтинентальных транспортных коридоров стало установление и развитие транспортных связей Казахстана с Китаем. Использование казахстанско-китайской транспортной системы дает не только сокращение расстояния при осуществлении перевозок, но и возможность осуществления транспортировки по территории Казахстана сразу по нескольким направлениям важных международных маршрутов.

Соответственно, подтверждением установления эффективных транспортных связей

являются ежегодно увеличивающиеся объемы перевозок через ключевое звено транспортной системы – станцию Дружба на казахстанско-китайской границе (таблица 1).

Таблица 1
Динамика экспорта и импорта грузов по станции Дружба тыс. тонн

Период	Экспорт	Импорт
1992	834	145
1993	528	36
1994	460	57
1995	1115	60
1996	2005	196
1997	1768	270
1998	2121	229
1999	3236	297
2000	3795	499
2001	4386	622
2002	5164	836

Источник: оперативные данные Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.

Казахстанско-китайское транспортное взаимодействие и созданный за 10 лет потенциал вывел взаимную внешнюю торговлю на уровень в 10 раз превышающий первоначальные показатели (таблица 2).

Таблица 2
Показатели торговли Республики Казахстан с КНР, млн долларов США

Годы	Товарооборот	Экспорт	Импорт
1994	218,8	148,9	69,843
1997	488,8	442,2	46,6
1998	432,7	382,1	50,6
1999	554,5	473,1	81,4
2000	824,3	670,3	154,0
2001	824,6	655,4	169,2
2002	1324,9	1020,1	304,7

Источник: Агентство РК по статистике

В целом, посредством налаженной сети транспортных коммуникаций и созданной достаточно сбалансированной системы условий транспортировки, Республика Казахстан на сегодняшний день осуществляет эффективный экспорт в Китай таких товаров, как каменный уголь, металлы, минеральные удобрения, продукты неорганической химии, древесина, металлопрокат, зерно. В импорте из Китая преобладает продукция химической промышленности, изделия из пластмассы, электротехника, медикаменты, энергетическое и технологическое оборудование. При этом в направлении на Китай осуществляется более 6% всех экспортных перевозок. Импортные перевозки из Китая составляют более 5%.

В целом итогом совместной работы транспортной и экономической систем стал тот факт, что по объему товарооборота с КНР Казахстан среди стран СНГ вышел на второе место после России. КНР является вторым среди государств вне СНГ по объему назначения и формирования грузов.

Все это позволяет говорить не просто о транспортных направлениях и маршрутах, связывающих государства, не просто о взаимной торговле, а о создании качественно новой формы взаимодействия экономики и транспорта – транспортно-экономических коридорах (ТЭК).

Это направление сотрудничества является обоюдно выгодным для обеих стран. С одной стороны, это позволит более эффективно реализовывать свой экспортный потенциал Казахстану, а с другой – Китаю в перспективе сумеет извлечь большую выгоду от посреднической роли в процессе включения в мировой оборот огромных природных ресурсов и товаров перерабатывающей промышленности Казахстана.

Сформированная Казахстаном и Китаем транспортно-экономическая система – ТЭК, включающая как железнодорожные, так и автомобильные маршруты, в настоящее время также активно используется для обеспечения торгово-экономических связей Российской Федерации, стран Центральноазиатского региона и КНР. При этом ТЭК параллельно стимулирует создание в Центральной Азии перспективного и конкурентоспособного регионального рынка. В этой связи вполне закономерной является заинтересованность в развитии транспортных коммуникаций в Центральноазиатском регионе со стороны Азиатского Банка Развития, который выделил ряд кредитов на ремонт автодорожной магистрали, соединяющей СУАР с Центральной Азией и Ираном. Данный проект также подкрепляется функционированием Трансазиатской железнодорожной магистрали. По мере развития мощностей этого маршрута транзитные возможности ряда центральноазиатских стран (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) и Китая будут существенно увеличены.

Согласно экспертным оценкам, уже в начале третьего тысячелетия прогнозируется значительный рост объемов мировой торговли. Что, собственно, мы и наблюдаем на практике, особенно в рамках трех доминирующих в глобальном масштабе регионов: Северной Америки, Европы и стран Юго-

Восточной Азии, включая Китай. Страны этих регионов и их торговые партнеры заинтересованы в максимально широком развитии транспортно-коммуникационной сети, в том числе и через территорию Республики Казахстан.

Налаживание в целом эффективной работы транспортно-экономических коридоров Казахстана позволит, с одной стороны, стимулировать рост мировых торговых потоков через свою территорию, а с другой – обеспечивать более качественное их транспортное обслуживание.

Казахстан, находясь в центре Евразийского материка и обладая широкой транспортно-коммуникационной сетью, имеет в целом достаточный потенциал, для того чтобы обеспечить себе серьезные позиции на рынке международных перевозок. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что реализация транзитного потенциала, обеспечение конкурентоспособности транспортно-экономических коридоров требует осуществления на каждом этапе целенаправленной политики с конкретным определением целей и основных задач.

В свою очередь решение этих задач требует выработки концептуального подхода, который отразил бы в себе целостность, системность и последовательность практических шагов технического, нормативно-правового, рекламного и другого характера.

Транспортно-экономические коридоры должны стать важнейшим ресурсом ускорения темпов мирового экономического развития, определяющим фактором своевременной равноправной интеграции в мировую экономическую систему национальных хозяйств, расположенных на периферии мировой экономики.

Таким образом, крайне актуальным становится необходимость совмещения возможностей транспорта с потребностями развития внешнеэкономических связей и, в частности, внешней торговли. Сегодня крайне важно обеспечить их совместную и, самое главное, согласованную работу и развитие. В современных условиях роль транспорта должна стать более конструктивной. Транспорт должен активно участвовать в рационализации экономических связей, в организации и оптимизации товарных потоков, транспортные технологии должны интегрироваться с индустриальными.

В этой связи дальнейшему эффективному развитию транспортно-экономических

коридоров способствовала бы работа по следующему ряду направлений:

- активизация тесного интеграционного сотрудничества в рамках региональных организаций, создание режима наибольшего благоприятствования во взаимной торговле соседних государств;
- устранение таможенных, пограничных и других ограничений и барьеров на пути транспортных средств и торговых потоков, осуществление перехода на международные нормы и стандарты взаимодействия;
- дальнейшее совершенствование национальной и согласование межгосударственной нормативно-правовой базы в области транспорта и внешнеторговой деятельности;
- проведение комплексных мер технического характера по дальнейшему развитию технического оснащения и совершенствованию технологий на маршрутах перевозок;
- учет современных тенденций развития грузоперевозок, форсирование развития системы контейнерных и мультимодальных перевозок;
- реализация согласованных мер по установлению единых тарифов на всем маршруте, повышение скорости и надежности перевозок.

Реализация указанного комплекса мер позволит создать эффективные транспортно-экономические коридоры, обеспечивающие потребности внутреннего рынка, осуществляющие широкомаштабные экспортно-импортные поставки и отвечающие требованиям национальных интересов.

Определяющим фактором мирового развития XXI века будет формирование транспортно-экономических коридоров, являющихся результатом совместной и, что самое главное, согласованной работы экономики и транспорта нескольких государств.

Совершенно очевидно, что предстоит еще много работы по определению самого понятия ТЭК, системы взаимосвязи его составляющих, поскольку предлагаемая нами интерпретация, по сути, вводит новое понятие. Но в целом сущность этого нового мирохозяйственного явления достаточно ясна.

Разработка концепции развития ТЭК должна позволить более четко выявить эффективные пути использования экономики транспортного потенциала страны, сделать работу транспорта максимально результативной и обеспечить равноправное вхождение национальных экономик в мировой рынок.

Литература

1. Исингарин Н.К. Транспорт – магистраль экономической интеграции в СНГ. – Алматы: Атамұра, 1998.
2. Бекмагамбетов М. К проблеме развития транзитного потенциала Казахстана // Транзитная экономика. – 2001. – №4. – С. 21.
3. Гусева Л.Ю., Смирнов С.Л. Транзитный потенциал Республики Казахстан: состояние, возможности и механизмы реализации // Казахстан-Спектр. – 2002. – №3.
4. Кононович Е. На принципах доверия // Казахстанская правда. – 25.12.02. – №282.
5. Оперативные данные Министерства транспорта и коммуникаций Республики Казахстан.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА И РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ КООПЕРАЦИИ

Курганбаева Г.А.

Казахстан вступил на путь рыночных преобразований одновременно со странами бывшего социалистического лагеря – Россией и странами Центральной Азии, дифференциация между которыми ярко выражена. Имея неравные стартовые условия, экономический потенциал, этот период времени страны региона прошли по-разному.

Темпы развития экономик *стран региона* различны. Межстрановая дифференциация в благосостоянии людей на постсоветском пространстве не только не уменьшилась, а еще более возросла. Данная тенденция обусловлена следующими факторами: различным экономическим потенциалом и степенью влияния государства на экономические преобразования; общим падением объемов производства во всех странах Содружества, несодинаковыми темпами перехода к рыночным отношениям, национальными особенностями в укладе жизни и традициях.

Казахстан достиг успешных показателей экономического роста благодаря выбранному курсу экономической политики, направленной на проведение структурных реформ и создание рыночных институтов.

Российская Федерация является признанным лидером среди стран СНГ, опережая многие постсоветские страны по темпам экономического роста. Россия вступила на путь экономических преобразований, имея огромный ресурсный потенциал. Сформировав основные рыночные институты, в настоящее время приступила к осуществлению социальных реформ.

Узбекистан наряду с Казахстаном является одним из ключевых стран в Центральноазиатском регионе. В отличие от России и Казахстана, принявших политику «шоковой терапии», экономический рост в Узбекистане был достигнут благодаря иному методу реформирования – постепенным, поэтапным преобразованиям при жестком централизованном государственном управлении.

Республика Кыргызстан первой из стран региона вступила в ВТО, активно привлекает прямые иностранные инвестиции. Страна достигла сравнительно небольших темпов экономического роста, в 2001 г. по сравнению с 2000 г. прирост экономики в данной стране составил 5,3%.

В 2001–2002 гг. *Республика Таджикистан* впервые за последнее десятилетие достигла высоких темпов экономического роста – около 10%. Тем не менее в республике зарегистрирован очень высокий уровень бедности и безработицы, в 2002 г. около 140 промышленных предприятий простаивали.

Безусловно, страны региона имеют разный экономический потенциал и стартовые условия трансформации. Но выбор этих стран в качестве базы сравнения обусловлен характером осуществления реформ, ориентированных на достижение экономического роста и создание качественных рыночных институтов.

Развитие стран Центральной Азии и России во многом определяется динамикой основных макроэкономических показателей, сравнительный анализ которых позволит определить современное экономическое по-

ложение стран и выявить возможные пути их кооперации.

1. Этапы трансформации экономики. Анализ стран региона позволяет сделать вывод о том, что все государства прошли несколько этапов трансформации. Первый этап трансформации представлял собой этап макроэкономической стабилизации на основе жесткой денежно-кредитной политики. Данный этап был охарактеризован как период либерализации экономики и ориентации на укрепление политической независимости.

и здравоохранения, пенсионного обеспечения, осуществление мероприятий по борьбе с бедностью и безработицей.

2. Сравнительный анализ численности населения в странах региона. Рынок стран Центральной Азии и России является достаточно емким: общая численность населения стран Центральной Азии составляет около 55,6 млн человек, России – 144,8 млн человек.

Анализ динамики численности населения в странах с переходной экономикой показал, что 90-е годы ознаменовались значи-

Рисунок 1

В 1991 г. все страны региона затронул глубокий структурный кризис. Среди основных причин кризиса можно было выделить, безусловно, стагнацию экономики, развал СССР и одностороннее увлечение на первом этапе политическим реформированием. Но последствия этого кризиса для стран региона были достаточно сложными: это падение производства на 50–60%; галопирующая инфляция, кризис платежей и зависимость национальной экономики от иностранного капитала, увеличение доли импортных товаров, высокий уровень бедности (70% населения находилось ниже черты бедности).

Второй этап, который стал этапом «преодоления спада», затронул 1996–2000 гг. Данный этап был охарактеризован как переход к социально-ориентированной концепции реформ, сопровождающийся активизацией человеческого потенциала. В 1998–1999 гг. произошёл незначительный экономический рост, который стал предпосылкой третьего этапа – 2000–2001 гг.

2000–2003 гг. были отмечены как годы оживления экономики, этап достижения экономического роста во всех странах региона. В эти годы правительства стран региона стали активно развивать социальные программы: реформирование системы образования

и здравоохранения, пенсионного обеспечения, осуществление мероприятий по борьбе с бедностью и безработицей.

и здравоохранения, пенсионного обеспечения, осуществление мероприятий по борьбе с бедностью и безработицей.

Таблица 1
Потенциальный объем рынка стран Центральной Азии и России, млн человек

Центральная Азия	55,6
Казахстан	14,8
Кыргызстан	4,9
Таджикистан	6,2
Туркменистан	4,8
Узбекистан	24,9
Россия	144,8
СНГ	280,6

В целом динамика показателей воспроизводства населения в России и центральноазиатских странах отражает неблагоприятные тенденции в изменении численности, что объясняется влиянием таких факторов, как снижение уровня жизни, рост числа бедных, ухудшение экологической среды, про-

блемы в системе здравоохранения, недоступность медицинской помощи для большинства граждан, ослабление института семьи и брака, рост эмиграции.

По мнению экспертов, небольшое увеличение численности населения может произойти *только в случае* осуществления активной государственной демографической политики (проведения программы по материальному стимулированию рождаемости, создания благоприятных условий для репатриантов, иммигрантов, снижения уровня эмиграции) и улучшения социально-экономической ситуации в данных странах.

3. Миграция населения. Глобализация и интеграция стран в мировое хозяйство вовлекают в миграционные процессы все большее количество стран.

В России количество прибывших значительно превышает число выехавших из страны, в то время как Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан имеют отрицательное сальдо миграционного баланса. Наибольший отток населения зарегистрирован в Казахстане (-6,7 мигрантов на тысячу человек).

В течение последнего десятилетия наибольшей трансформации подверглись миграционные связи России с бывшими партнерами по Союзу. Поток мигрантов из стран СНГ влияет на быстрое увеличение миграционного прироста России. В 2000 г. совокупное сальдо чистой миграции с этими странами превысило 4,1 млн чел.

Миграционный отток из Узбекистана составляет в среднем 22 тыс. в год. Отрицательное сальдо внешних миграций обусловлено, прежде всего, выбытием квалифицированной рабочей силы из Узбекистана. Миграционные потоки государства формирует в основном русскоязычное население. Отток населения происходит главным образом в Россию (60–65%) и далее зарубежье. С государствами Центральной Азии Узбекистан сохраняет положительное сальдо миграции.

Очень высок миграционный отток жителей Таджикистана. Согласно данным официальной статистики, на заработках в России находится 450 тысяч граждан Таджикистана. Эксперты же называют другую цифру, вдвое большую. 99 процентов выезжающих на заработки в ближнее зарубежье – так называемые стихийные мигранты. В основном это – мужчины в возрасте от 17 до 55 лет.

Интенсивность общей миграционной убыли населения в Кыргызстане резко воз-

растала и, достигнув своего «пика» в 1993 г., составила 121 тысячу человек. В 1990–2001 гг. отток населения из Кыргызстана составил порядка 450 тысяч человек. Для страны с населением в 4,9 млн человек цифра более чем внушительная.

На миграционные настроения в странах Центральной Азии и России оказывают влияние такие факторы, как открытие границ, бегство от вооруженных конфликтов, возвращение на историческую родину репатриантов, нестабильное социально-экономическое и политическое положение в регионе.

Причины выезда русскоязычного населения из центральноазиатских республик – «неуверенность в завтрашнем дне» и желание выехать в более спокойные регионы. В Узбекистане и Таджикистане отток русскоязычного населения объясняется соседством республики с Афганистаном, постоянно создающим напряженность на южных границах.

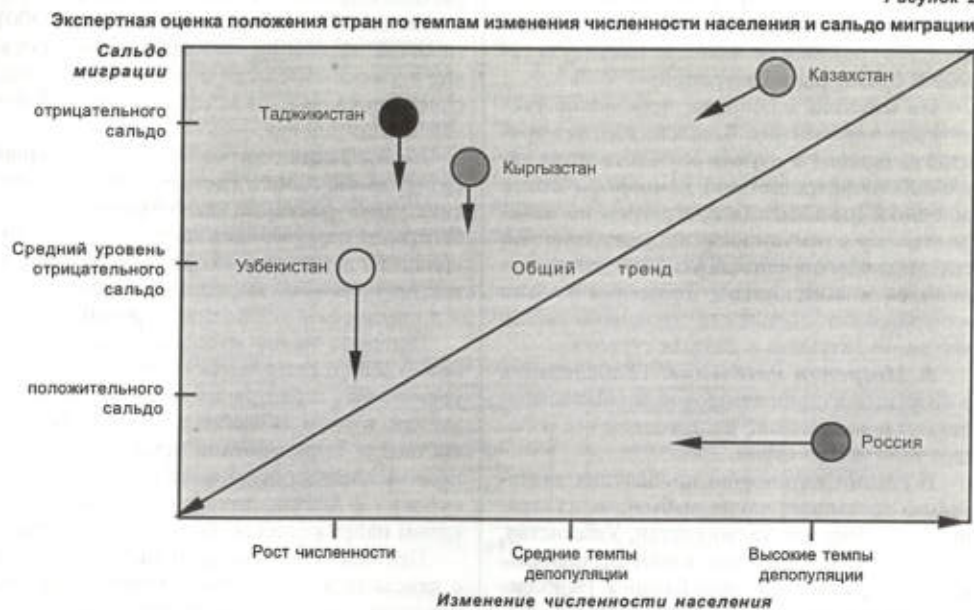
Приведенные данные о миграции стран с переходной экономикой показывают, что характер современной миграции населения значительно изменился. Происходит территориальное расширение миграционных связей, меняется характер миграций, возникают новые тенденции – как позитивные, так и негативные. Важнейшей негативной тенденцией является появление различных форм вынужденных миграций. Как показывают данные обследований потенциальной и реальной миграции, многие люди меняют место постоянного жительства неохотно, вопреки желанию, некоторые из них после всех материальных затрат и издержек, связанных с переездами, возвращаются затем обратно.

Анализ двух показателей: численности населения и сальдо миграции позволяет сделать следующие выводы и прогнозы:

Стремление стран в области улучшения демографической ситуации – это осуществление государственной политики по снижению темпов депопуляции и отрицательного сальдо миграционного баланса (рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, лучшее положение занимает Узбекистан, государственная политика которого направлена на достижение положительного сальдо миграции. Россия имеет положительное сальдо миграции, но вместе с тем высокие темпы депопуляции. В ближайшей перспективе политика государства будет направлена на снижение темпов депопуляции. Положение Кыргызстана характеризуется высоким уровнем отрицательного сальдо и средними темпа-

Рисунок 2

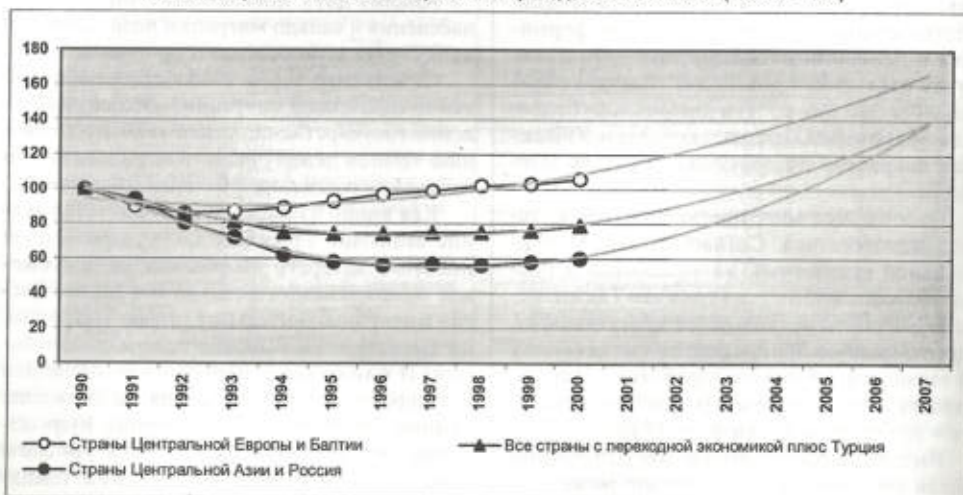
ми депопуляции. Это государство должно вести свою политику по двум направлениям: увеличению прироста населения и снижению отрицательного сальдо миграционного баланса. Таджикистан характеризуется очень высокими темпами миграционного оттока при сохраняющейся тенденции роста численности населения. В связи с этим республике целесообразно активно развивать программу по сокращению уровня эмиграции в другие страны.

Казахстан занимает не самое лучшее положение: с одной стороны, имеет высокие темпы депопуляции, с другой стороны, – высокий уровень отрицательного сальдо баланса. Усилия государства целесообразно направить на осуществление активной демографической политики.

4. Динамика ВВП. В странах Центральной Азии и России темпы роста ВВП были различны. На рисунке 3 отображена динамика реального ВВП во всех странах с пе-

Рисунок 3

Динамика реального ВВП в странах с переходной экономикой (1990 г. = 100)

редходной экономикой. Страны Центральной и Восточной Европы и Балтии проходят экономическое развитие опережающими темпами, в то время как в странах Центральной Азии и России темпы роста ВВП были замедлены.

Данные таблицы 2 показывают, что значительное сокращение ВВП происходило во всех странах Центральной Европы и СНГ. В то же время страны Центральной Азии и России пережили значительно более глубокий спад, чем страны Центральной и Восточной Европы. В отличие от стран Центральной Европы в странах Центральной Азии и России наблюдался длительный и глубокий спад ВВП (рисунок 3). В России, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане год рецессионной точки – 1998 г., в этом году спад ВВП в этих странах составил от 40 до 60%. В Узбекистане год прохождения нижней точки спада – 1995 г., глубина спада была относительно невысока – 14,4%. Экономический подъем начался поздно, сначала в Узбекистане, затем в России, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Мировой финансовый кризис 1998 г. нанес серьезный удар этому процессу, так что только 2000–2001 гг. можно охарактеризовать как период выхода стран Центральной Азии и России на путь экономического роста.

Снижение производства на первом этапе реформ было предсказуемым, однако его размеры намного превзошли ожидания, что вызвало резкую дискуссию о правильности подхода к проведению реформ, проводившихся в этих странах.

Рост ВВП в Казахстане и России в основном был достигнут за счет роста производства в топливно-энергетическом комплексе (экспортноориентированных отраслей). Увеличение ВВП в Таджикистане и Кыргызстане произошло в результате рос-

та производства в отраслях сельского хозяйства.

5. Ход институциональных реформ и становление рыночных институтов. В объяснении фундаментальных причин спада соперничают два противоположных по своей идеологии подхода.

Первая позиция исходит из того, что решающее значение для успеха рыночных реформ имели скорость и глубина **структурных реформ** и макроэкономической стабилизации. Страны Центральной Европы – Польша и Венгрия использовали метод «шоковой терапии», решая самые важные, концептуальные проблемы с самого начала. В странах – лидерах СНГ первые годы реформ пошли по пути градуализма – последовательности. В связи с тем, что реформы проводились достаточно медленно, существующая командно-административная система поглощала данные преобразования.

Альтернативная точка зрения состоит в том, что решающим фактором, определяющим успех или неудачу реформ, служит **качество государственных институтов**. Акцент при этом сдвигается с макроэкономической политики на обеспечение защиты прав собственности и законности, предсказуемость экономических условий и «правил игры», формирование доверия к властям, развитие инфраструктуры. Главной причиной медленной трансформации экономической системы в странах СНГ в этом подходе называется слабый прогресс в развитии институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики.

Восточноевропейские государства явились флагманами институциональных рыночных преобразований. Эти страны в числе первых успешно осуществили системные реформы по переходу к рыночной экономике: провели либерализацию экономи-

Таблица 2

Спад производства в странах Центральной Азии и России за 1989–1998 гг.

	Спад(-) / рост(+) за 1989–1998 гг.	Спад в нижней точке	Год прохождения нижней точки	Рост по сравнению с нижней точкой
Россия	-45.1	-45.1	1998	0.0
Казахстан	-40.0	-40.0	1998	0.0
Узбекистан	-8.4	-14.4	1995	7.0
Таджикистан	-62	-62	1996	16.3
Кыргызстан	-60	-60	1995	19
Все переходные экономики	-31.9	-41.8	1993	17.0
Страны СНГ	-49.0	-54.4	1995	11.8
Страны Центральной и Восточной Европы	-12.2	-28.0	1992	21.9

Источник: Fisher, Sahay, 2000г.

ки, приватизацию, сформировали стабильную двухуровневую банковскую систему, создали условия для развития малого и среднего бизнеса.

На путь осуществления активных рыночных реформ Узбекистан вступил несколько позднее.

Оценка положения стран по двум показателям: 1) темпы осуществления экономических реформ и 2) развитость рыночных институтов позволяет сделать следующие выводы и прогнозы.

На наш взгляд, макроэкономическая политика, структурные реформы и укрепление институтов не являются взаимозаменяемыми: для успешного развития требуется сочетание всех этих компонент. При этом формирование институтов должно идти впереди остальных составляющих политики: любые меры могут быть продуктивными, только если экономическая среда подготовлена для адекватной реакции на них.

В Узбекистане и Таджикистане формирование слабозрелых рыночных институтов было обусловлено низкими темпами осуществления экономических реформ. Узбекистан принял путь частичного реформирования. Республика осуществила ограниченную либерализацию экономики, реформирование банковской системы. На сегодняшний день слабо сформированы многие рыночные институты: пенсионная, банковская системы, отсутствует фондовый

рынок, медленно развивается малый и средний бизнес. Из-за нестабильности финансовой системы, медленных темпов разгосударствления экономики, неблагоприятных условий для привлечения иностранного капитала инвестиционная привлекательность страны остается невысокой. Начинает осуществляться реструктуризация сельского хозяйства (отказ от государственных закупок), финансовой системы (планируется конвертация национальной валюты – сума).

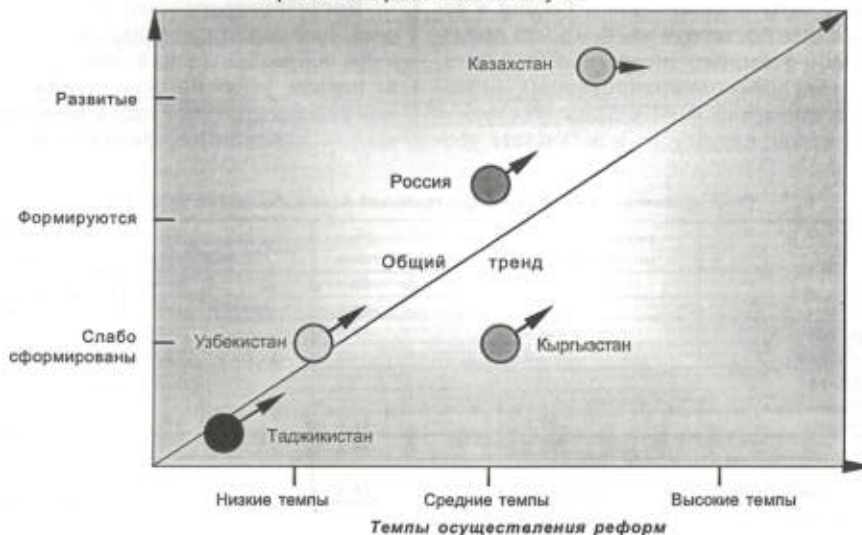
Россия создала достаточно сильные рыночные институты, в числе которых можно выделить развитый фондовый рынок, банковский сектор, в то же время в начальной стадии находится принятие таких важных преобразований, как пенсионная реформа, принятие закона частной собственности на землю.

В Кыргызстане средние темпы осуществления рыночных реформ, но недостаточно эффективно функционируют основные рыночные институты: банковская система, фондовый рынок. Таджикистан характеризуется как низкими темпами осуществления рыночных преобразований, так и слабо сформированными рыночными институтами.

Казахстан занимает лидирующее положение по развитости рыночных институтов, стремясь к ускорению темпов экономических реформ. Вектор развития Казахстана на

Рисунок 4

Экспертная оценка положения стран по темпам осуществления экономических реформ и развитости рыночных институтов

ближайшие годы – закрепление достигнутых результатов, повышение качества сформированных институтов. Это позволит более активно интегрироваться в мировую экономическую систему, стать лидером рыночных преобразований в странах Содружества.

6. Инфляция. Казахстан по уровню инфляции наиболее приближен к центрально-европейским странам. В 2000 г. темп роста инфляции составил 10,2%, а в 2001 г. Казахстан достиг лучших в Центральной Азии показателей роста инфляции – около 6,4% по сравнению с предыдущим годом. Кыргызстан также характеризуется позитивной тенденцией снижения уровня инфляции, так, например, в 2002 г. цены на потребительские товары в республике выросли всего на 2,3% по сравнению с предыдущим годом, тогда как в 2000 г. этот показатель был равен 9,6%.

Таблица 3

Динамика индекса потребительских цен за 2000-2002 гг., в % к предыдущему году

	Цены на потребительские товары			Цены на промышленную продукцию		
	2000	2001	2002	2000	2001	2002
Казахстан	9,8	6,4	6,6	19,4	-14,1	11,9
Кыргызстан	9,6	3,7	2,3	23,3	5,2	7,5
Россия	20,2	18,6	15,1	31,6	10,7	17,1
Таджикистан	60,6	12,5	14,5	33,8	5,5	18,8

В России в 2000–2001 гг. рост индекса потребительских цен был в среднем около 20% по сравнению с предыдущим годом.

Таджикистан по темпам роста инфляции до 2000 г. занимал одно из худших положений, данный показатель достигал 60% в год. В 2001–2002 гг. республике удалось снизить темпы роста инфляции до 12–14%.

В Узбекистане обстановка намного сложнее, инфляция достигает 200% в год. Уровень долларизации экономики не высок. Но вместе с тем существует три курса обмена национальной валюты – сума на дол-

лары, а именно: первый – официально устанавливаемый национальным банком страны, второй – коммерческий, определяемый банками второго уровня (выше официального курса), третий – рыночный (теневой), формирующийся на «черном» рынке (в несколько раз превышающий официальный курс).

В целом финансовое положение России и Казахстана в 2000–2001 гг., как правило, отличалось достаточной стабильностью, обусловленной умеренной инфляцией, поддержанием относительно устойчивых курсов национальных валют к доллару США.

Вместе с тем о хрупкости такого положения говорит низкий уровень монетизации данных стран. В среднем уровень монетизации в этих странах не превышает 20% от ВВП.

7. Инвестиции. Переход к рыночной экономике в странах был обусловлен необходимостью привлечения финансовых источников для становления и развития рыночных институтов. В связи с дефицитом внутренних источников инвестирования государства были вынуждены обращаться к внешним заимствованиям, в частности к прямым иностранным инвестициям.

В 1990 г. объемы прямых иностранных инвестиций были незначительными, в связи с началом проведения процессов институциональных преобразований. Тем не менее в последующие годы рассматриваемые страны постепенно наращивали объемы прямых инвестиций (таблица 4).

Кыргызстан. Уровень прямых иностранных инвестиций в среднем в 13–14 раз меньше в Кыргызстане. Начиная с 1990 г. объемы привлеченных прямых иностранных инвестиций имели постоянную тенденцию роста. Так, в 1999 г. уровень иностранных инвестиций достиг своей максимальной отметки и составил 109 млн долл. США. В 2000–2002 гг. данный

Таблица 4

Прямые иностранные инвестиции в Кыргызстане, Таджикистане, России, Узбекистане и Казахстане в 1990-2000 гг. (млн долл. США)

	1990	1996	1997	1998	1999	2000
Кыргызстан	–	–	–	–	109	90
Таджикистан	10	12	14	16	18	29
Россия	0	2479	6638	2764	3309	2704
Узбекистан	40	55	285	140	121	100
Казахстан	100	310	1321	1152	1587	1249

Источник: отчет Всемирного банка за 1998, 2000, 2001 гг.

показатель снизился и был равен в среднем 90 млн долларов США.

Таджикистан. По сравнению со сравнимыми странами объем прямых иностранных инвестиций в Таджикистане очень низок. В 2001 г. по сравнению с 2000 г. объем ПИИ вырос в 3,6 раза, превысив 29 миллионов долларов США.

Россия. В России до 1997 г. происходил рост инвестиционных вложений, начиная с 1998 г. данный показатель имел тенденцию к снижению. Так, в 1997 г. приток инвестиций составил 6638 млн долларов, тогда как в 2000 г. его объем сократился до 2704 млн долларов, что почти в 2,5 раза меньше. Уровень привлеченных иностранных инвестиций в России в 1997 г. был наиболее высоким. Вместе с тем в последующие годы виден резкое сокращение притока иностранных инвестиций.

Узбекистан. Узбекская экономика также характеризуется низкими объемами иностранных инвестиций. Так, с 1990 по 2000 гг. объемы инвестиций выросли всего на 60 млн долларов и составили в 2000 г. 100 млн долларов.

Казахстан. Уже в первые годы независимости в 1990 г. в Казахстан было вложено 100 млн долл. в виде прямых иностранных инвестиций, несмотря на слабое развитие в тот период инфраструктуры казахстанской экономики, отсутствие многих элементов рыночной системы, обеспечивающих благоприятный инвестиционный климат. В последующие годы данный показатель увеличивался и составил в 1999 г. 1587 млн долларов США, достигнув своей наибольшей отметки за период 1990–2000 гг.

Таким образом, изменения объемов прямых иностранных инвестиций по странам региона в целом имеют тенденцию роста. В то же время вследствие мирового финансового кризиса 1998 г. ускоренный приток инвестиций по странам в 1999–2000 гг. сменился некоторым снижением темпов прироста вкладываемых финансовых потоков.

Лидером по объемам привлекаемых инвестиций среди стран является Россия (объемы инвестиций в среднем равны 2,7–3 млрд долларов). Таджикистан и Узбекистан характеризуются наименьшими объемами. Так, в 2000 г. данный показатель в Узбекистане был ниже в 16 раз, чем в Казахстане, что объясняется низким инвестиционным климатом в стране.

Таким образом, как показал анализ основных макроэкономических показателей, страны Центральной Азии и Россия достигли успешных показателей экономического роста благодаря выбранному курсу экономической политики, направленной на проведение структурных реформ и создание рыночных институтов.

Первый этап (1991–1995 гг.) системных реформ заключался в обеспечении макроэкономической стабилизации на основе жесткой денежно-кредитной политики, второй этап (1996–1999 гг.) характеризовался преодолением экономического спада, созданием рыночной инфраструктуры. На третьем этапе (с 2000 г.) страны вступили в фазу оживления экономики.

Однако нерешенными для Центральной Азии и России остаются **социальные вопросы**: высок уровень бедности и безработицы, не все страны решили вопросы с развитием системы пенсионного обеспечения, страхования, слабо развит сектор образования и здравоохранения. В связи с этим страны региона, наряду с разработкой индустриальных программ, направляют свои усилия на реформы в социальном секторе.

Несмотря на то, что страны Центральноазиатского региона и Россия в силу сырьевой направленности экспорта являются конкурентами на мировом рынке ресурсов, существует ряд направлений **экономического сотрудничества, стратегической целью которого является интеграция стран региона.**

Первым этапом на пути к интеграции может стать кооперация стран по отдельным направлениям.

На наш взгляд, фундаментальной основой экономической кооперации могут стать следующие направления:

- **Расширение взаимной торговли** (усиление товарооборота между странами).
- **Усиление приграничного сотрудничества** (упрощение таможенных процедур при перемещении товаров и услуг через границу, развитие совместных проектов).
- **Взаимодействие в нефтегазовой, энергетической сфере** (совместное освоение некоторых месторождений Каспия, углубление сотрудничества в области научных исследований и разработок передовых технологий, создание совместных предприятий (СП «КазРосГаз»)).
- **Сотрудничество в сфере транспорта и коммуникаций** (сохранение условий

для транзита энергоресурсов через территории государств, поддержание на необходимом уровне квот на транзит нефти и газа, выход на Европейский рынок, плановое увеличение пропускной способности КТК, решение накопившихся вопросов между Министерством транспорта стран региона по железнодорожным тарифам и другим вопросам, создание совместных предприятий в транспортной отрасли).

Развитие данных направлений потребует от стран региона в первую очередь синхронизации законодательной и нормативной базы стран. Для стран региона в ближайшей перспективе актуализируется вопрос принятия новых законов («О государственной поддержке социально-экономи-

ческого развития приграничных территорий РК», «О свободных экономических зонах», «О приграничной торговле»).

Все страны региона (кроме Кыргызстана) планируют вступление в ВТО. Присоединение стран региона к ВТО является необходимым шагом, но при этом надо ясно представлять приобретения и потери, которые получают страны региона. Многосторонние торговые соглашения ВТО содержат жесткие и подробные правила и нормы, регулирующие торговлю товарами и услугами. В связи с этим странам региона целесообразно синхронизировать этапы вступления в ВТО, скоординировать маркетинговые стратегии выхода на международные рынки.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Жалимбетова Р.Б.

Сейчас интеграция идет как в глобальном масштабе, так и в форме создания, развития региональных объединений. В основе интеграции государств – членов ЕвразЭС лежит экономическая интеграция, которая предполагает свободное движение между странами товара, капитала и рабочей силы. Такую свободу передвижения невозможно обеспечить без унификации правовой базы экономических и социальных процессов, без принятия единых политических решений по общим для стран Сообщества вопросам. Причем, как убедительно свидетельствует опыт Европейского Союза, ни по одному из направлений нельзя успешно продвигаться в отрыве от других направлений. Так, Парижский саммит 1972 г. лишь поставил вопрос о разработке единой социальной политики. Хартия основных социальных прав трудящихся 1989 г. только декларировала основные социальные права, а юридические документы, на которые смогла опереться эффективная социальная политика в Европейском Союзе, появилась лишь в 1992 г. с подписанием Маастрихтских соглашений [1].

Сегодня Сообщество продолжает работу по унификации железнодорожных тарифов, упрощению таможенных процедур,

формированию платежно-расчетной системы, интенсивно согласовываются позиции для вступления в ВТО. Необходимо продолжать искать такие формы и механизмы экономического сближения, которые достаточно эффективны при существенных различиях в национальных экономических системах государств – членов ЕвразЭС.

Несомненно, для всех нас особое значение имеет обеспечение нормального функционирования важнейших социальных механизмов: выплаты пенсий и пособий, получение образования, работа транспорта и энергетики, сохранение беспрепятственного передвижения на всем постсоветском пространстве и т.д.

Для того чтобы в максимальной степени использовать возможности интеграции для подъема экономики и улучшения жизни людей, необходимо принять меры по свободе общения народов стран Сообщества. Развитие ЕвразЭС должно идти таким путем, чтобы оно стало общим домом для людей труда. Это будет возможным при условии сближения трудового и социального законодательства стран ЕвразЭС, создания благоприятных межгосударственных отношений в социально-трудовой сфере. Именно на этой базе возможно обеспечить

свободу передвижения граждан по территории Сообщества, в частности их трудоустройство.

Создание зоны свободной торговли и общего экономического пространства предполагает формирование общего рынка труда государств – членов ЕврАзЭС с учетом сложившегося мирового опыта использования иностранной рабочей силы и регулирования процессов миграции населения. Не секрет, что занятость населения в 90-е годы постоянно сокращалась практически во всех государствах Сообщества, и одной из причин являлся отток населения. К примеру, в январе–июне 2002 г. миграционный отток из Республики Таджикистан составил 5,5 тыс. человек.

Как мы знаем, с самого начала суверенного существования каждая страна стояла перед выбором собственного пути вхождения в рынок, поэтому процесс преобразований получил свою национальную окраску в социально-трудовой сфере. Напряженность на национальных рынках труда стран Сообщества в расчете на 1 вакансию изменилась в Беларуси – с 2,4 на конец июля 2001 г. до 3,4 на конец июля 2002 г., соответственно, в Казахстане – с 16,2 до 17,9, Кыргызстане – с 31,5 до 26,8, России – с 1,0 до 1,3, Таджикистане (на конец июня) – с 6,2 до 8,6 [2]. И все же при всех особенностях реформаторской политики государств – членов ЕврАзЭС легко просматривается связь с мировыми тенденциями, общность в понимании и направленности трансформационных изменений, стратегической ориентации на формирование рыночного хозяйства. Схожи содержание и основные этапы экономических реформ, их приоритеты.

К положительным результатам проводимых экономических реформ и интеграционного развития стран Сообщества следует отнести сближение основных направлений рыночных преобразований, экономической и социальной политики. Практически во всех странах ЕврАзЭС сложился программно-целевой подход к реформам на базе государственных среднесрочных программ, индикативного планирования социально-экономического развития.

Экономический подъем в большинстве стран Сообщества был обеспечен не только за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, но и благодаря стабилизации и подъему производства в реальном секторе. Наиболее кардинальным изменением в структуре занятости, связанным с переходом

к новым условиям хозяйствования, стал переток рабочей силы из государственного в частный сектор. В результате – занятость в негосударственном секторе, включая частный сектор, общественные организации, предприятия со смешанной формой собственности и предприятия, созданные совместно с фирмами зарубежных стран. Сервисизация экономики в наибольшей степени продвинулась в Казахстане, России и Беларуси, где в сфере услуг занято 51–60% работающих. В остальных странах их доля пока не превышает 40–45%. Несмотря на такие положительные результаты сложная ситуация на национальных рынках труда привела к появлению групп и слоев населения, для которых стали характерными настроения несбывшихся ожиданий и надежд на улучшение жизни.

Период перехода к рыночным отношениям усилил расслоение общества по уровню доходов. Особенно в тяжелом положении оказались малоимущие, студенты, пенсионеры, одинокие, многодетные, беженцы и др. Несмотря на принимаемые в каждом государстве – члене ЕврАзЭС меры по их социальной поддержке, большинство из указанных групп населения находится за чертой бедности.

Так, к примеру, в Таджикистане бедность – сельское явление, где 81% населения проживает в сельской местности. В стране 18,6% городских жителей могут считаться самыми бедными по сравнению с 23,4% сельских жителей. Доход от основной работы обеспечивает только треть общего дохода домашних хозяйств, находящихся в нижних 20% самых бедных хозяйств, и около половины для тех, кто находится в числе 20% самых богатых домашних хозяйств по распределению расходов на душу населения [3].

Социальная цена реформ для многих граждан Таджикистана оказалась чрезмерной. Если среднемесячная заработная плата в 2000 г. составила \$8,5, то минимальная заработная плата – \$0,55, а минимальная пенсия – \$1,1. Особую озабоченность вызывает то, что значительная часть работающих граждан получает заработную плату намного ниже прожиточного минимума. В основном это работники бюджетной сферы, сельского хозяйства, некоторых отраслей промышленности.

Статистики отмечают также, что в 2002 г. продолжился рост реальных располагаемых денежных доходов населения, спрос на рабочую силу на рынках труда был устойчи-

вым, уровень безработицы – относительно невысоким. Объем потребления населением товаров и услуг в большинстве стран СНГ вырос по сравнению с 2001 г., но все еще остается ниже уровня 1991 г. (особенно в странах, ощутивших на себе последствия финансового кризиса 1998 г.).

Согласно статистическим данным, около 32% населения Республики Казахстан живет за чертой прожиточного минимума, объем которого ныне составляет около 4,5 тыс. тенге в месяц. Это значит, что каждый третий житель Казахстана остро нуждается материально, эти люди лишены необходимой медицинской защиты, не в состоянии содержать и обучать своих детей. Отсюда и осложнение демографической ситуации, миграция населения в другие страны [4].

Отметим, что ограниченные возможности применения рабочей силы на территории Сообщества подталкивают ее к неуправляемому перемещению. Возникает и увеличивается несбалансированность национальных рынков труда. Особенно тревожат нарастающие масштабы неконтролируемой трудовой миграции. Значительную часть в этих потоках составляют незаконные мигранты.

В числе других негативных социальных моментов, на наш взгляд, выделяются:

- усиление дифференциации доходов населения;
- значительное ослабление стимулов к труду;
- нарастание трудностей в функционировании отраслей социальной сферы;
- сохраняющаяся бедность значительной части населения;
- возрастание масштабов скрытой безработицы, преступности, наркомании;
- углубление территориальных диспропорций в уровне жизни населения;
- запоздалое реагирование в ряде случаев системы социальной помощи на негативные социальные последствия проводившихся преобразований в государствах – членах ЕврАзЭС.

Можно рассчитать, что если сырьевой сектор и связанные с ним отрасли обработки первичного сырья, обслуживание импорта, развитие сферы услуг дадут нам занятость только определенной части трудовых ресурсов стран ЕврАзЭС, то при таком развитии событий мы обречены на застойную безработицу. Соответственно, следствием этого станет замораживание низкого уровня оплаты труда. А доля оплаты труда в структуре

национального дохода любого государства – члена ЕврАзЭС вдвое и даже в несколько раз меньше, чем тот уровень, который характерен для развитых стран.

Сегодня ситуация на национальных рынках труда следующая:

В Республике Беларусь в 2000 г. обратилось по вопросу трудоустройства 299,1 тыс. чел, из них трудоустроено 224,1 тыс. чел. Признано безработными 147,6 тыс. чел., а уровень безработицы составил 2,1%.

В Республике Казахстан число безработных во втором квартале 2002 г. составило 679,7 тыс. чел.

Если в Кыргызской Республике в декабре 2001 г. было зарегистрировано 60 522 чел. безработных, то в июне 2002 г. – 62 666, сентябре 2002 г. – 61 604 безработных.

В Российской Федерации численность экономически активного населения к концу августа 2002 г. составила 71,6 млн человек, или около 50% от общей численности населения страны, в их числе 66,2 млн чел., или 92,5% экономически активного населения, было занято в экономике и 5,4 млн человек (7,5%) не имело занятия, но активно его искало (в соответствии с методологией МОТ они классифицируются как безработные). В органах государственной службы занятости зарегистрировано в качестве безработных 1,2 млн чел., или 1,7% экономически активного населения. К концу августа 2002 г. в органах государственной службы занятости состояло на учете 1,4 млн незанятых трудовой деятельностью граждан, из них 1,2 млн человек имело статус безработного. В августе 2002 г. получило статус безработного 200,3 тыс. человек (на 16,2 тыс. человек, или на 8,8%, больше, чем в августе 2001 г.).

В Республике Таджикистан статус безработного в июне 2002 г. имело 48,8 тыс. человек. Уровень безработицы составил 2,7% [5].

Увеличение числа безработных по странам ЕврАзЭС можно объяснить следующим образом: во-первых, низкие темпы реструктуризации и уменьшение количества привлекательных вакансий затрудняют самостоятельный поиск работы и делают его более длительным. Во-вторых, поскольку переход к новым механизмам хозяйствования и стабилизация экономики потребовали гораздо больше времени, чем предполагалось, соответственно, люди исчерпали свои материальные и нематериальные ресурсы, накопленные годами, и стали более зависимыми

от ослабшей государственной системы социального обеспечения [6].

Важную роль в формировании общего рынка труда и развития миграции между странами Сообщества играет оплата труда. За годы реформ резко возросла ее дифференциация. Так, в первом квартале 2002 г. в Казахстане номинальная заработная плата одного работника составила 18 787 тенге. Ее уровень превысил величину прожиточного минимума в 4,2 раза. Самой высокой заработной плата сохраняется в финансовой сфере – 46 351 тенге, и ее величина выше, чем в сельском хозяйстве в 7,2 раза, в здравоохранении – в 4,6 раза, в образовании – в 3,8 раза.

В Республике Беларусь в 2000 г. среднемесячная начисленная заработная плата составила 58 916 рублей. Минимальный потребительский бюджет – 46 745 рублей, а соотношение среднемесячной заработной платы и минимального потребительского бюджета – 126,0%.

В Кыргызской Республике среднемесячная заработная плата одного работника в 2001 г. составила 1455, 1 сом, за первое полугодие 2002 г. – 1498,3 сом.

В Российской Федерации начисленная средняя заработная плата в августе 2002 г. составила 4643 рубля и возросла по сравнению с августом 2001 г. на 37,7%. В июле 2002 г. уровень начисленной средней заработной платы работников здравоохранения, образования, культуры и искусства составил к ее уровню в промышленности 60%, 52% и 52% [5].

Как видим, заработная плата с начала либерализации социально-трудовых отношений вышла из-под прямого государственного регулирования. Сложившийся уровень оплаты труда чрезмерно занижен, не отражает реальной стоимости специфического товара «рабочая сила», не выполняет стимулирующей роли в повышении эффективности труда. Считаем, что минимальная заработная плата, выполняющая как социальную (гарантию минимума доходов), так и экономическую функцию, должна постоянно являться предметом трехсторонних переговоров социальных партнеров.

Положительные тенденции в развитии экономики позволили несколько увеличить размер средней зарплаты и доходов населения. Если ранее рост номинальной заработной платы и доходов «съедался» инфляцией, то в прошлом, и особенно в текущих годах, наметилась тенденция роста реальной зар-

ботной платы и доходов населения. К примеру, возьмем Казахстан. Во-первых, уменьшается количество людей, живущих ниже прожиточного минимума. Этот показатель с 43% в 1997–1998 гг. снизился до 32% в 2000 г. Во-вторых, наметилась тенденция увеличения реальных доходов населения. В последние годы этот показатель в среднем возрастал на 3–4%. При этом среднедушевые денежные доходы начинают превышать величину прожиточного минимума. В-третьих, с 1999 г. впервые наметилась тенденция приостановления процесса перераспределения доходов населения в пользу высокодоходных групп [4].

Вместе с тем уровень доходов населения остается крайне низким. В 2000 г. среднедушевые доходы составили 3983 тенге в месяц и в реальном выражении выросли на 3,6%. При этом в долларовом исчислении среднедушевые доходы составляют менее 1 долл. в день [7].

На формирование единого социального пространства государств – членов Сообщества влияют проводимые в странах ЕврАзЭС социальные реформы: их масштабы, глубина, темпы, последовательность и приоритеты. Смена ориентиров социального развития, лежащих в основании внутренней и внешней политики каждого государства, входящего в ЕврАзЭС, ее экономических и социальных компонентов стала сегодня очевидной.

Для решения данной социальной проблемы необходим системный подход, позволяющий выявить реальные возможности ее смягчения, определения целей и задач поэтапного ее устранения. Первоочередной практической задачей социальной интеграции является обеспечение взаимного признания граждан на социальную защиту (например, получение медицинской помощи и образования), взаимное признание документов об образовании, создание единого информационного пространства. В этом направлении в рамках Евразийского экономического сообщества проделана большая работа. Приняты и реализуются следующие документы:

Соглашение о взаимном предоставлении гражданам скорой и неотложной медицинской помощи;

Соглашение о предоставлении равных прав гражданам на поступление в учебные заведения;

Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях;

Соглашение о сотрудничестве в распространении массовой информации;

Соглашение о создании благоприятных условий для распространения программ телевидения и радио на территориях Сообщества;

Протокол об облегчении процедуры почтовых отправлений и обеспечении свободной подписки и доставки периодических изданий между государствами Сообщества и пр.

В странах Сообщества принят ряд законодательных актов, направленных на решение острых социальных проблем. Так, в Казахстане приняты программы «Здоровье народа», «Образование», «Адаптация и социальная защита репатриантов (оралманов)», «Программа по улучшению положения женщин», «Защита окружающей среды». Секретариат Интеграционного Комитета разработал в инициативном порядке проект Межгосударственной целевой программы «Совместная деятельность по унификации законодательства в социально-трудовой сфере государств – членов ЕврАзЭС на 2004–2006 годы». В этой связи большое значение имеет системная, целенаправленная реализация на практике намеченных и принятых межгосударственных программ, их координация и взаимная увязка.

Считаем, что следует опираться на действующие социально-правовые гарантии в сфере труда. В странах ЕврАзЭС они разные и было бы целесообразно провести их сравнительно-сопоставительный анализ и отобрать все, что наиболее эффективно служит целям защиты социально-трудовых прав работников, а также составить обновленную социальную хартию стран Сообщества.

Необходимо развивать современные рыночные основы экономики с использованием системы социальных ограничителей и компенсаций. Эта система социальных гарантий должна быть увязана с экономическими возможностями стран, входящих в ЕврАзЭС. Для этого необходимо установить ориентиры и приоритетные цели и задачи согласованной социальной политики стран Сообщества. Ориентиром может стать система измерителей или индикаторов: нижние, пороговые значения, переход за которые ведет к социальной напряженности, а в последующем – к угрозе экономической и общественной безопасности; минимальные верхние с поэтапным достижением социальных

стандартов достойного уровня и качества жизни граждан.

Приоритетными задачами в этой связи являются:

- разработка концепции, стратегии и приоритетных направлений социальной политики государств – членов ЕврАзЭС;

- создание системы единых социальных стандартов, адекватных новым требованиям общественного развития;

- создание межгосударственной системы непрерывного наблюдения за фактическим положением в социально-трудовой сфере (мониторинга социально-трудовой сферы государств – членов ЕврАзЭС);

- сближение нормативной правовой и методической базы социально-трудовой сферы (на основе специально разработанной единой методологии и методики сопоставления минимальных социальных гарантий в сфере доходов и уровня жизни населения);

- гармонизация систем социального обеспечения;

- формирование общего рынка труда (разработка принципов регулирования трудовой миграции и повышение трудовой мобильности населения государств – членов Сообщества);

- поиск механизмов создания близкой по основным характеристикам системы пенсионного и социального страхования и разработка Плана мероприятий для каждого государства – члена ЕврАзЭС по приближению к ней;

- принятие мер по социальной защите особо нуждающихся категорий населения государств Сообщества и др.

Сегодня перед нами стоит сложная задача – разработка принципов социальной интеграции, способных придать интеграционному процессу длительную устойчивость в условиях глобализации. Основной проблемой, конечно, является обеспечение оптимального сочетания национальных интересов и интересов интеграции. Это предполагает, что каждое решение в области социальной интеграции должно быть результатом гармонизации интересов стран Сообщества.

Существенные проблемы в процессе интеграции могут возникнуть при поиске путей и механизмов выравнивания социальных условий стран ЕврАзЭС, которые сегодня находятся на разных ступенях социально-экономического развития. Конечно, есть опасение, что создание общего рынка труда повлечет за собой ухудшение социальных

условий для более развитых стран, их выравнивания на более низком уровне. Решение этой проблемы состоит в том, чтобы выровнять уровень социальной защищенности населения всех стран ЕвразЭС с ориентацией на более высокие социальные стандарты.

В этой связи необходимость проведения согласованной социальной политики на территории Сообщества не вызывает сомнений. Секретариат Интеграционного Комитета совместно с Межпарламентской Ассамблеей ЕвразЭС разработал проект Договора о согласованной социальной политике государств – членов ЕвразЭС и вносит на рассмотрение экспертов Сторон. С целью формирования концептуальных основ единого социального

пространства и приоритетных направлений социальной политики Евразийского экономического Сообщества Секретариат Интеграционного Комитета ЕвразЭС инициировал создание Совета по социальной политике.

Для устойчивого развития государств – членов ЕвразЭС необходимо достижение единого согласованного уровня оплаты и социального обеспечения труда на всей территории Сообщества; достижение единого уровня и единого порядка пенсионного обеспечения, социальных гарантий на всей территории ЕвразЭС, а также обеспечение на всей территории Сообщества действия идентичного законодательства о труде, социально-трудовых отношениях.

Литература

1. Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции. Становление социальной политики Европейского Союза. – М., 1999. – С. 83.
2. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики, январь–август. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2002. – С. 92.
3. Отчет о человеческом развитии. Таджикистан. – Душанбе: ПРООН, 2000. – С. 69.
4. Аубакирова Ж.Я. Интеграционные отношения в транзитной экономике: теория, методология и практика. Алматы: Экономика, 2002. – С. 242.
5. Статистика СНГ, 16(295), Межгоскомстат СНГ, август 2002, Статистический ежегодник Республики Беларусь, Министерство анализа и статистики Республики Беларусь. – Минск, 2001, Статистический ежегодник, 2001, Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2001, Кыргызская Республика и регионы, Национальный статистический Комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2002, Социально-экономическое положение России, январь–август 2002, Государственный комитет Российской Федерации по статистике. – Москва, 2002, Социально-экономическое положение Республики Таджикистан, январь–июль, Государственный Комитет статистики Республики Таджикистан. – Душанбе, 2002.
6. Курбанов Н.Х. Общий рынок труда стран СНГ: проблемы формирования и развития. М., 2000. – С. 117.
7. Деловая неделя. – 12 октября 2001. – №39(467). – С. 5.

НОРВЕГИЯ: НЕФТЬ И РЕСУРСНАЯ ПОЛИТИКА

Смирнов С.Л.

Норвегия начала осваивать свои нефтегазовые ресурсы менее чем 40 лет назад. Несмотря на практическое отсутствие научно-технических знаний и собственной материальной базы в области нефтегазодобычи, Норвегии удалось в сжатые сроки создать современную морскую нефтегазовую промышленность. Развитие этой сферы экономики с ведущей ролью государства позволило патриархальной стране моряков, рыбаков и охотников стать процветающей и стремительно шагнуть в XXI век с самым высоким ВВП на душу населения среди стран Европы – \$35 527.

Начало нефтяной эры

До начала своей нефтяной эры Норвегия представляла собой рыболовецкую провинцию Европы и, по уровню своего промышленного развития сильно отставая от ведущих стран континента – Германии, Великобритании, Франции, Швеции, была одной из наименее развитых стран Европы. Единственной технологической отраслью экономики, которой норвежцы могли тогда гордиться, было судостроение, а традиционными экспортными товарами страны – рыба, лес, продукция цветной металлургии. Освоение шельфовых нефтяных месторождений привело к тому, что

норвежские судостроители освоили новое направление – строительство морских буровых платформ, а главным экспортным продуктом стала нефть.

Геологоразведочные исследования, давшие обнадеживающие результаты, в Северном море были проведены еще в 20-е годы, но из-за отсутствия технологий глубинного бурения нефтедобыча на континентальном шельфе Северного моря до середины 60-х годов не превышала 250 тыс. баррелей в день [1]. Начавшийся мировой экономический рост резко повысил спрос на нефть: с 1948 по 1972 годы потребление нефти в США возросло в 3 раза, а в Западной Европе – в 15 раз [2].

Растущие потребности промышленно развитых стран в нефти и активизация стран ОПЕК в сфере контроля нефтяных доходов заставила нефтяные ТНК начать поиск новых нефтяных регионов. В 1962 г. ряд ТНК обратился к правительству Норвегии с просьбой о предоставлении им права на проведение геологических исследований шельфа страны. Однако первый концессионный раунд (в котором участвовали 91 иностранная и 9 норвежских компаний) был проведен лишь в 1965 г. после того, как был решен ряд первоочередных задач страны, а именно:

- формирование национального нефтяного законодательства, утвердившего государственной суверенитет на все природные ресурсы континентального шельфа (1963 г.);
- заключение договоров о морских границах с Великобританией и Данией (1965 г.), что исключило возможность территориальных споров после открытия крупных месторождений на шельфе;
- формирование государственных целей при разработке стратегии развития нефтяной промышленности.

Качественная проработка концептуальных экономических и экологических решений позволяет Норвегии и сегодня решать многие проблемы без крупных затрат государственных средств.

Первые геологические изыскания на континентальном шельфе Норвегии начались летом 1966 г., но первая нефть была обнаружена только в декабре 1969 г. Издержки добычи весьма высоки (\$12–14 на баррель против \$3–4, например в Иране). Однако политическая устойчивость и энергетическая безопасность поставок норвежской нефти определили роль Норвегии на мировом и региональном рынках углеводородов.

Нефть и государство

Норвегия входила в клуб производителей нефти, не имея ни специалистов-нефтяников, ни опыта добычи самих углеводородов. Перед страной встала проблема обеспечения эффективного государственного участия в развитии нефтяной отрасли. Поэтому в 1972 г. была создана система государственного управления нефтегазовой отраслью: министерство нефти и энергетики (формирующее государственную политику), нефтяной директорат (осуществляющий административный, финансовый и технический контроль над нефтяными компаниями и управление производственными процессами) и национальная нефтяная компания Statoil.

С целью увеличения нефтяной ренты, поступающей в государственный бюджет, и недопущения усиления влияния Statoil (которой автоматически предоставлялась определенная доля во всех лицензиях на разработку шельфовых месторождений) на экономику страны, было создано финансовое управление Прямыми Государственными Финансовыми Интересами (State's Direct Financial Interest). Оно было сформировано за счет доли Statoil во всех лицензиях, путем ее деления на две части, одна из которых осталась за компанией, другая перешла в прямую собственность государства, которое является основным инвестором освоения шельфа именно через систему SDFI. По оценкам, сегодня 40% нефтегазовых ресурсов норвежского шельфа принадлежит SDFI.

Освоение северных труднодоступных районов потребовало увеличения производственных издержек и привлечения крупного иностранного капитала, и компания Statoil с целью увеличения капитализации предложила включить SDFI в состав компании и провести частичную приватизацию [3].

В апреле 2001 г. парламент утвердил план продажи 10–25% Statoil частным инвесторам, а 15% SDFI – Statoil. Еще 6,5% SDFI в марте 2002 г. было продано Norsk Hydro и восьми другим операторам. Оставшиеся 78,5% SDFI реорганизовано в новую государственную компанию Petoro, занимающуюся исключительно управлением.

В настоящее время доли владения Statoil поделены между государством (81,8%), инвесторами из США (5,3%), Великобритании (4,4%), Норвегии (4,0%), Бенилюкса и других стран [4]. Предполагается, что в ближайшие годы у государства останется менее 70% акций Statoil.

Важно отметить, что министерство нефти и энергетики занимается не оперативным управлением отраслью, а рассматривает и регулирует основные аспекты ее развития, несет ответственность за организацию административного и финансового контроля над ходом геологоразведки и разработки запасов нефти и газа.

Норвежский нефтяной директорат (Norwegian Petroleum Directorate), сочетающий в себе функции производственного и финансового контроля, ответственен за подготовку и обоснование важнейших рекомендаций, касающихся концептуальных положений ресурсной и энергетической политики государства; нормативной документации, экспертизы и утверждения программ бурения и разработки месторождений, стратегических геологических оценок.

С целью снижения влияния нефтяных ТНК на экономику страны в начале 1970-х годов были созданы три норвежские нефтяные компании, на долю которых вплоть до последнего времени приходилось до 70% нефтедобычи. При их создании был соблюден принцип сосуществования трех форм собственности – полностью государственной, частично государственной и частной. Первую представляла Statoil, вторую – Norsk Hydro (51% акций принадлежит государству; основными направлениями деятельности компании в настоящее время являются алюминевая и агропромышленность, энергетика, причем занятость в энергетической отрасли – около 10% от общей) и третью – Saga Petroleum (консорциум 80 небольших частных норвежских компаний). Государственная компания Statoil находится под контролем парламента и, являясь доминирующей нефтяной компанией в Норвегии, участвует в большинстве проектов разработки месторождений в Северном море.

В 1999 г. триумфатор был разрушен: Saga Petroleum (оказавшаяся на грани банкротства из-за падения цен на углеводороды) была поглощена компанией Norsk Hydro с передачей 25% активов Statoil. В результате государственная доля в Norsk Hydro сократилась до 44%. Но игра стоила свеч – были пресечены попытки поглощения Saga Petroleum французской компанией Elf.

Следует отметить, что разведка и добыча углеводородов в Норвегии осуществляются на основании лицензий. Из двух методов предоставления лицензий на геологоразведочные работы – аукционного и админист-

ративного – норвежцы выбрали последний, что позволяет им не только контролировать деятельность ТНК и получать доходы в течение всего срока действия лицензий, но и создавать равные условия для всех компаний.

Однако до тех пор, пока не были сформулированы политические цели государства и сформированы административные органы управления в новом для страны секторе экономики, Норвегия не торопилась с выдачей новых лицензий на геологоразведку. Так, если с 1969 по 1974 годы было выдано всего 2 лицензии (англо-голландской компании Shell – с 26% госдолей и американской Mobil – с 50% госдолей), то до 1978 г., пока Statoil создавала материальную базу и набиралась опыта, ТНК не получили ни одной новой концессии. И это несмотря на то, что высокие затраты на техническое оснащение нефтяной промышленности и производственных мощностей национальных компаний Statoil и Norsk Hydro, а также на развитие социального сектора привели к росту долгов перед МВФ и другими международными финансовыми организациями.

Внешняя задолженность к началу 1978 г. составила 80 млрд крон. Однако вызванный исламской революцией в Иране мировой нефтяной кризис позволил Норвегии не только значительно ослабить долговую удавку (за период с 1979 по 1981 годы цена на нефть поднялась с 13 до 34 долларов за баррель), но и в 1982 г. ликвидировать внешнюю задолженность.

Первая половина 80-х годов стала временем не только разработки большого числа шельфовых месторождений (лицензии были выданы на 70 блоков [5]), но и реализации стратегии «норвегизации»: активного завоевания национальными компаниями при поддержке государства приоритетных позиций в нефтяном секторе экономики (в каждой лицензии доля Statoil составляла не менее 50% [6]). Из 162 районов, переданных компаниям за период с 1965 по 1999 годы, государственная нефтяная компания Statoil является оператором в 46 районах (28% общего числа лицензий). Полугосударственный концерн Norsk Hydro является оператором в 27 районах (17%). К середине 80-х годов правительство Норвегии, отодвинув нефтяные ТНК, оказалось самым крупным инвестором освоения континентального шельфа страны.

В последние годы жесткий государственный подход начал смягчаться и компания Statoil вынуждена конкурировать с осталь-

ными участниками тендера на равных условиях. В результате доля SDFI в новых лицензиях сократилась в среднем до 15% [7].

Нефтедобыча

По одним оценкам, к 2000 г. извлекаемые запасы оценивались в 1,42 млрд тонн нефти и 1,35 трлн м³ газа [8]. По другим – только запасы нефти превышают 2,33 млрд тонн. Однако неясно, включены ли сюда и прогнозные запасы нефти, оцениваемые почти в 1 млрд тонн. Прогнозные запасы газа оцениваются в 750 млрд м³. Вместе с тем такие источники, как World Oil, Oil and Gas Journal, BP Statistical Review, дают иные оценки, например, по газу – от 1,18 до 1,25 трлн м³. Таким образом, текущая добыча по нефти обеспечена на 10–15 лет, а по газу – на 23–36 лет, соответственно.

Сегодня Норвегия, добывая более 3 млн баррелей нефти в сутки, входит в число десяти крупнейших нефтедобывающих стран мира. По оценкам Международного энергетического агентства, нефтедобыча Норвегии по итогам 2002 г. составила 3,30 млн барр./день, что несколько ниже итоговых показателей 2001 г. (3,33 млн барр./день) и 2000 г. (3,41 млн барр./день).

Добыча нефти на отдельных месторождениях, тыс. барр./день

Статфьорд	207
Экофиск	347
Гулфакс	246
Осеберг	275
Валкалла	83

Для норвежской нефтегазовой транспортной системы характерна кооперация различных консорциумов в сфере транспортировки, что позволяет избежать лишних расходов. Так, нефть и газ, добытые на небольших месторождениях, направляются

Добыча нефти в Норвегии, тыс. барр./день

1997 г.	3360
1998 г.	3215
1999 г.	3205
2000 г.	3365
2001 г.	3100

на крупные месторождения (такие, как Экофиск, Статфьорд, Осеберг) и уже оттуда поступают либо потребителю, либо в терминалы.

Как ожидается, пик добычи нефти на норвежском шельфе придется на начало нынешнего века, после чего объем добычи начнет падать и к 2030 г. не будет превы-

шать 1 млн баррелей в день (в три раза меньше, чем сейчас). Следует отметить, что ресурсная политика страны предполагала весьма умеренный темп роста добычи. Однако давление на Норвегию со стороны США, ЕС, требующих развития внутривне-ропейских источников энергообеспечения (а потому привязывания энергетической политики Норвегии к потребностям европейского энергоснабжения, а не к национальным целям), инерция развития самого нефтегазового сектора страны привели к более быстрому росту нефтегазовой промышленности.

Нефтяные кризисы и государственная стратегия

Последствия нефтяного кризиса 1986 г. были противоположны последствиям предыдущих кризисов 1973 и 1980 годов: национальные доходы от экспорта нефти и природного газа снизились с 50 млрд крон в 1985 г. до 10 млрд крон в 1986 г. [9], торговый баланс за этот же период от положительного сальдо в 26 млрд крон рухнул до рекордного дефицита в 32 млрд крон (6,5% ВВП) [10], доля нефтяного сектора в экономике сократилась с 38 до 29% [11].

Норвегия оказалась в тяжелой ситуации. Обвал цен на нефть показал высокую зависимость страны от нефти и поставил вопрос о необходимости изменения государственной стратегии в нефтегазовом секторе в условиях нестабильности мировых цен на нефть. Правительство страны адекватно и незамедлительно отреагировало на возникшую угрозу. Для увеличения эффективности и придания большей устойчивости госкомпания Statoil норвежское правительство реформировало экономический отдел, отвечавший за планирование деятельности компании. В результате деятельность компании приняла характер обычного коммерческого предприятия, перейдя от «культуры Госплана к культуре частной компании» [12].

Наряду с повышением эффективности и рационализации производства нефти были приняты меры к росту конкурентоспособности продукции, производимой предприятиями других секторов экономики, а также расширению международных операций норвежских нефтекомпаний. Например, Statoil ведет теперь добычу нефти в Китае и Азербайджане, подписано соглашение с «Газпромом» о совместном освоении арктического шельфа России.

После окончания 3-го нефтяного кризиса норвежское правительство, стремясь ликвидировать недостаток образовавшихся доходов, продолжило наращивание объемов добычи и, соответственно, экспорта углеводородов введением в эксплуатацию новых месторождений, выдачей новых разрешений на добычу, проведением сложных операций по стабилизации добычи на месторождениях с истощенными запасами.

Налоговый режим

Налоговый режим в нефтяном секторе экономики Норвегии всегда рассматривался и как средство обеспечения национального дохода, и как средство давления на нефтяные ТНК. Так, специальный нефтяной налог первоначально составлял 25% от доходов, затем в 1980 г. был повышен до 35%. В 1986 г., в связи с резким падением цен на нефть, ставки этого налога были снижены до 30%. Кроме того, с 1 января 1987 г. нефтяные компании освобождались от уплаты роялти с доходов на вновь обустриваемых месторождениях и получали право на скидку до 50% специального налога.

После почти годовых переговоров с частными нефтяными компаниями правительством был сделан вывод, что внутренняя

ставка оборота капитала для них должна составлять 16–19% [13] и может изменяться в зависимости от внешнего финансирования проекта.

Третий нефтяной кризис привел к очередным изменениям налоговой политики. При этом действия правительства были аналогичны действиям после кризиса 1979 г., но проводились в обратном порядке. Снижение ставки специального налога (в период с 1986 по 1991 годы он был снижен с 35 до 25%) и изменение других финансовых методов регулирования (учет издержек и др.) позволило поддержать инвестиционную активность в отрасли. Вместе с тем совокупность налогов на прибыль нефтяных компаний составила 80%.

Концепция государственного регулирования нефтегазовой отрасли сохранилась неизменной: власти, сделав вывод о несвоевременности продажи государственной доли в разработке месторождений для возмещения финансовых потерь, отвергли такой вариант. Однако доля иностранных компаний в новых блоках, сдаваемых правительством в аренду, изменилась. Так, если в 1980–1986 годах она в среднем составляла 34,5%, то в 1986–1990 годах достигла 39,4% [14].

Таблица 1

Объемы налоговых выплат нефтегазового комплекса с 1979 года по 1986 год

Год	Налог на доходы корпораций	Спец. налог	Роялти	Аренда района	Налог на выброс CO ₂	Общая сумма, млрд крон
1979	7,0	3,1	3,3	0,1	–	13,5
1980	17,9	8,9	6,6	0,1	–	33,4
1981	22,7	13,3	8,7	0,1	–	44,9
1982	23,3	14,0	8,9	0,1	–	46,3
1983	20,6	12,9	11,1	0,1	–	44,7
1984	24,9	15,1	13,2	0,1	–	53,3
1985	28,0	16,7	14,9	0,3	–	60,0
1986	22,6	13,1	10,7	0,3	–	46,6

Источник: National accounts and state budget.

Таблица 2

Объемы налоговых выплат нефтегазового комплекса с 1985 года по 1992 год

Год	Налог на доходы корпораций	Спец. налог	Роялти	Аренда района	Налог на выброс CO ₂	Общая сумма, млрд крон
1985	28	16,7	14,9	0,3	0	59,9
1986	22,6	13,1	10,7	0,3	0	46,7
1987	8,7	3,9	9,2	0,3	0	22,1
1988	6	1,3	6,4	0,2	0	13,9
1989	5,3	1,7	8	0,2	0	15,2
1990	13,4	5,4	9,2	0,3	0	28,3
1991	16,3	7,3	9,7	0,6	0,9	34,8
1992	8,3	7,9	8,9	0,7	2,1	27,9

Источник: National accounts and state budget.

Новой точкой отсчета стала общая налоговая реформа 1992 г.: обычная налоговая ставка на прибыль была снижена почти вдвое (с 50,8 до 28%), сокращена ставка на роялти для всей нефтегазодобычи. Вместе с тем ставка специального налога на нефтяную деятельность возросла до 50%. Государство опять (как это было после кризисов 1973 и 1980 годов) сосредоточило свое внимание не на росте объемов добычи нефти, а на максимизации прибыли для страны. Таким образом, пойдя на общее снижение налогов для стимулирования развития всей остальной экономики, правительство направило налоговый пресс на нефтяные ТНК. Помимо корпоративного налога и специального налога на нефтегазовые компании, они также выплачивают арендную плату за лицензионную площадь и налог за выбросы CO₂ [15].

дений, компании впоследствии вычитают из налогооблагаемой базы, что заставляет правительство сокращать свою долю дохода. Низкая степень внутреннего финансирования позволяет компаниям за счет новых инвестиционных вложений сокращать подоходный налог.

Закат нефтяной отрасли?

В последние годы начинает просматриваться тенденция сокращения открытий новых месторождений, т.е. Норвегия, по-видимому, вступает в стадию заката нефтегазовой отрасли, которая в настоящее время прогнозируется на второе или третье десятилетие этого века. В этом случае начнут сокращаться прибыли работающих на шельфе компаний и Норвегии придется снижать специальные налоги на нефтяную деятельность,

Таблица 3

Объемы налоговых выплат нефтегазового комплекса с 1993 года по 1999 год

Год	Налог на доходы корпораций	Спец. налог	Роялти	Аренда района	Налог на выброс CO ₂	Общая сумма, млрд крон
1993	6,9	10,2	8,4	0,6	2,4	28,5
1994	6,6	9,5	7	0,1	2,7	25,9
1995	8,2	11,3	6,2	0,6	2,7	29,0
1996	10,3	13,3	6,5	1,2	2,9	34,2
1997	15,8	19,9	6,3	0,6	3,1	45,7
1998	9,1	11,0	3,8	0,5	3,2	27,6
1999	5,7	6,4	3,1	0,6	3,4	19,2

Источник: National accounts and state budget.

В целом финансовые поступления от нефтяных операций в государственный бюджет складываются из налогов и роялти, прямых доходов через SDFI и дивидендов с доходов Statoil и Norsk Hydro. Безусловно, в количественном отношении самый большой вклад поступает через SDFI.

Прямое государственное участие в освоении нефтегазовых ресурсов страны позволяет норвежскому правительству контролировать как основную (около 80%) долю нефтяных доходов, так и экономическую ренту от месторождений. Однако госдоходы зависят от цен на мировом рынке. Так, в 1996–1997 годы (когда баррель нефти стоил около \$27) нефтяные доходы от налоговых поступлений составили 45,5 млрд крон, а в 1998 г. (когда цена за баррель упала до \$23) налоговые поступления составили 28,7 млрд крон [16].

На состояние налоговой системы Норвегии влияют также затраты государства и нефтяных компаний на освоение месторождений: суммы, вкладываемые нефтяными ТНК в финансирование развития месторож-

заменяя их общими налогами, как и в остальных отраслях экономики.

Так, если в 2001 г. на континентальном норвежском шельфе было открыто 12 месторождений, то в 2002 г. – 8. Все эти месторождения небольшие, что свидетельствует об истощении шельфа. Одним из крупных последних открытий в норвежском секторе Северного моря стало месторождение Донателло. Его промышленные запасы оцениваются в 200–500 млн баррелей нефти и газа.

Неудачный сезон разведывательных работ на нефтегазовом шельфе в 2002 г. привел к тому, что компания Norsk Hydro собирается сократить 100 рабочих мест (в сфере сырьевой разработки) в первой четверти текущего года.

Согласно правительственному докладу, инвестиции в разработку нефтяных месторождений норвежского сектора в 2002 г. снизились по сравнению с 2001 г. (объем инвестиций составил 4,8 млрд крон) на 30%. По словам вице-президента Statoil Венч Скурдж, причиной спада явилось сокращение пра-

вительством страны выдачи лицензий на разработку шельфа. По сообщению министерства сырья и энергетики Норвегии, в 2003 г. 9 компаниями (Statoil, Norsk Hydro, Agip, DNO, ExxonMobil, DONG, OER, Paladin и RWE-DEA) поданы заявки на получение лицензий на разработку 109 месторождений, открытых в Северном море.

В настоящее время Норвегия по экспорту нефти вышла на второе место в мире после Саудовской Аравии. Однако происходящие в последние годы события в норвежской нефтегазовой промышленности усиливают неопределенность в прогнозах путей ее развития. Большинство эксплуатируемых нефтяных месторождений проходят стадию зрелости, и добыча на них через несколько лет начнет падать.

Необходимость поддержания экспортных поступлений вынуждает Норвегию переориентироваться на быстрое развитие экспорта газа. На континентальном шельфе Норвегии находится более половины всех обнаруженных газовых месторождений Западной Европы. Эксплуатируемые в настоящее время газопроводы на материк имеют суммарную пропускную способность более 90 млрд м³ в год. Объемы ожидаемой добычи газа на среднесрочную перспективу составят 100–120 млрд м³ газа в год.

В октябре 2001 г. завершено строительство газопровода на Великобританию (1,6 млрд м³ в год), ожидается ввод в эксплуатацию еще нескольких (примерно на 10 млрд м³). Реализуется и ряд других проектов. К 2005 г. Норвегия должна превратиться во второго – после России – экспортера газа. Главное, что обращает на себя внимание в нефтегазовой политике норвежского правительства, – это защита национальных интересов, жесткий национальный и государственный контроль в важнейшем секторе экономики страны.

Диверсификация экономики

В 1975 г. доля нефтегазового комплекса в ВВП была всего 3% [17], а сумма доходов от экспорта углеводородов составляла 4,7 млрд крон [18]. В 1999 г. уже 14,6% и 167,6 млрд крон (36,3% всего норвежского экспорта) [19]. С целью предотвращения перетекания частных капиталов в нефтяной сектор, а значит и кризиса инвестиций в других отраслях экономики страны, правительством было принято постановление об ограничении числа норвежских компаний,

работающих на шельфовых месторождениях.

Комплексное решение отраслевых проблем, имеющих общественное значение, позволяет избежать односторонних ведомственных подходов. Ресурсная политика Норвегии прорабатывается очень тщательно на всех уровнях управления и утверждается стортингом (парламентом). Это позволяет привлекать к выработке важных государственных решений интеллектуальный потенциал практически всей страны.

Анализ макроэкономической ситуации в Норвегии показывает, что бездефицитный госбюджет достигается благодаря доходам от нефтегазового сектора, что позволяет стране не только осуществлять различные социальные программы, развивать новые и социально ориентированные отрасли производства, но и активное зарубежное инвестирование. Кредиты и прямые инвестиции направляются на модернизацию технологической базы промышленности, на создание «технологий будущего» (телекоммуникации, спутниковая связь).

Доходы от деятельности нефтегазового комплекса используются для государственной дотации сельскохозяйственного производства и наукоемких отраслей. Нефтяная промышленность дала толчок развитию промышленного производства смежных отраслей экономики, таких, как судостроение, нефтехимия. Начиная с середины 70-х годов, множество норвежских промышленных компаний стало работать на обслуживании объектов добычи и переработки нефти и природного газа, производя различное специальное морское оборудование. Так, если в 1975 г. доля норвежских компаний в поставках такого оборудования составляла 28%, то в 1982 г. – 55%, а после 2000 г. перевалила за 80%. В настоящее время Норвегия – крупный мировой экспортер техники, технологии и услуг для разведки и разработки морских нефтяных и газовых месторождений.

Нефтяной фонд

С целью сглаживания краткосрочных колебаний доходов от продажи газа и нефти и, самое главное, для финансирования растущих расходов по выплате пенсий по старости и инвалидности в Норвегии был создан Государственный нефтяной фонд (NGPF). Компенсируя снижение запасов нефти и газа увеличением финансовых активов в NGPF,

правительство снижает зависимость экономики страны от экспорта сырья. Государственный нефтяной фонд Норвегии функционирует в долгосрочном плане как сберегательный фонд, а в краткосрочном – как стабилизационный.

Идея создания NGPF появилась еще в начале 80-х годов, но тогда правительство направляло нефтедоллары на погашение внешней задолженности страны, образовавшейся в 70-е годы, проведение активной социальной политики. Поэтому, хотя фонд был создан в 1990 г., отчисления в него начались лишь в 1996 г.

Следует отметить, что отчисления в Нефтяной фонд осуществляются при высоком уровне жизни населения и предоставлении государством своим гражданам больших социальных благ: прежде чем заботиться о будущих поколениях, необходимо создать достойные условия ныне живущим. В Норвегии государство не только продекларировало, что углеводородные ресурсы являются всеобщим достоянием, но и действительно значительную часть нефтедоходов направляет на улучшение условий жизни всего населения страны.

В Норвегии не существует определенно-го правила, по которому определяется размер отчислений в фонд. В стране абсолютное все доходы, в том числе и полученные от благоприятной мировой нефтяной конъюнктуры, стекаются в бюджет. И только потом принимаются решения о переводе части денег на счет NGPF, причем только в том случае, если бюджет государства сводится с профицитом: сумма отчислений ежегодно определяется в процессе утверждения бюджета парламентом. Максимальное годовое перечисление средств из бюджета достигало 6,0% ВВП.

Формально норвежский Государственный нефтяной фонд представляет собой счет в норвежских кронах в банке Norges Bank, который принадлежит правительству страны. Согласно законодательству Норвегии, Norges Bank может инвестировать средства только в иностранные ценные бумаги. Их тип и то, в какие страны можно вкладывать деньги, определяет правительство страны: 50–70% всех вложений фонда осуществляются в долговые обязательства и облигации, а 30–50% – в акции. В настоящий момент средства фонда распределены: 40% акций различных компаний и 60% облигаций 22 государств. С целью снижения возможных по-

терь от изменения курсов валют или финансовых катаклизмов на определенных рынках, иностранные инвестиции NGPF распределены следующим образом: 40–60% всех вложений направляются в Европу, 20–40% – в США, 10–30% – в Азию и Океанию. В 1999 г. наиболее крупные вложения были в гособлигации США (28%), Японии (18,2%), Германии (12,6%).

Для контроля над ликвидностью нефтяного фонда правительством сформирован «справочный портфель», состоящий из фондовых индексов стран, в которые осуществляются инвестиции фонда. Ликвидность бумаг NGPF с помощью специальных расчетных показателей постоянно сравнивается с этим виртуальным портфелем.

Нефтяной фонд имеет право распоряжаться финансовыми средствами, полученными в результате деятельности нефтегазового комплекса. В 1997 г. его средства составляли 113,4 млрд крон [20], в 1999 г. – 222,4 млрд крон. К концу июня 2001 г. активы фонда достигли \$60 млрд (35% ВВП), т.е. более \$10 тыс. на каждого норвежца. По прогнозам норвежского правительства, к концу 2004 г. размеры нефтяного фонда достигнут 74% ВВП (в 1996 г. – 4,8% ВВП).

Социальный сектор

Результатом развития нефтегазовой промышленности Норвегии стало быстрое изменение в структуре занятости населения.

Учитывая ошибки прошлых лет, современная концепция социального развития страны исходит из того, что темпы социальных изменений не должны быть слишком быстрыми, а развитие нефтяного сектора, особенно внутреннее потребление нефтяных доходов, должно проходить средними темпами, без ущерба для традиционных отраслей экономики. Главными положительными моментами использования нефтяных доходов в социальном секторе было увеличение расходов на здравоохранение и образование. Медучреждения в Норвегии преимущественно государственные или муниципальные, а государственные субсидии, направляемые на их поддержку, обеспечивают высокий уровень медобслуживания.

Оценивая результаты социально-экономического развития Норвегии, можно утверждать, что доходы от экспорта углеводородных ресурсов используются для улуч-

Таблица

Отраслевая структура занятости населения, %

	1962	1975	1980	1985	1999
С/хозяйство	15,3	8	6,9	5,7	3,3
Лесное хозяйство	1,4	0,7	0,5	0,4	0,4
Рыболовство	2,2	1	1	1	1
Промышленность	23,9	24,3	23,5	17,4	16,1
Строительство	8,1	8,2	7,7	7,4	6,2
Производство электроэнергии	0,8	0,8	0,9	0,9	1
Торговля	12,3	13,4	14,5	14,5	18,2
Транспорт и связь	6,7	6,8	7,2	7,2	7,5
Услуги, малый бизнес, госслужба и пр.	24,7	30,1	38,7	43,1	44,8
Работа за границей	4,6	3,4	1,9	1,5	0,5
Нефтегазовый комплекс	-	0,1	0,5	0,9	1,1

Источник: Minifacts about Norway, 1999. Oslo: MFA, 1999.

шения жизни всего населения страны: государство имеет возможность предоставлять своим гражданам широкий спектр социальных благ. И это несмотря на то, что освоение нефтяных и газовых месторождений осуществляется под жестким управлением государства и при явном доминировании 100%-й государственной компании. Это, несомненно, противоречит широко у-

тверждаемому мнению о большей эффективности частного бизнеса и говорит о том, что не важно – кто хозяин, важно – как и во имя чего хозяйство управляется. Норвежскую форму управления государственной нефтью перенять, безусловно, не трудно, но вот с содержанием, то есть с практической реализацией, могут (как всегда) возникнуть большие проблемы.

Литература

1. Ергин Д. Добыча. М., 1999. – С. 708.
2. Там же. С. 569.
3. Statoil Annual Report 1999–2001.
4. Там же.
5. Andersen S. The struggle over North Sea oil and gas: governmental strategies in Denmark, Britain and Norway. – Oslo, 1993. – P. 144.
6. Fact sheet 1998. Norwegian Petroleum Activity. – Oslo, 1998. – P. 119–124.
7. Виноградова О. Так делать ли из России Норвегию? // Нефтегазовая вертикаль. – 2002. – №14.
8. Energy in Norway / Inf. agency «Freshfields Bruckhaus Deringer», 2002.
9. Andersen S. The struggle over North Sea oil and gas... – P. 114.
10. Moses J. Open states: Norwegian Macroeconomic policy-making in changing global economy. – Oslo, 1999. – P. 187.
11. Lund D. Petroleum taxation under uncertainty: contingent claims analysis with an application to Norway. Memorandum of economic department. – Oslo, 1990. – №24. – P. 4.
12. Andersen S. The struggle over North Sea oil and gas... – P. 150.
13. Report №40 (1983–1984) to the Storting.
14. Andersen S. The struggle over North Sea oil and gas... – P. 154.
15. Виноградова О. Так делать ли из России Норвегию? // Нефтегазовая вертикаль. – 2002. – №14.
16. Fact sheet 1999. Norwegian Petroleum Activity. – Oslo, 1999. – P. 26.
17. Волков А.М. Страны Северной Европы. Экономико-статистический справочник. – М.: Мысль, 1986. – С. 26.
18. Там же. С. 155.
19. Facts 2000. The Norwegian Petroleum Sector. – Oslo: Ministry of Petroleum and Energy, 2000. – P. 24.
20. Moses J. Open states: Norwegian Macroeconomic policy-making... – P. 199.

КОРПОРАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА

Рамазанов А.А.,
Рузанов Р.М.

Корпоративная экономика способствует повышению саморегулирования производства, привлечению инвестиций в реальную экономику, внедрению достижений научно-технического прогресса. Крупные корпоративные структуры, выступая в качестве партнеров государства, консолидируют материальные ресурсы производства и капитала, повышают конкурентоспособность национальной экономики в международном разделении труда.

В республике насчитывается более 8000 акционерных обществ, что составляет около 5% всех хозяйствующих субъектов. В количественном соотношении это не много и соответствует мировым стандартам. В качественном же аспекте большая часть акционерных обществ убыточна (более 30%) и фактически бездействует. У многих из них не прозрачна финансово-хозяйственная деятельность: «АО (акционерные общества – А.Р., Р.Р.) контролируются небольшими группами лиц, связанными личными и семейными отношениями. Большинство из них ведет три баланса: один для налогов, второй – для банков, а третий – для себя... Они не стремятся продавать свои акции и привлекать мелких акционеров, чтобы использовать их деньги для инвестирования, так как это может привести к потере контроля над компанией. Сложилась ситуация, что АО борются не за привлечение ресурсов для инвестиций, а за контроль над активами, за передел собственности» [1].

Многие АО не выполняют в национальной экономике ряд главных своих функций – трансформации сбережений в инвестиции, привлечение инвестиций в основной капитал. Тем самым они не содействуют модернизации национальной экономики. Поэтому вполне объективны предложения по повышению минимального размера уставного капитала АО с нынешних 5 тыс. месячных расчетных показателей [МРП (это около \$25 тыс.)]. Следствиями станут капитализация, концентрация средств производства. У АО есть три выбора: 1) нарастить капитал, 2) объединиться с другими акционерными обществами, 3) преобразоваться в хозяйственное товарищество. В этой связи А.Есентуге-

лов подчеркивает, что «высокий минимальный размер уставного капитала одновременно вынуждает главных акционеров АО сделать свои компании прозрачными и конкурентоспособными, привлечь как можно больше мелких акционеров, ибо возрастает риск потери минимального уставного капитала. Мировой опыт показывает, что фирмы, выигрывая за счет манипуляции, теряют во много раз больше на заниженной стоимости своих акций. Поэтому эффективные собственники и профессиональные менеджеры акционерных компаний понимают, что прозрачность приносит во много раз большую прибыль, чем личные доходы, заработанные теневым способом» [2].

На фондовой бирже в листинге находятся акции около 30 компаний. Например, ОАО «Алматы Кус», «СНПС – Актюбемунгаз», «БанкТуранАлем», «Народный банк Казахстана», «КАЗКОММЕРЦБАНК», «Корпорация Казахмыс», «Казахтелеком» и др., которые являются эмитентами. Состояние вторичного рынка акций характеризуется низкой активностью биржевой торговли, так как на нем осуществляются единичные сделки. Низок уровень участия на бирже крупных корпоративных структур, в первую очередь экспортоориентированных, сырьевого сектора. На 6 сентября 2002 года капитализация биржевого рынка акций оценивалась в 1481,3 млн долл. (228,8 млрд тенге), капитализация биржевого рынка корпоративных облигаций составила 733,6 млн долл. В целом объем капитализации биржевого рынка корпоративных ценных бумаг составляет немногим более десятой части ВВП. В то же время в США объем капитализации больше ВВП в 1,5 раза, в Турции он превышает третью часть ВВП.

Дальнейшее развитие вторичного рынка акций во многом предопределяется возможностью привлечения крупных корпораций типа «Испат Кармет». Но возможности здесь не столь велики, так как для этого необходимо обеспечение их финансовой прозрачности и открытости. Поэтому здесь, скорее всего, необходима политическая воля и законодательные меры, обязывающие их быть «равными» резидентами национальной

Удельный вес крупных корпораций США по секторам экономики, в % *

	Выручка	Капитал	Чистый доход
Транспорт и социальная инфраструктура	75,0	90,9	97,1
Финансовый сектор	76,0	85,8	85,4
Обрабатывающая промышленность	70,0	84,2	83,0
Добывающий сектор	55,0	77,6	82,5
Сектор услуг	21,0	44,5	49,8
Сектор оптовой и розничной торговли	32,0	50,6	48,7
Агропромышленный комплекс	5,0	5,0	25,2
Строительство	9,0	20,9	8,5

* Губанов С. Вертикальная интеграция – магистральный путь развития / Экономист. – 2001. – №2. – С. 39.

экономики и национального фондового рынка. Следует активизировать усилия по формированию так называемых «народных компаний». Тем более единичные примеры имеются в республике. Например, ОАО «Алматы Кус» имеет официальный статус народной. На 1 апреля 2001 года объявленный уставный капитал ОАО «Алматы Кус» составлял 1 830 000 тыс. тенге [3]. По данным бывшей Национальной комиссии по ценным бумагам, на этот момент было выпущено 110 000 000 акций номинальной стоимостью 10,0 тенге, в том числе 64 867 490 экземпляров первой эмиссии и 40 000 000 экземпляров второй эмиссии простых именных акций и 5 132 510 экземпляров привилегированных именных акций.

К относительно низкому развитию корпоративного сектора в Казахстане привела идеология проводимых реформ, которая, по существу, направила хозяйственную систему по пути, ведущему к мелкотоварному производству. Развал крупных комплексов, технологически и экономически связанных предприятий был предопределен проведенной приватизацией, разгосударствлением и монополизацией. В результате из-за нарушения производственных взаимосвязей между предприятиями произошел спад производства, возник кризис платежей и другие негативные последствия [4]. Также это обусловлено процессами перераспределения собственности; неэффективностью управления и контроля акционерных обществ.

В то же время в мире наблюдается широкомасштабное развитие корпоративного сектора экономики. На долю корпораций с капитальными активами, превышающими 250 млн долл., в США приходится преобладающая часть выручки, капитала и вновь созданной стоимости (таблица 1).

За последнее время рыночная капитализация европейских корпораций поднялась на более высокую ступень. В группе 500 крупнейших корпораций Европы средний интегральный капитал в расчете на одну компанию достиг 6,92 млрд долл., что на порядок больше величины, типичной еще десятилетие назад. Даже в розничной торговле через магазины организационная структура сведена к корпоративным сетям с высокой концентрацией капитала: в каждой интегрированной сети авансированный капитал превышает 5 млрд долл., вследствие чего каждая такая сеть вполне сопоставима по данному показателю со структурами обо-

ронной аэрокосмической промышленности [5].

Экономическое развитие Казахстана, имеющего ресурсный потенциал, должно опираться на тренды развития мирового производства. А они свидетельствуют об определяющей и задающей роли ТНК. Экономической моделью казахстанского пути развития должна стать корпоративная экономика. Крупный национальный капитал в лице корпоративных объединений, в том числе и в форме ТНК, как главный проводник казахстанской индустриальной политики должен способствовать достижению стратегической цели развития страны – построению процветающего Казахстана с высоким уровнем народного благосостояния. Именно он должен стать одним из гарантов защиты национальных интересов в условиях глобализации мирового сообщества и обеспечения экономической независимости республики.

Формами корпоратизации выступают:

- горизонтальная;
- вертикальная;
- диверсифицированная.

Горизонтальная корпоратизация формируется на основе расширения масштабов производства на рынке однородной продукции. Она концентрирует усилия в одном направлении, что стимулирует борьбу за укрепление конкурентных позиций в отрасли на длительную перспективу, устраняя возможность ущерба долгосрочных интересов. При этом потенциал конкурентоспособности не отождествляется с показателями текущей прибыли, а рассматривается как долгосрочные преимущества на рынке однородной продукции. Среди них необходимо выделить качество и цену продажи изделий; инновационный потенциал, достаточность производственных и сбытовых мощностей; наличие долгосрочной стратегии деятельности, обеспечивающей сохранение или рост объемов продаж.

Порог развития горизонтальной корпоратизации в республике установлен законодательно [6]: полностью или частично достигнутая в любой форме соглашения субъектов рынка, имеющих в совокупности долю на рынке определенного товара 35%. Считается, что превышение данного порога может привести к ограничению конкуренции.

Примером успеха горизонтальной схемы корпоратизации на мировом рынке служит корпорация McDonald's. Она располагает

сеть из 18 тысяч филиалов в 90 странах, где в целом за год работы совершается продаж на сумму 23 млрд долл., каждые три часа в каком-нибудь уголке земного шара корпорация McDonald's открывает новый ресторан. Философия корпорации звучит как Q.S.C. & V. – quality, service, cleanliness and value (качество, сервис, чистота и ценность). Уровень обслуживания клиентов в ней граничит с искусством. В 2700 ресторанах компании, находящихся за пределами США, корпорация старается приспособить меню и стиль обслуживания к условиям национального рынка. Ориентация на потребителя сделала McDonald's крупнейшей в мире организацией общественного питания. Огромный успех корпорации нашел отражение в возросшей цене на ее акции: в 1965 году 250 акций McDonald's можно было приобрести менее чем за 6000 долларов, в настоящее время их стоимость составляет более миллиона долларов. Свидетельством ошеломляющего успеха является признание ее в качестве бренда глобализма.

В Казахстане примером горизонтальной корпоратизации на рынке молочной продукции является компания ТОО «Фудмастер», на рынке ликеро-водочной продукции – ОАО «Бахус», на рынке кондитерских изделий ОАО «Рахат», ОАО «Конфеты Караганды» и другие.

Вертикальная корпоратизация строится на базе интеграции производств от добычи сырья до изготовления конечной продукции и ее реализации [7]. Она исходит из принципов технологической взаимозависимости производств и последовательности процессов, совпадающих во времени и пространстве. Вертикальная корпоратизация наиболее эффективна в непрерывном производстве (химия, металлургия, нефтяная и газовая промышленность и т.д.), где достигается концентрация капитала и углубление общественного разделения труда под воздействием научно-технического прогресса. Поро-

гом вертикальной корпоратизации является снижение нормы прибыли от дальнейшего расширения технологических и кооперационных связей.

Вертикальные формы в Казахстане представлены в основном крупными корпоративными структурами в нефтегазовом секторе экономики. Они включают национальные и частные компании, в том числе иностранные. Например, основными видами деятельности национальной компании «КазМунай-Газ» являются нефтяные операции, включая разведку и бурение, добычу, подготовку и переработку, транспортировку и хранение, маркетинг и сбыт, распределение, импорт и экспорт нефти. Основные виды ее продукции – нефть, газ, нефтепродукты. Она контролирует добычу 64% нефти и производство 32% нефтепродуктов, осуществляет управление сетью магистральных нефтепродуктов. Национальная компания «КазМунай-Газ» участвует в капитале большинства крупных предприятий нефтегазодобывающей промышленности. В ее состав входит более 40 хозяйствующих субъектов. Крупнейшими подразделениями ее являются акционерные общества «Узеньмунайгаз», «Атырауский нефтеперерабатывающий завод», KazTransOil. Она принимает участие в совместном предприятии «Казахтуркмунай», соглашении о разделе продукции по подрядному участку Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения.

При разработке стратегии развития вертикальной корпоратизации следует применять принцип этапной последовательности. Первым этапом является «формирование», вторым – «развитие», третьим – «полное развитие» (рисунок 1).

Диверсификационная корпоратизация формируется за счет объединения различных производств. Преимуществами данной формы корпоратизации являются снижение рисков от предпринимательской деятельно-

сти и зависимости от конъюнктуры рынка «одноименной продукции», обеспечение более широкой экономической основы, смягчение влияния структурных сдвигов в экономике, создание конкурентных преимуществ в новой сфере деятельности, обладание емким рынком, получение высокой прибыли в долгосрочной перспективе. Порогом развития диверсифицированной корпоративности является снижение нормы прибыли от расширения круга деятельности. Затраты при создании нового производства не должны быть настолько высоки, чтобы существенно снизить возможности получения прибыли и повлиять на благосостояние акционеров.

С целью достижения эффективной сбалансированности производств при диверсификационной корпоративности применяется портфельная стратегия, которая позволяет добиться разумного баланса активов и операционной стабильности в целом. Примером удачной диверсифицированной корпоративности в мировой практике является корпорация Samsung (таблица 2). Сфера ее деятельности широкомасштабно специализирована: оптовая и розничная торговля, разра-

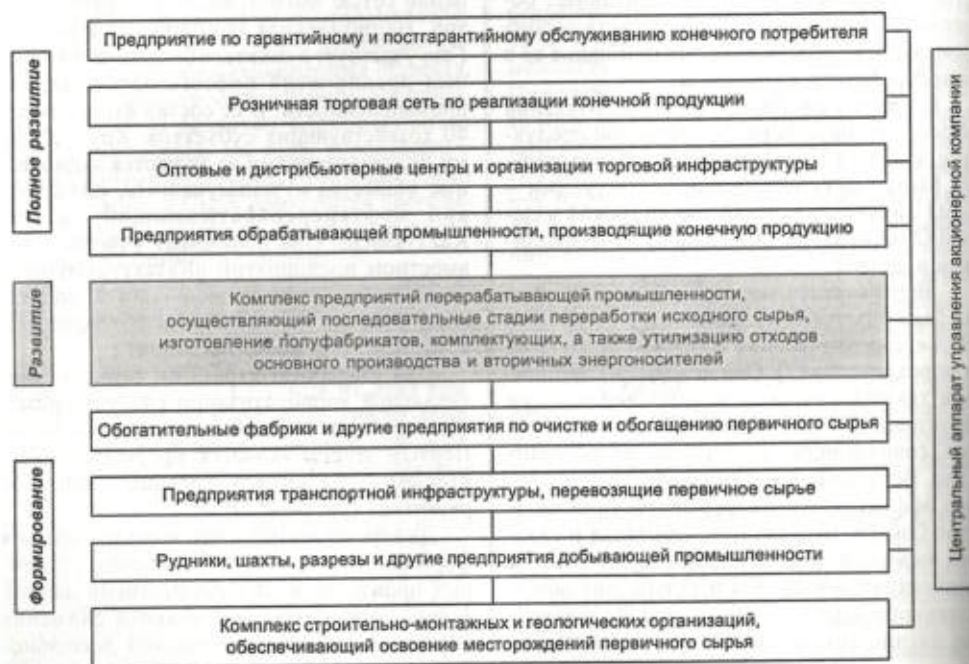
ботка природных ресурсов, производство химических товаров, производство бытовой техники, автомобилестроение, машиностроение, нефтепереработка, строительство самолетов и т.д.

Несмотря на последствия азиатского кризиса южнокорейская корпорация Samsung показывает хорошие результаты своей деятельности [9]. Например, у Samsung Electronics растет чистая прибыль. Только за третий квартал 2002 года она составила \$1,4 млрд. Наибольший объем продаж Samsung Electronics обеспечивает подразделение по производству полупроводников и телекоммуникационного оборудования. Объем реализации только сотовых трубок за 2002 год ожидается 41 млн.

В Казахстане диверсифицирует свое развитие ОАО «Алматы Кус» (рисунок 2). Основные виды деятельности ОАО «Алматы Кус»: производство и реализация продукции птицеводства, бумажной продукции, оптовая и розничная торговля, маркетинг товаров и услуг, представительство, посредническая, внешнеэкономическая деятельность и др. Долгосрочная стратегия развития компании ОАО «Алматы Кус» направлена на

Рисунок 1

Этапы формирования и развития вертикально интегрированной многоотраслевой акционерной компании [8]

повышение качества и конкурентоспособности продукции посредством снижения себестоимости и повышения рентабельности производства. Основными направлениями стратегического развития ее являются оптимизация процесса производства, диверсификация деятельности, переоборудование птицефабрик, строительство нового комбикормового завода, оптимизация производственной инфраструктуры, географическое расширение деятельности.

Однако не во всех случаях диверсификация организации деятельности приносит экономический успех. В проблемах эконо-

Microsoft доказали, что ограниченность в хорошем смысле слова может приносить и авторитет, и прибыль. Взглянув производящий широчайший диапазон товаров одновременно, японские компании пошли по не верному пути. Некоторые изобретения получили достойную оценку, широкое привлечение и заслуженную популярность, а другие оказались в безвестности месяца спустя после того, как сошли с конвейера [10]. «Обвинение» японскими экспертами диверсификационной организации производства в застое экономики правильно отчасти. Оно свидетельствует не о том, что

Таблица 2

Развитие специализации корпорации Samsung

Название	Год основания	Специализация
Samsung	1938	Оптовая и розничная торговля, разработка природных ресурсов
Samsung Engineering	1957	Проектирование и строительство объектов в различных областях
Samsung Fine Chemicals	1964	Производство удобрений, других химических товаров
Samsung Electronics	1969	Интегральные схемы, бытовая электроника, персональные компьютеры, факсы
Samsung Display Devices	1970	Цветные кинескопы, дисплеи и мониторы
Samsung Electromechanism	1973	Комплектующие для аудиотехники и автомобильная электроника
Samsung Heavy Ind.	1974	Машиностроение
Samsung Petro Chemical	1974	Нефтепереработка
Samsung Aerospace Ind.	1977	Самолеты, авиадвигатели, продукция оборонного назначения
Samsung Systems Co.	1985	-
Samsung General Chemicals Co.	1988	Синтетические волокна, хвучук
Samsung Motors	1995	Легковые автомобили, грузовики

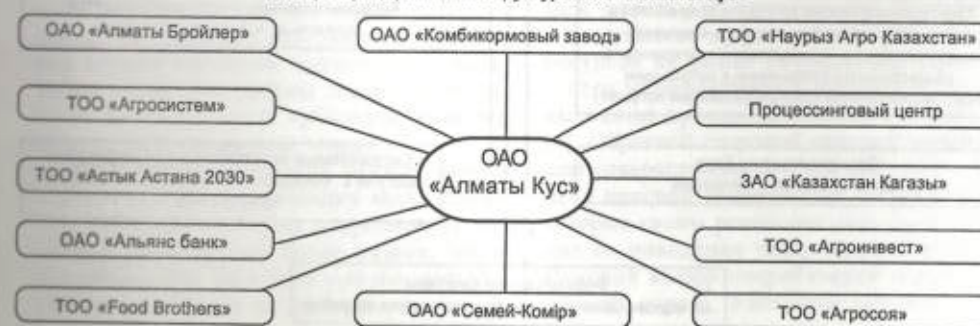
мики, постигших Японию, и длительном ее застое некоторые эксперты склонны винить стратегию крупнейших корпораций – диверсификацию деятельности и отсутствие специализации: «Они производят все, начиная от рисоварок и заканчивая ядерными реакторами». По выражению одного из чиновников министерства экономики, торговли и индустрии, его земляки из электротехнических компаний производят все, но делают это не достаточно хорошо, а «зацикленные» на конкретном сегменте Intel и

плоха сама по себе диверсификация, а подтверждает положение об имеющихся объективных границах расширения видов деятельности, за которыми обычно снижается норма прибыли, что мы и имеем на примере японских корпораций, а не «плохую» диверсификацию организации производства. А это совсем разные вещи.

Если рассмотреть формы корпоративности по критерию эффективности, то трудно судить, какая из них наиболее эффективна. Хотя бытует мнение, что эффективными яв-

Рисунок 2

Диверсифицированная структура ОАО «Алматы Кус»

ляются диверсифицированные, вертикальные, а неэффективными – горизонтальные схемы. Однако рассмотренная выше их организация и мировой опыт не дают однозначной оценки рангов их эффективности. Наверное, каждая из этих форм имеет право на экономическую «жизнь» и проявляет свою эффективность при определенных условиях и среде, определенной организации производства.

Механизмами формирования корпоративного капитала являются имущественные связи (участие в капитале), концентрация контроля над ресурсами и услугами, доверительное управление акциями (рисунок 3).

Холдинговая организация капитала предполагает создание организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других компаний. В рамках формирования капитала в форме классического холдинга контрольный пакет формальных прав собственности предприятий сосредоточен в руках материнской компании. К распределенному холдингу можно отнести структуру, где роль материнской компании выполняет несколько самостоятельных фирм, объединенных принадлежностью либо аффилированностью одному лицу или группе совместно действующ-

щих физических лиц [12]. Основное содержание формирования капитала на базе взаимного участия заключается во взаимном владении участников корпоративной группы пакетами акций друг друга, суммарное же владение участниками акциями позволяет осуществлять контроль. Каждый член объединения находится в зависимости от всех остальных участников, что позволяет проводить единую политику и исключить вероятность установления контроля со стороны. Кроме того, данное построение решает проблему несения ответственности путем разделения риска среди участников.

Формирование капитала на основе централизации контроля доступа к производственным ресурсам происходит вокруг компании, обеспечивающей сбыт продукции или снабжение дефицитными ресурсами. Капитал, возникающий на базе централизованного снабжения или сбыта, включает выстраивание бартерных цепочек и давальческих схем. Цепочки, созданные на основе использования натуральных расчетов, довольно стабильны. Компании, вовлеченные в давальческие контракты, проявляют устойчивость натуральных расчетов, связанную с ограниченностью внешнего доступа к циркулирующим в таких цепочках ресурсам.

Рисунок 3

Капитал, формируемый на оказании финансово-инвестиционных (кредитных, страховых и лизинговых) услуг, создается вокруг банков. Формирование капитала на основе регулирования доступа к новейшим технологиям связано, в частности, с задействованием системы франчайзинга. Объединение капитала, связанное с передачей в доверительное управление, происходит для осуществления управляющим комплекса

действий и мероприятий, направленных на финансово-экономическое оздоровление, развитие, реконструкцию, технико-технологическое перевооружение объекта; создание благоприятной финансовой ситуации для реализации перспективных организационно-технических и социально-экономических программ, обеспечивающих устойчивую и безубыточную текущую производственную деятельность.

Литература

1. Есентугелов А. Принятие Закона «Об акционерных обществах» – в интересах самих акционерных обществ / Рапогата. – 4 октября 2002. – №38. – С. 2.
2. Там же.
3. Рапогата. – 27 июля 2001. – №29. – С. 10.
4. Яновская О.А. Интегрированные корпоративные структуры в Казахстане: организация, потенциал, императивы роста / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Алматы, 2001. – С. 12.
5. Губанов С. Вертикальная интеграция – магистральный путь развития / Экономист. – 2001. – №2. – С. 33–40.
6. Закон Республики Казахстан «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности». Ст. 14.
7. Рекомендации международной научно-теоретической конференции. Смешанное общество: мировой опыт и Казахстан. – Алматы, 14 мая 1998. – С. 9.
8. Заурбекова З.Г. Стратегическое управление крупными акционерными компаниями Казахстана / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Алматы, 2001. – С. 14.
9. Лик. Успех Nokia и провал Ericsson / ASSANDI-TIMES. – 25 октября 2002. – №2. – С. 8.
10. Кузнецова Ю. Смена лидера / Деловая неделя. – 22 марта 2001. – №10. – С. 11.
11. На основе: С.Авдашева, В.Дементьев. Акционерные и неимущественные механизмы интеграции в российских бизнес-группах // Российский экономический журнал. – 2000. – №1. – С. 15.
12. Там же. С. 16–19.

ЦЕНОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: МОТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Джумагельдиева Т.А.

В условиях рынка ценовая конкуренция выступает основной формой борьбы хозяйствующих субъектов. В цене концентрируются интересы всех субъектов хозяйственной жизни общества, которые руководствуются ею в своем экономическом выборе и поведении. Цена как экономическая категория служит конечным оценочным показателем, характеризующим товар и деятельность хозяйствующих субъектов, является выражением стоимости товара.

Ценовая конкуренция реализуется в стремлении конкурирующих хозяйствующих субъектов привлечь потребителя с помощью установления более низких, чем у соперника, цен. При этом они наперегонки снижают издержки потребителя на приоб-

ретенение товара, тем самым увеличивая его прибыль от покупки и повышая запас конкурентоспособности своей продукции. В результате такой конкуренции устанавливаются цены, которые соответствуют реальным затратам на производство продукции, и повышается эффективность размещения ресурсов на рынке посредством удаления с него неэффективных производителей с высокими производственными затратами [1]. Обратной стороной ценовой конкуренции товаропроизводителей выступает процесс ценовой конкуренции потребителей, которые своим решением оказывают влияние на поведение товаропроизводителей. Ценовой выбор потребителей определяет уровень спроса, изменение которого влия-

ет на объем предложения конкурентных товаропроизводителей.

Мотивами ценовой конкуренции выступают обеспечение выживаемости, максимизация текущей прибыли, поддержание и обеспечение ликвидности, завоевание большей доли на рынке, завоевание лидерства на рынке. Зарубежные крупные и сверхкрупные корпорации в большинстве случаев довольствуются около 10% рентабельности акционерного капитала, что обеспечивает им выживание. Обеспечение выживаемости выступает основным мотивом хозяйствующего субъекта в тех случаях, когда на рынке слишком много производителей и царит острая конкуренция или резко меняются потребности покупателей.

Ценообразование в целях выживания обусловлено попыткой товаропроизводителя выдержать или слегка сбить ценовую конкуренцию. В этом случае цены устанавливаются на уровне, обеспечивающем безубыточность ведения дела. Такая политика имеет краткосрочный характер и является попыткой «выкупить» время до тех пор, пока товаропроизводитель не будет в состоянии сократить издержки в достаточной степени, чтобы получить прибыль, либо рыночная ситуация не приведет к повышению цен. Максимизация текущей прибыли приводит к увеличению доходности, расширению воспроизводственных возможностей хозяйствующего субъекта. В условиях рынка, поддержание и обеспечение ликвидности всегда актуально, так как устойчивая неплатежеспособность грозит предпринимателю банкротством. Поэтому он стремится определиться с условиями и предпосылками, обеспечивающими стабильную платежеспособность.

Расширение доли рынка предполагает стремление к лидерству на рынке, которое дает возможность иметь самые низкие издержки и самые высокие долговременные прибыли. Добиваясь этой цели, хозяйствующий субъект идет на максимально возможное снижение цен. Ценовое лидерство отражает положение хозяйствующего субъекта на рынке как одного из наиболее активных при установлении общих ценовых уровней на определенные виды продукции. Достижение этой цели предполагает наличие у хозяйствующего субъекта достаточного потенциала.

В Казахстане ценовая конкуренция получила распространение в различных отрас-

лях экономики. Например, на рынке сотовой связи Казахстана цена изменяется в зависимости от вида звонка и времени его осуществления (табл. 1). Самые низкие тарифы установлены компанией K-MOBILE на звонки с сотового телефона на сотовый, в рамках своей сети. Ценовая конкуренция компаний сотовой связи привела к общему снижению цен на их услуги. На первых порах предоставления услуг сотовой связи компанией «Алтел», выступавшей на тот момент монополистом, потребители должны были оплачивать стоимость входящих звонков и цена единицы времени превышала один доллар США.

Также ценовая конкуренция распространена на рынке молочной продукции г. Алматы (табл. 2). Это дает возможность производителям удерживать потребителей с разным уровнем доходов. Ценовая конкуренция способствовала насыщению рынка чая, пива, винно-водочной продукции, безалкогольных напитков качественной и недорогой продукцией.

Однако потенциал ценовой конкуренции хозяйствующими субъектами в Казахстане полностью не используется. Ценовая конкуренция расширяет рынок сбыта, обуславливающий большую загрузку мощностей компании-производителя, что позволяет снизить цену продукции и предложить ее более широкому кругу потребителей. В свою очередь, увеличение объема рынка ведет к снижению фиксированных издержек, что открывает путь к новому уменьшению цен. На большинстве приватизированных предприятиях наблюдается недоиспользование мощностей, что в свою очередь ведет к увеличению фиксированных издержек, а значит, к завышению цены. Рынок находится в состоянии «зжатости» высокими ценами.

В этой ситуации производителям Казахстана следует более широко применять ценовую дискриминацию как инструмент конкурентной борьбы. Ее целесообразно осуществлять посредством деления рынка по группам потребителей, имеющих различные ценовые возможности приобретать товар или услугу. В результате назначения разной цены для разных групп потребителей производители получают возможность повышения совокупного валового дохода, так как он будет складываться из доходов на дешевом и дорогом рынках (рис. 1). Ценовая конкуренция должна основываться, в

первую очередь, на ценовой эластичности спроса, ибо потребители с низким уровнем доходов очень чутко реагируют на изменения цены (здесь преобладают высокоэластичный спрос), что может привести к быстрому повышению или снижению уровня спроса.

относительно низкая цена, в размере предельных издержек от его производства.

Ценовая дискриминация в зависимости от объема покупки предполагает назначение разных цен единицы товара при покупке разных количеств товара. Примером являются оптовые продажи в противополож-

Ценовая политика компаний мобильной связи на рынке Казахстана в 2001 г., долл. США*

Наименование исходящих звонков	K-cell		K-MOBILE		АЛТЕЛ	
	8.00-20.00	20.00-8.00	7.00-21.00	21.00-7.00	8.00-20.00	20.00-8.00
На сотовый телефон своей компании	0,278	0,232	0,0464	0,0387	0,16	0,12
На городской телефон	0,288	0,240	0,0480	0,0384	0,26	0,20
На сотовый телефон другой компании	0,288	0,240	0,2880	0,0400	-	-

* Составлено автором на основе данных компаний K-cell, K-MOBILE, «АЛТЕЛ».

Выделяют совершенную ценовую дискриминацию, ценовую дискриминацию в зависимости от объема покупки, ценовую дискриминацию по группам потребителей. Совершенная ценовая дискриминация – это назначение такой цены, когда весь потребительский излишек данного рынка переходит хозяйствующему субъекту. В данном случае каждый потребитель получает возможность заплатить столько, во сколько он оценивает этот товар. Хозяйствующий субъект прода-

ность розничным. В данном случае хозяйствующий субъект предлагает целый набор тарифов из двух частей и потребитель сам выбирает тариф, в зависимости от количества товара, которое он желает приобрести. Например, дисконтные карточки: чем выше цена дисконтной карты, тем большая скидка с цены товара предоставляется покупателю. Потребитель сам выбирает, в зависимости от планируемого объема покупки, какую дисконтную карту приобретать.

Цены на молочные продукты г. Алматы в 2000 г., тенге [2]

Название компании	Молоко, 1 л	Кефир, 1 л	Ряженка, 0,5 л	Сметана, 0,5 л	Творог, 0,25 кг
Фудмастер	47-66	47-87	30-45	90-104	40-46
Жигер	40-45	40-45	25-30	-	-
Смак	50-63	50-53	30-32	-	-
Адал	50-55	50-55	38-43	80-84	-
Агропродукт	38-40	38-40	23-25	80-84	32-34

ет товар до тех пор, пока дополнительно проданная единица товара не примет цену, равную предельным издержкам производства этой единицы.

Совершенная ценовая дискриминация осуществляется посредством системы двухчастного тарифа, при которой оплата товара складывается из двух частей: аккордного фиксированного взноса за право покупки товара и цены за каждую дополнительную единицу товара. Максимизация прибыли хозяйствующим субъектом достигается при цене, равной уровню предельных издержек производства и аккордному взносу, равному величине потребительского излишка, полученного покупателем. Двухчастный тариф целесообразно использовать при ценообразовании на два взаимодополняющих товара. На один из них устанавливается высокая цена (аккордный взнос), а на второй –

Когда невозможно точно установить предельную ценность каждой единицы товара для каждого потребителя, следует использовать дискриминационную политику по разделению совокупного спроса на группы потребителей с одинаковой предельной ценностью товара. Хозяйствующий субъект назначает разные цены для разных групп потребителей. Например, разная цена на подписку газет для частных лиц и организаций, разные тарифы на электроэнергию для юридических и физических лиц. Такая дифференциация возможна только в случае, когда исключено использование арбитража.

Эффективная ценовая конкуренция способна привести к экономическому росту. Однако неконтролируемое злоупотребление методами ценовой конкуренции способно привести к ухудшению экономической ситуации в стране. Так, ценовая конкуренция

где P — цена, MC — предельные издержки, D — спрос, MR — предельный доход, Q — объем производства.

может принимать характер «ценовых войн», направленных на достижение максимальной прибыли за счет увеличения объема реализации своих товаров путем «хищнического» снижения цен и последующего восстановления «нормальных» цен на основе единоличной монополии. «Война цен» ведет к получению крупных преимуществ в результате уничтожения более слабых конкурентов, что покрывает ее собственные издержки конкуренции.

Например, борьба компании «ИНТЕЛСАТ» с частными спутниковыми корпорациями. В частности, в отношении корпорации «ПАНАМСАТ» она прибегла к шокирующему для соперника снижению тарифов на свои услуги, стараясь таким образом удержать клиентов и не допустить падения продаж. Цена годовой аренды спутникового канала «ИНТЕЛСАТ» достигла уровня, который был ниже эксплуатационных расходов [4]. Удерживать такую цену ей позволила система долгосрочных контрактов, предусматривающая зависимость размеров льгот от срока соглашений с потребителями: чем продолжительнее срок, тем дешевле аренда спутникового канала. В конце 80-х годов 87,5% объема продаж «ИНТЕЛСАТ» покрывались контрактами, заключенными на семь и более лет. Такая политика привела к банкротству конкурирующих компаний и в итоге — к ограничению объема предложения. Но, по мере уменьшения числа конкурентов в отрасли и их относительного укрупнения, перспектива победы в «войне цен» и реализация дополнительной прибыли за счет вытеснения конкурентов становится все менее реальной. Полученные преимущества часто не покрывают относительных убытков длительных периодов демпинговых цен. Это негативно сказывается в целом на экономике страны.

Широко распространенным методом ценовой конкуренции в Казахстане стал демпинг, основанный на разнице уровня издержек отечественной и аналогичной зарубежной продукции. Например, Донской горнообогатительный комбинат заключает контракты по продаже хромовой руды по \$18–21 за тонну, в то время как цена на мировом рынке составляет \$24. Казахстанская нефть реализуется по ценам намного ниже среднемировых. Например, в мае 2001 г. мировая цена нефти составляла 215 долл. США за тонну, в то время как казахстанская реализовывалась по 142 долл. США, что составляет всего 66% от мировой (рис. 2).

Причем величина демпинга и объем реализуемой продукции отличается в зависимости от страны экспорта. Наибольшими являются поставки в страны дальнего зарубежья: Бермудские острова — 30%, Виргинские острова — 11%, Италию — 15%, ОАЭ — 8%, Германию — 5%, Великобританию — 4%. Или, к примеру, продажа отечественного природного газа в Россию осуществляется по цене в 10, 20 раз дешевле среднемировых. Средняя контрактная цена продажи природного газа за пределы Казахстана колеблется от 8 до 31 долл. за тысячу кубических метров, в то время как за рубежом она продается минимум за 85 долл., а в Европе не опускается ниже показателя 125 долл.

Демпинг имеет негативные последствия как для государства-экспортера (налогоплательщики — граждане этого государства несут на себе расходы, связанные с демпинговым экспортом), так и для государства-импортера (ухудшение положения отрасли экономики, наступающее вследствие демпингового импорта, что выражается в сокращении объема производства или непосредственно конкурирующего товара, снижении рентабельности производства такого товара).

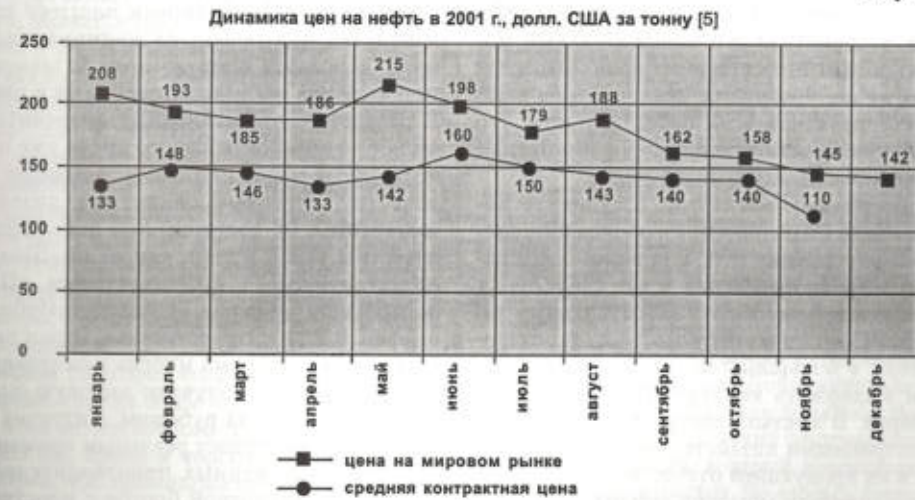
Демпинговая политика казахстанских производителей уже приносит существенный вред экономике, выраженный в потере рынков сбыта. Многие страны ограничивают ввоз казахстанской продукции и вводят антидемпинговые пошлины. Так, Китай с 23 марта 2002 г. начал антидемпинговое расследование в отношении импорта холоднокатанного проката из Казахстана, установив для него пошлину на ввозимую продукцию в размере 22 процентов и антидемпинговую пошлину на оцинкованный прокат в размере 36,9 процента от таможенной стоимости товара. США с 20 марта 2002 г. ввели сроком на три года пошлины, составляющие от 8 до 30 процентов на большинство видов импортируемой стальной продукции из Казахстана. Жесткие квоты и по-

следует применять антидемпинговые меры, включающие определение «нормальной» цены импортируемого товара; определение демпинга и материального ущерба, причиненного им; введение временных антидемпинговых мер или антидемпинговых пошлин.

Особой проблемой для Казахстана является ценовая конкуренция со стороны иностранных производителей. И довольно остро эта проблема встает в связи со вступлением Казахстана в ВТО. Жесткие правила торговли и тарифной политики нацелены на обеспечение максимальной конкуренции. Основоположающими принципами ВТО являются:

- предоставление режима наибольшего благоприятствования во взаимной торговле на недискриминационной основе;

Рисунок 2

шлины делают экспорт продукции экономически невыгодным.

Демпинг также является распространенной стратегией иностранных хозяйствующих субъектов на рынке Казахстана. Например, Российские цементные заводы реализуют свою продукцию в Казахстане по цене \$12 за тонну, в то время как казахстанские цементные заводы выпускают свою продукцию по себестоимости \$14 за тонну [6]. В результате отечественные производители не имеют рынка сбыта не только за рубежом, но и теряют его и на внутреннем рынке. В связи с этим государству необходимо применять систему мер по ограничению и недопущению демпинга отечественными и зарубежными хозяйствующими субъектами. Относительно демпинга иностранной продукции

- взаимное предоставление национально-го режима услугам иностранного происхождения;

- транспарентность законодательства и торговой политики государств-участников;

- разрешение торговых споров путем консультаций и переговоров.

Направлениями деятельности ВТО выступают обеспечение равного и свободного доступа товаров и услуг на рынки ее участников, либерализация мировой торговли путем ее регулирования преимущественно тарифными методами при последовательном сокращении уровня импортных пошлин и устранение различных нетарифных барьеров, количественных ограничений, препятствующих международному обмену.

Строгие и детальные многосторонние

обязательства ограничивают свободу действий руководства Казахстана при проведении внутренней политики, не позволяя государству предпринимать защитные меры по своему усмотрению. Проникновение иностранных компаний на внутренний рынок ужесточит конкуренцию и может негативно сказаться на конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, которые могут проиграть в борьбе за потребителя. Ведь одним из важнейших условий при вступлении в ВТО выступает необходимость снижения ввозимых тарифов.

К примеру, среднее снижение тарифов на промышленные товары развитых стран, по результатам Уругвайского раунда переговоров, составило 38%. Они распространяются на семь групп товаров, в том числе металлы, минеральную продукцию, драгоценные камни, электрооборудование, лес. Для потребителя это положительный момент, но для отечественных производителей этих видов продукции цена на импортную может превышать их себестоимость, что может привести к монополии импортной продукции на внутреннем рынке.

По мнению экспертов, вступление Казахстана в ВТО приведет к обрушению системы внутренних цен, к резкому сокращению энергопотребления и как следствие к стремительному взлету коммунальных тарифов [7]. Отечественные товаропроизводители в большинстве своем не в состоянии выдержать конкуренцию импортных товаров. В жесткой конкурентной борьбе с иностранными хозяйствующими субъектами и их продукцией отечественные товаропроизводители могут не выжить. В связи с этим политику государства необходимо

направлять на создание условий, при которых отечественные товаропроизводители стремились бы к производству продукции высокого качества. Это должна быть не жесткая протекционистская политика, а системы мер, стимулирующие отечественных и зарубежных производителей к совместной работе.

Так, например, на рынке пива, который в первые годы независимости был заполнен дорогостоящими импортными марками пива, основная масса потребителей отдавала предпочтение худшей по качеству, но дешевой отечественной марке «Жигулевское». Несмотря на, казалось бы, широкий рынок сбыта в Казахстане объем продаж импортного пива снижался. В этой ситуации предприниматели в Казахстане сменили стратегию поведения и вместо завоза готового пива предприняли попытку производства новых сортов национального пива, используя оборудование и технологию ведущих производителей пива в мире. В результате отечественные потребители имеют возможность выбора среди уже отечественных марок пива, не уступающих по качеству, вкусовым свойствам, дизайну импортным, но доступных по цене. Общеизвестны такие марки, как «Тянь-Шань», «Карагандинское», «Шымкентское», «Павлодарское», «Южная столица», «Ирбис», «Дербис» и др. Отечественные марки пива становятся призерами многих международных конкурсов и получают высокую оценку специалистов за рубежом. Ситуация на рынке пива выступает реальным примером успеха отечественных производителей в ценовой конкурентной борьбе с иностранными.

Литература

1. Уткин Э.А. Цены. Ценообразование. Ценовая политика. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство ЭКМОС, 2000. – С. 59.
2. Соколова Н., Забусова В. Рынок молочных продуктов. – Алматы // Аль Пари. – 2000. – №6. – С. 56.
3. Авдашева С.Б., Розанова Н.М. Теория организации отраслевых рынков. – М.: ИСП «Изд-во Магистр», 1998. – С. 210.
4. International satellite systems. – Washington, 1988. – P. 255.
5. Деловое обозрение: Республика. – 24 января. – 2002. – С. 8.
6. Деловое обозрение: Республика. – 10 августа 2000. – С. 8.
7. Мегapolis. – май 2002. – №20. – С. 7.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ БРЕНДА КАК ОСНОВА ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Дмитриенко Т.А.

В последнее время, в условиях жесткой конкуренции, компании вынуждены особое внимание уделять отношениям с потребителями, так как именно от потребителей, от их спроса в конечном счете зависит прибыльность компании. Технологический прогресс и глобализация способствуют тому, что новейшие технологии становятся более доступными. В таких условиях компании уже не могут конкурировать только по качеству товара. Для привлечения внимания и завоевания доверия потребителей нужны качественно новые подходы. Одним из таких подходов, отвечающих современным условиям рынка, является *брендинг*, т.е. политика создания и управления брендами.

Рассматривая основное содержание брендинговой политики, сначала нужно четко определить, что такое бренд.

В настоящее время в среде казахстанских специалистов по маркетингу достаточно актуальным остается вопрос о соотношении таких понятий, как *торговая марка* и *бренд*. Однозначного мнения на этот счет не существует. Тем не менее мнения по данному вопросу можно разделить на две основные категории.

Первая категория специалистов считает, что бренд – это не более чем перевод на русский язык англоязычного термина *brand*. По их мнению, бренд и торговая марка – это синонимы, т.е. принципиального отличия в этих двух понятиях нет. Другая категория специалистов считает, что понятие торговой марки является всего лишь частью понятия бренд, которое дополнительно включает в себя информацию о потребителе, имидж и др. эмоциональные характеристики.

Рассматривая определения торговой марки, можно отметить, что практически все они сводятся к тому, что торговая марка это – наименование или символ, представляющее товар. Каждая марка обладает определенным имиджем, т.е. это общее впечатление, сложившееся у потребителя о ее физических свойствах, наименовании, символах, упаковке, сервисе [1].

По определению классика маркетинга Ф.Котлера, торговая марка – имя, термин, знак или символ, рисунок или их сочетание, предназначенные для идентификации това-

ров или услуг одного или группы продавцов и их дифференциации от товаров или услуг конкурентов [2].

Бренд же, в свою очередь, – это не только торговая марка, состоящая из названия, графического изображения (логотипа) и звуковых символов компании или товара. Понятие бренда более широкое, поскольку в него еще дополнительно входят:

- сам товар или услуга со всеми его характеристиками;
- набор ожиданий и ассоциаций, воспринимаемых и приписываемых пользователем товару;

- информация о потребителе;
- обещания каких-либо преимуществ, данные автором бренда потребителям [3].

В каждый конкретный момент любой бренд обладает определенным имиджем – уникальным набором ассоциаций, которые в настоящий момент находятся в умах потребителей. Эти ассоциации выражают то, что означает бренд именно сейчас, и являются сиюминутным обещанием потребителям от авторов бренда.

Таким образом, видно, что между понятием бренд и торговая марка существуют определенные отличия. Действительно, бренд является более широким понятием. В-первых, бренд есть отражение системы ценностей производителя, который представляет определенную культуру. Во-вторых, бренд предполагает определенную индивидуальность и конкретный тип потребителя, который покупает и использует данный товар. И, наконец, бренд – это больше чем просто набор характеристик товара, покупатели приобретают не характеристики, а блага.

Одной из наиболее распространенных ошибок компании в конкурентной борьбе является заикливание на свойствах продукта, при котором стратегическое и тактическое управление концентрируется на характеристиках товара. Утверждение, что только эти свойства и есть причина потребительского выбора и средство конкурентной борьбы, ошибочно само по себе и часто ведет к недоиспользованию оптимальных стратегий, а иногда и к критическим ошибкам.

Товары-аналоги могут обладать похожими свойствами, которые с развитием техно-

логий способны достаточно быстро меняться, совершенствуя при этом сам товар. В такой ситуации единственно возможным отличием товаров будет индивидуальность бренда.

Так, например, среди свойств товара можно выделить следующие элементы: высокое качество, надежность, долговечность и хорошая цена. В свою очередь, бренд, кроме всего прочего, вносит ощущение приобретения и использования лучшего. Использование этого товара создает покупателю возможность самовыражения перед собой или другими людьми. Понимание, что бренд – это больше, чем просто товар, имеет серьезное применение в ценовой политике, сегментации рынка и стратегии коммуникаций.

Ниже представлена схема, в которой демонстрируются совокупность основных составляющих бренда и взаимосвязь между ними. В зависимости от природы бренда и среды функционирования компании важность одних элементов возрастает, а других уменьшается.

На рисунке показано, что основные атрибуты бренда включают в себя следующие элементы:

➤ **Корпоративная культура.** Культуры бизнеса компании-производителя или стратегии ее развития, безусловно, находят свое отражение в бренде. Любое действие компании может быть как позитивно воспринято потребителями и поддерживать их преданность, так и негативно отразиться на отношении потребителей.

➤ **Потребительская культура.** В брендинге необходимо учитывать природу воздействия на потребителей в их повседневной жизни. Вся жизнь человека формируется под воздействием окружающих его материальных и нематериальных объектов. Это невероятно богатый источник, с помощью которого можно вызвать у потребителей захватывающие, качественные впечатле-

ния. Потребительская культура представляет собой структуру, в которой взаимными усилиями создается биография бренда.

➤ **Имидж потребителя.** Посредством потребления товаров под различными брендами покупатели стремятся создавать и поддерживать собственные воображаемые образы. Таким образом, бренды должны развивать индивидуальность человека, доставляя ему удовольствие от самосознания. В результате у компании появляется возможность сегментировать покупателей по структуре их покупок. Собственный воображаемый образ потребителя, как правило, гармонирует с целями его жизни. Единственный способ добиться такой гармонии – использовать брендинг для строительства и структурирования образа. Определить и отобрать полезные ассоциации с брендом, которые будут мотивировать и превосходить потребности покупателя в само-имидже, можно на базе эмоциональных характеристик бренда.

➤ **Социальный имидж.** Другой аспект индивидуальности – это социальный имидж, который видят друзья, члены семьи, коллеги по работе и все окружающие. Социальный

Рисунок 1

имидж может совпадать с собственным воображаемым имиджем потребителя, однако последний известен только ближайшим спутникам жизни. Бренды, понимающие тонкости управления многоликим «я» потребителя, в отличие от брендов, рассматривающих потребителей как статичных и одномерных, добиваются более высоких результатов.

➤ **Рациональные выгоды** имеют логичные обоснования в пользу приобретения того или иного бренда и потому легко воспринимаются потребителями. Во многих случаях рациональные выгоды оказываются необходимыми условиями привлечения потребителей. Принято выделять ряд качеств, которыми должен обладать бренд, чтобы попасть в список претендентов на покупку.

В противном случае убедить потребителя выбрать именно этот бренд практически невозможно. После того, как бренд попал в список претендентов на покупку, выбор между небольшим числом брендов будет осуществляться на основании их отличительных эмоциональных выгод.

➤ **Эмоциональные выгоды** не содержат обоснованных рациональных аргументов, а доставляют удовольствие сердцам и душам потребителей. Они могут основываться на рациональных выгодах, когда те являются главными дифференцирующими признаками бренда или же привлекать потребителей за счет собственных, исключительно эмоциональных достоинств. В некоторых товарных категориях эмоциональные выгоды вызывают у потребителя импульсивное желание, которому затем будет найдено рационалистическое объяснение.

Кроме того, эмоциональные выгоды часто создают вокруг бренда ауру особенности, что может сыграть огромную роль в убеждении потребителей совершить покупку. Аура бренда уникальна, поэтому она представляет прекрасный механизм защиты от конкурентов, в принципе способных произвести рациональные выгоды бренда. У брендов бывают циклы популярности, когда их аура «светится» ярче, чем у других брендов. С помощью грамотного бренд-менеджмента можно продлить эти периоды, а также уменьшить негативные влияния периодов, когда вкусы потребителей обращаются в сторону конкурентов.

➤ **Брендинговое предложение** представляет собой лаконичное резюме рациональных и эмоциональных выгод бренда. Это предложение должно содержать четко сформулированные обещания компании производителю в предоставлении потребителю определенных выгод, которые он получит в результате приобретения конкретного товара.

➤ **Персоналии бренда** выбираются так, чтобы наилучшим образом донести брендинговое предложение целевой аудитории. Именно персоналии привлекает внимание, заинтересовывает потребителей и стимулирует их действия, т.е. покупку бренда. Потребители имеют большой опыт человеческих взаимоотношений и разбираются во

многих нюансах личности. Они могут различать даже незначительные отличия в персоналии торговых марок и, соответственно, испытывать к ним лояльность или антилояльность.

Таким образом, анализируя воздействие основных составляющих бренда на потребителя, компания имеет возможность обнаруживать свойственные бренду противоречия и реконструировать его. Достигнув понимания конкретного бренда, можно определить и спрогнозировать дальнейший рост, существует также возможность реагировать на позитивные и негативные изменения рынка и защищаться от атак конкурентных брендов.

Для того чтобы найти характеристики, которые можно использовать для создания бренда, необходимо взглянуть на него с точки зрения потребителя. Ведь известно, что бренд создается в голове потребителя.

Принимая решение о покупке определенной категории товаров, потребитель тратит минимальное время. Для того чтобы он отдал предпочтение какой-то конкретной компании, нужно создать в его голове определенный эмоциональный образ, который будет постоянно напоминать именно о конкретном товаре. Такой образ чрезвычайно трудно (скорее всего, даже невозможно) построить на физических атрибутах товара – он должен содержать в себе в основном эмоции и ощущения.

Потребитель, покупая товар, хочет во что-то верить. Поэтому при создании бренда, компании должны создавать определенный эмоциональный мир вокруг товара с вполне конкретными впечатлениями.

В эпоху информационного общества, когда на потребителя сваливаются тонны рекламных сообщений, все сложнее выделиться только фактом и величиной рекламного воздействия. Сегодня бренды рождаются, а не создаются. Говорить об отечественных брендах как о состоявшихся пока рано. И неудивительно: десятилетний опыт казахстанского бизнеса слишком мал для появления новых потребительских ценностей. Бренд, как и любая иррациональная ценность, существует не на полках магазинов или в виде продукта в холодильнике. Бренд как образ и легенда существует только в умах потребителей и, чтобы состояться, должен иметь историю о себе.

Литература

1. Ассель Г. Маркетинг: принципы и стратегия. Учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 368.
2. Котлер Ф. Маркетинг. Менеджмент. Учебник. – СПб: Питер, 1999. – С. 518.
3. Процесс создания бренда // a*Dvertising # 2(29), февраль 2002. – С. 4.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ (США–ЕС)

Кукеева Ф.Т.

В условиях глобализации наглядно проявляются центристские тенденции, растущее стремление к экономической и политической интеграции. Отношение США и Европейского Союза можно рассматривать как партнерство с определенными чертами, присущими интеграции.

Трансатлантическое партнерство имеет характеристики, свойственные интеграции: общее историческое и культурное наследие, разделяемые ценности (демократия, права человека, рыночная экономика), высокая степень экономических и торговых связей, сотрудничество в области безопасности. Трансатлантическое партнерство развивается на институциональной основе (НАТО) и через постоянные, прямые контакты между США и институтами ЕС.

В то же время партнерство США–ЕС имеет свои особенности. Прежде всего, это глобальный характер отношений, непосредственно связанный с динамикой и являющийся частью процесса глобализации. Другая особенность состоит в неординарности партнеров. И США, и ЕС являются мировыми центрами, США – бесспорный мировой лидер, а Европейский Союз – центр плюралистической демократии и ключевой игрок в глобальной рыночной экономике.

Таким образом, характер трансатлантического партнерства непосредственно влияет на развитие всего мирового сообщества.

В 1990-х гг. Соединенные Штаты и Европейский Союз перешли к качественно новой ступени отношений. В прошлом остались синхронность и взаимодополняемость действий Западной Европы и США (реализация «плана Маршалла», процесс создания НАТО, экономическое и военное сближение двух берегов Атлантики). В XXI век Соединенные Штаты и ЕС вступают как равноправные партнеры, осознающие свою роль в новой системе международных отношений.

Перемены экономического, военно-политического, культурного характера, происходящие в евро-атлантическом простран-

стве, требуют выработки новых подходов к изучению партнерства США и ЕС.

После распада биполярной системы трансатлантическое сотрудничество рассматривалось американскими экспертами в контексте стремления США и ЕС к разделенному мировому лидерству как «лаборатория для поиска новых форм управления в условиях глобализации».

Однако продвижение идеи разделенного лидерства во многом зависит от совпадения позиций стран – членов ЕС и самого ЕС к роли США в Европе и в мире в целом, а также от взаимоотношения США с государствами – членами Евросоюза и с ЕС как субъектом международных отношений.

В американской научной литературе следует выделить два альтернативных подхода при анализе трансатлантических отношений. Первый основан на комбинации теорий реализма, неолиберализма и неомеркантилизма. Второй исходит из понятий взаимозависимости и взаимовлияния в современном мире.

Эти подходы различаются, прежде всего, объектом исследования. При анализе трансатлантического партнерства с позиций реализма и неомеркантилизма главными действующими лицами являются национальные государства. Теория взаимозависимости предполагает участие различных акторов в формировании взаимоотношений между США и ЕС.

Концепция взаимозависимости апеллирует к международной системе в целом, особо подчеркивая необходимость сотрудничества в современных условиях, основанной на взаимных интересах акторов. Концепция неореализма и меркантилизма, напротив, исходит из понятия конфликт между государствами, стремящимися к обогащению и власти.

Таким образом, эти подходы отличаются по объекту исследования, по общему видению современных международных отношений. Но, как отмечает американский исследователь Коэн, оба подхода «отражают различные стороны современного мира» [1].

Политический реализм фокусирует свое внимание на национальном государстве, его власти, интересах и безопасности. Моргентау, представитель классического реализма, описывал развитие мира, используя такие понятия, как власть, национальный интерес, баланс сил. Для него главными субъектами на международной арене выступали суверенные государства, борьба между которыми давала импульс для развития международных отношений [2].

Использование данного метода при изучении отношений между США и Европейским Союзом проблематично в силу следующих факторов: во-первых, неординарности партнеров, если США является национальным государством, то Европейский Союз – интеграционная структура. Во-вторых, существует взаимосвязь между внутренней и внешней политикой партнеров, что нередко приводит к отличной (не идентичной) реакции на события, происходящие в мире. В-третьих, сотрудничество между США и ЕС развивается на многоуровневой основе, что не позволяет абсолютизировать роль силы в отношениях акторов, задействованных в трансатлантическом партнерстве.

В 1979 г. Уолц предложил неореалистический метод при изучении международных отношений. Соглашаясь с утверждением, что действия национальных государств необходимо рассматривать в контексте международной системы в целом, он оспаривал тот факт, что государства являются объединенными, чьи взаимодействия формируют структуру международной политической системы [3]. Так, Уолц считает, что международные отношения отличает «децентрализация и анархия», в отличие от внутренних политик государств, формируемых национальными правительствами. Автор «Теории международной политики» ставил под вопрос возможность соединения внутренней и международной политики в одной теории [4]. Положение Уолца о том, что при анализе международных отношений следует основываться не на частностях, а на целостности мира, рассматривая национальные государства как элемент глобальной системы, сближает его с транснационалистами.

Представители реализма и неореализма, признавая национальное государство единственным объектом международных отношений, упустили из внимания других акторов, таких, как международные организации, НПО, транснациональные корпорации, об-

щественные движения и т.д. Так, согласно утверждению Уолца, международные организации, обладающие определенными авторитетом и достаточными ресурсами, стремятся к статусу государства, в противном случае государство или группа государств доминирует в организации, стремясь к осуществлению своих интересов [5].

Б.Базан, последователь неореализма, развил его основные положения применительно к региональным системам, оценивая их как промежуточные между глобальной международной и государственной системами. По мнению исследователя, основу региональной системы составляют два фактора: распределение возможностей и отношения дружелюбности или враждебности между ними. Исследователь считает, что вопросы безопасности находятся в центре региональных систем. Государства-соседи настолько связаны друг с другом, что национальная безопасность одного не может быть отделена от национальной безопасности других. При этом, отмечает Базан, оба эти фактора могут быть объектом манипуляции со стороны великих держав.

Так, теории реализма и ее разновидности не всегда могли объяснить перемены, происходящие в международных отношениях.

Затруднительно, на наш взгляд, рассматривать трансатлантическое партнерство только с позиций реализма или неореализма, в силу наличия большого и разнообразного контингента акторов, действующих в рамках этих отношений и различающихся по типу политического устройства.

Европейский Союз является международной организацией, Соединенные Штаты – национальным государством, множество негосударственных участников действует в рамках трансатлантического партнерства. Акторы, вовлеченные в отношения между США и ЕС, имеют различные интересы и преследуют отличные, даже в рамках национального государства, цели. Например, эволюция европейской интеграции меняла внешнеполитические интересы государств – членов Союза или же отдельные администрации США по-разному определяли приоритетность отношений в области безопасности и экономики с Евросоюзом.

Подход с позиций реализма не охватывает сложный комплекс отношений, связывающих США и ЕС.

Политический реализм также предполагает отличный, обычно скептический взгляд на характер трансатлантического партнерства

в современных условиях, основанный на положении о природе и роли государства-гегемона на международной арене. Согласно концепции гегемонии США оптимальной основой безопасности является однополярность и дисбаланс сил в пользу государства-гегемона. Ч.Крахаммер, первым пустивший в оборот понятие «однополярность», считает, что «преобладание Америки основано на ее дипломатической, политической и военной мощи, что достаточно для того, чтобы быть решающим участником любого конфликта в любом регионе по своему выбору» [6]. В новых условиях, когда коллективная самозащита во многом утратила свою актуальность, гегемонисты выступают за проецирование безопасности вовне, что усиливает ведущую роль США и исключает перераспределение ответственности в пользу союзников.

Лидерство США, конечно же, должно быть принято во внимание при исследовании трансатлантического партнерства как определявшее характер этих отношений на протяжении более чем пятидесяти лет. Однако в 1990-е гг. отношения между США и ЕС все более стремятся к равноправию и европейская политика Вашингтона теряет гегемонистский характер.

Проблема концептуализации отношений США и ЕС вытекает из уникального статуса Европейского Союза как неординарного международного актора. Без понимания ЕС как субъекта внешней политики сложно теоретическое осмысление трансатлантических отношений.

Поиски концептуального объяснения политического поведения трансатлантических партнеров не всегда были удачными. Теории 1950–60-х гг. не сумели предсказывать препятствия на пути к западноевропейской интеграции, но создали основу для объяснения эволюции ЕС. Нау считал, что реалистическая, неореалистическая, неомеркантилистская, либеральная и др. главные теории, доминировавшие в международных отношениях в 1970–80 гг., не сумели отразить динамику развития западноевропейской интеграции [7]. Так, в 1970-е гг., в период, когда Европейское Экономическое Сообщество после двух десятилетий поступательного развития начало испытывать определенные трудности на пути экономической и политической интеграции, несмотря на оптимистические предположения ее теоретиков, в американской научной литературе появляются статьи о преждевременности политической интеграции и ее вто-

ростепенном характере для государств-членов. Ряд авторов пыталось изучать роль ЕС в международных отношениях фрагментарно, отрицая необходимость единой концептуальной основы. Разделенная ответственность Сообщества за энергетический (нефтяной) кризис 1973–74 гг. также стала причиной пренебрежения академических кругов США к проблемам ЕС, который становился все более сложной и самостоятельной структурой. Снижение интереса американских теоретиков, таких, как Э.Хаас, Л.Линдберг и С.Шейнголд, к процессу западноевропейской интеграции стал причиной резкого отставания теоретических исследований по проблемам ЕС в американской историографии. Это наложило отпечаток и на развитие европейских исследований в 1980-е гг., особенно в таких областях, как внешняя и валютная политика, расширение европейской интеграции, внутренний рынок и институциональные реформы.

Геополитические перемены, произошедшие в Европе в 1990-е гг., потребовали от американских авторов выработки новых подходов к изучению этого региона. Наиболее популярным остается неофункционализм как теория региональной интеграции, разработанная в 1950-х гг. Э.Хаасом. Хаас и его последователи отстаивают идею о взаимосвязанности сотрудничества в экономической, социальной, культурной областях с необходимостью создания специализированных наднациональных институтов для их координации, что приводит к ускорению процесса политической интеграции. В 1989 г. Козейн и Хофман дополнили теорию неофункционализма понятием «spillover», что означает переход, перетекание сотрудничества из одной области в другую за счет перерастания количества в качество. Авторы считают одним из главных условий «spillover» является совпадение интересов в конкурентных областях, закрепленное в межправительственных соглашениях. В пример приводится Единый Европейский Акт 1985 г., принятие которого было бы проблематичным без благоприятного поворота в экономической политике Великобритании и решения правительства Великобритании принять поправку к Соглашению об институционализации дерегулирующих правил.

Изучая европейскую интеграцию с позиций неофункционализма, следует учитывать и роль национальных правительств в политической системе ЕС, обозначаемое понятием «intergovernmentalism», или межправительственные связи.

Так, Козейн и Хофман считают, что с углублением интеграции возрастает и сопротивление национальных правительств, не желающих терять часть суверенитета, что требует больше времени для принятия решений в рамках ЕС и порой затягивает достижения двусторонних соглашений между США и ЕС.

Отличающийся механизм принятия решений может стать источником возникновения проблем в межатлантических отношениях. США – объединенная федеральная система с четкими полномочиями в решении вопросов экономики и внешней политики. В то время как Европейский Союз остается более сложной, многоуровневой и децентрализованной системой, в которой полномочия ЕС и национальных уровней не всегда ясны или же претерпевают постоянные изменения. Поэтому возникает потребность в долгих переговорах и взаимных уступках со стороны государств-членов для принятия единого решения. По мнению исследователей, это может уменьшить вес и значимость ЕС как партнера для США и даже подталкивать американскую администрацию к сотрудничеству с отдельными странами – членами Евросоюза и, более того, сталкивать их интересы. В итоге отличия в принятии решений нередко приводят к игнорированию американской стороной рабочего процесса в ЕС или к неверному истолкованию решений и политики ЕС, что остается источником для возникновения проблем в будущем.

Эффект глобализации в отношении региональной интеграции становится предметом споров среди исследователей. Одни видят в глобализации силу, способную вывести страны за пределы региональных объединений, и говорят о международной финансовой системе, международных рынках, информационном пространстве и культурном взаимопроникновении. Другие выступают за поиск новых путей и методов исследования региональных союзов.

И европейские, и американские авторы согласны в том, что истинный трансатлантический интерес состоит в строительстве глобального мира и создает основу для «перспективного стратегического партнерства».

Неомеркантилистский подход в изучении международных отношений в условиях глобализации все больше фокусирует свое внимание на экономических отношениях. Такие авторы, как Хекшер, Глипин, рассматривая защиту экономических интересов государства как основу национальной безопаснос-

ти и суверенитета, допускают проведение политики экономического национализма [8, 9].

Так, Глипин считает, что упадок американской гегемонии серьезно подорвал политическую структуру международной системы, поддерживавшую экспансию либеральной мировой экономики в послевоенную эру. Это привело к тому, что Америка и ее партнеры в Западной Европе оказались в ситуации, которая побуждала их решать свои внутренние проблемы за счет других стран. В результате роста тенденций экономического национализма, регионализма и секторального протекционизма в глобальной политической экономике усилилась фрагментация и нестабильность. По мнению автора, в области торговли отношения будут в основном строиться на двусторонней основе.

В целом неомеркантилистский подход строит определенную узость суждений, так как ставит во главу угла национальное государство, не принимая во внимание или недооценивая роль других экономических международных объединений, таких, как транснациональные корпорации, МВФ, ВТО и др.

Технологический прогресс, трансформация ситуации на мировых рынках, возрастание роли транснациональных корпораций породили новые тенденции в международных отношениях, следствием чего явился рост взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях. Школу транснационализма можно считать результатом спора, разгоревшегося в конце 1960–70-х гг. среди западных ученых, поставивших под сомнение роль государства как единственного и главного актора международных отношений, а также понятия «национального интереса» и «силы» для анализа процессов, происходящих на мировой арене.

Сторонники школы транснационализма считают, что основой современной мировой политики уже не являются отношения между государствами. Многообразие участников усиливает роль международных режимов и структур и является характерной чертой интеграционных процессов.

Исходя из современного положения международных отношений, процессов интеграции и глобализации при анализе трансатлантического партнерства, на наш взгляд, наиболее приемлемой является теория взаимозависимости, включающая в себя внутреннее, двустороннее и международное измерения.

Следуя теории взаимозависимости, во внимание принимаются следующие факторы: во-первых, Европейский Союз представляет собой совокупность акторов, оперирующих через различные каналы, следовательно, сохраняются различия в политике Европейского Союза и национальных государств к третьей стороне – США. Во-вторых, это факторы, определяющие двусторонние отношения между США и ЕС. Третий фактор связан с процессом формирования внешней политики США к ЕС. И, наконец, фактор влияния мирового сообщества на трансатлантическое партнерство. Комбинация этих четырех факторов характеризует трансатлантические отношения в целом и роль ЕС во внешней политике США в частности.

В 1969 г. Розенау предложил рассматривать современную систему международных отношений не только по горизонтали, т.е. как взаимодействие между национальными государствами, но и по вертикали, т.е. как взаимодействие между международными, национальными и локальными политиками. Эти вертикальные взаимоотношения он назвал «linkage politics» или «политика сцепления» [10]. По мнению автора, различные типы связей, такие, как субнациональные, транснациональные и наднациональные, выходят за рамки национальных государственных систем. Разнообразие акторов и форм их взаимодействия на международной арене обусловлено задачами, стоящими перед мировым сообществом в целом. Розенау предлагает отойти от концепции государствоцентричности, т.к. негосударственные формы политической активности, не требующие прямого участия государства, становятся важным фактором международных отношений [11]. Исследователь также подчеркивает роль социальных, экономических и культурных факторов в формировании внешней политики государства и в межгосударственных отношениях.

Так, впервые предложив подход с позиций взаимозависимости, Розенау дал общее представление об этом методе изучения международных отношений.

Позже сторонники теоретических течений, придерживающиеся идеи о том, что политический реализм и свойственная ему эгалитаристская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений, стали называться транснационалистами. Транснационалисты, объединяющие представителей собственно транснационализма (Р.Козн, Дж.Ней), теории интегра-

ции (Д.Митрани) и взаимозависимости (Э.Хас, Д.Моурс), считают, что международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий и не могут определяться лишь такими понятиями, как национальный интерес и противоборство.

Метод взаимозависимости был уточнен и дополнен такими авторами, как Козн и Ней, в их известной работе «Власть и независимость», опубликованной в 1977 г. Исследуя отношения между политической властью и экономической взаимозависимостью государств, они пришли к выводу, что государства при определении своей политики во многом зависят от внешних сил или обстоятельств [12]. «Взаимозависимость» авторы понимают как множественную зависимость субъектов, вступающих в отношения, действия которых имеют определенный эффект на развитие наций. Козн и Ней, учитывая всю сложность современных международных связей, предлагают изучать международные отношения с позиций «комплексной взаимозависимости», на основе трех факторов, присущих отношениям между субъектами на мировой арене. Во-первых, это многочисленные каналы, связывающие их (акторов). Во-вторых, наличие множества проблем и вызовов, которые сложно выстроить в определенную иерархическую структуру. И, наконец, невозможность использовать вооруженные силы одного государства против другого, связанного с первым целым комплексом отношений. Эти характеристики имеют тенденцию к росту и все больше определяют политический процесс, происходящий в мире.

Таким образом, концепция «комплексной взаимозависимости» представляет собой значительный шаг вперед в изучении международных отношений и позволяет отразить всю сложность современного мира. Этот подход может быть применен при исследовании проблем в различных областях международных отношений, таких, как торговля, безопасность, финансы или энергетика. При этом он (подход) позволяет показать отношения между нациями, учитывая позитивные и негативные последствия взаимозависимости и взаимовлияния. Так, в современном мире усиливается эффект взаимозависимости и взаимовлияния, что ограничивает автономию акторов на международной арене и заставляет их вступать в различного типа взаимоотношения с другими акторами. Козн и Ней также отличают взаимосвязь от взаимозависимости, т.к. последняя требует взаимодействия,

имеющего определенные результаты. Эти результаты не всегда означают взаимовыгодное сотрудничество. Иногда цена может превышать получаемую пользу, что связано с ограничением автономии [13].

Взаимозависимость нуждается в определении, так как выходит за рамки двусторонних отношений, определяемых результатами, как, например, торговые переговоры и политические консультации, отношения между государствами, между политической элитой и обществом.

Подход с позиций взаимозависимости также предполагает наличие организованных структур и процедур в отношениях международных акторов. Эти структуры могут включать общие институты, договоры, союзы, встречи на различных уровнях и также «международные режимы». Международный режим – это свод определенных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур по принятию решений, которых придерживаются акторы в определенной области международных отношений. Нормы являются стандартами поведения сторон, определяющие права и обязанности сторон. Правила – специальные предписания или запреты каких-либо действий. Процедура принятия решений является превалирующей практикой в создании и проведении в жизнь коллективного выбора или решения [14].

Эффективность политических режимов определяется степенью согласованности позиций участников в принятии общих политических, экономических и др. решений, что и подтверждает концепцию взаимозависимости. Такие организации, как ГАТТ, МВФ и др., могут быть отнесены к политическим режимам.

Таким образом, концепция взаимозависимости позволяет изучать современные международные отношения, рассматривая их как экономические, политические и социально-культурные аспекты.

На наш взгляд, отношения между США и ЕС в новых условиях международных отношений следует рассматривать с позиций «комплексной взаимозависимости», предлагаемой Козном и Неем. Трансатлантическое партнерство в целом отвечает характеристикам данного подхода исследования. Так, использование военной силы в атлантических отношениях представляется невозможным. Отношения между обществами Соединенных Штатов и Евросоюза осуществляются множеством участников, действующих на различных уровнях. На повестке дня трансат-

лантического партнерства стоят задачи, которые не выстраиваются в четкую иерархию, и их решение зависит как от внутренних, так и от внешних факторов.

Теория взаимозависимости не является единственно возможной при изучении трансатлантического партнерства. Сами авторы этой теории выступают за многомерный подход при анализе современной системы международных отношений. Так, Козн в 1980-е гг. приходит к выводу, что центральные понятия политического реализма «сила», «национальный интерес», региональное поведение – остаются важным средством и условием анализа современных международных отношений. Он предлагает «модифицированный структурный метод изучения», основанный на следующих предположениях. Признавая государство главным или основным актором в мировой политике, этот метод также считает важными негосударственных участников, а также транснациональные и неправительственные отношения. Предполагается, что поведение акторов не будет упираться только в защиту своих собственных интересов за счет других. Их действия будут подвергаться коррекции в зависимости от международной обстановки.

Широкая дифференциация во взглядах специалистов-международников и политологов на природу современных международных отношений в целом и на характер европейской интеграции в частности требует использования комбинации различных теоретических подходов к изучению трансатлантического партнерства.

Сложность трансатлантических отношений объясняется характером акторов, вовлеченных в это партнерство, их ролью и влиянием на международные отношения.

Комбинированный подход позволяет показать факторы, объединяющие США и ЕС, а также их отношение к глобальным вызовам современности.

Исходя из неординарности трансатлантических партнеров, многообразия участников, видов сотрудничества (экономическое, культурное, научное) и каналов (бизнес, религия, наука, культура и т.п.), отношения США и ЕС следует рассматривать на трех уровнях: интернациональный или межгосударственный; трансправительственный, сотрудничество на уровне официальных лиц (министров, представителей и т.д.) и транснациональный, когда сотрудничество осуществляется помимо и без участия государства.

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Губайдуллина М.Ш., Чукубаев Е.С.

На протяжении последнего десятилетия меняется роль объединенной Германии, она становится ключевым актором новой системы международных отношений. Если в первые годы после объединения ее внешняя политика была направлена на утверждение позиций в Европе и в мире, то теперь она не только активно представляет свои интересы на международной арене, но стремится эффективно воздействовать на мировые события.

Особенностью формирования и проведения внешней политики Германии является то, что в государственном механизме правящие партии и их программы играют ключевую роль, поскольку партийно-политический уровень всей внешнеполитической системы этой страны традиционно является базовым и конституционно обоснованным.

Шестой год внешняя политика современной Германии осуществляется на основе программных установок СДПГ – одной из ведущих политических партий ФРГ, которые включены в теоретико-практический раздел внешнеполитической концепции. Социал-демократическая партия, являясь правящей, формирует парламентскую фракцию и выступает в качестве одного из каналов партийного влияния на деятельность кабинета при формировании и осуществлении внешней политики. Выбор внешнеполитического курса СДПГ диктуется исторической традицией партии, личностным подходом партийного руководства, национальными интересами и международным положением Германии, логикой межпартийной политической борьбы в условиях политического плюрализма и представительной многопартийной демократии.

Понятие «последовательность и преемственность» применительно к области внешней политики Германии и в данном случае коалиционное правительство СДПГ – Союз 90/Зеленые остается верным данной традиции. Однако по мере расширения сферы внешнеполитического сотрудничества и глобализации социально-экономических, экологических, международно-правовых проблем существенно возросли задачи кабинета Герхарда Шрёдера, который пытается адаптировать внешнеполитические традиции германского государства к новым условиям.

Традиционная последовательность курсу в направлении западноевропейской интеграции и заданному темпу строительства ЕС, верность партнерским отношениям с США и организации безопасности в рамках НАТО и ОБСЕ подвергаются переосмыслению со стороны социал-демократов и привнесению более жестких мотивов в свое поведение на внешней арене. Отражением этого процесса является более широкое представительство внешнеполитических проблем в предвыборных заявлениях, платформе и базовых программных документах СДПГ.

Немецкий закон о партиях, принятый в 1967 г., позволяет партии действовать во внешнеполитическом направлении в законодательных органах на уровне федерации или земли [1]. В последнее десятилетие XX в. СДПГ удачно использовала свои конституционные и законные права для трансформации концептуальных установок в области внутренней и внешней политики и для перехода своей деятельности из оппозиции к правящей партии.

В конце 90-х годов в политической борьбе за власть между различными партиями вновь нашла свое выражение, как когда-то в конце 60-х – начале 70-х годов, конфликтная национальная линия (центр – периферия), частью которой является неординарный подход к осуществлению внешней политики: между правыми – это в целом прозападная политика ХДС/ХСС и левыми – это усиленное внимание к восточной политике СДПГ (теперь вместе с Зелеными). Эта конфликтная линия проявилась в критике, протестах, а также в инициативах со стороны оппозиции – СДПГ/Зеленые, электорат которых состоял из относительно хорошо обеспеченных, имеющих высшее образование групп населения среднего и молодого возраста. Они требовали усиления участия в защиту окружающей среды, альтернативных видов энергии, против эксплуатации третьего мира, выступали в поддержку проведения новой восточной политики, что означало включение бывших государств социалистического блока в единое европейское экономическое и политическое пространство.

Предвыборные заявления лидеров СДПГ О.Лафонте и Г.Шрёдера в 1998 г. по вопросам внешней политики отличались обещани-

Традиционные теории международных отношений (от реализма до неоллиберализма) применимы при рассмотрении отношений на межгосударственном уровне.

Трансправительственные отношения стали предметом активного исследования в 1970 г., когда ученые поставили под сомнение эксклюзивную роль государства на международной арене. Р.Патнам предложил рассмотреть двухуровневую модель взаимоотношений, где помимо государства большую роль играют и социальные группы, влияющие на формирование внешней политики. Во многих случаях, признавая первостепенную роль государства на международной арене, авторы указывали, что различные государственные структуры (агентства, центральные банки, отдельные официальные лица, представители бюрократии) также могут устанавливать прямые связи со своими партнерами в других странах. Транснациональные отношения стали рассматриваться как важнейшая часть международных отношений лишь в 1990-е гг. с признанием роли неправительственных акторов на международной арене и значимости такого понятия, как «глобальное гражданское общество».

Предлагаемый комплексный подход к исследованию партнерства США и ЕС, охватывающий различные сферы сотрудничества на различных уровнях, позволит ответить на следующие вопросы и тем самым объективно показать роль и место трансатлантического партнерства в современных международных отношениях:

Что предполагает новый уровень трансатлантического партнерства? Можно ли считать Новую Трансатлантическую Повестку Дня и другие документы 1990-х гг. действи-

тельно новыми инициативами по укреплению отношений США и ЕС?

Что стало первостепенной причиной углубления и расширения сотрудничества между США и ЕС: распад блоковой системы, рост экономической взаимозависимости, значительный прогресс, достигнутый Евросоюзом или же комбинация этих и других факторов?

Причины, по которым Соединенные Штаты предпочитают отношения с Европейским Союзом, двусторонний атлантический форум трехсторонним, включающим Японию, или многосторонним в рамках ВТО?

Второй блок вопросов связан с теорией трансатлантических отношений и исходит из концепций, упомянутых выше.

Является ли государство (правительство США и государства – члены ЕС) главным субъектом трансатлантических отношений согласно теории реализма? Занимает ли Европейская Комиссия центральное место в атлантическом партнерстве наравне с национальными государствами? Какова роль внутренних факторов, влияющих на трансатлантическое партнерство?

Происходит ли развитие партнерства на многоуровневой основе между США и ЕС? Способствуют ли транснациональные связи созданию эффективного партнерства? Какова ответственность транснациональных акторов перед национальными законодательными органами и электоратом своей страны?

Какова роль транснациональных участников (наемные работники, потребители, общественные организации, НПО) в атлантическом партнерстве? Формируется ли трансатлантическое гражданское общество, имеющее общие ценности и цели?

Литература

1. Neutralism and its critics. – New York: Columbia Univ. Press, 1986.
2. Morgenthau H. Politics among nations. – New York. – 1948.
3. Waltz R.N. Theory of international politics. – Reading, Vass: Addison-Wesley. – P. 90.
4. P. 340.
5. P. 81.
6. Crakhammer Ch. International regimes. – New York. – 1983. – P. 36.
7. Nau, 1979.
8. Heckscher E. Merkantilism. – London: Allen and Unwin., 1955.
9. Glipin. R. The Political Economy of International Relations. – Princeton University press.
10. Rosenau J.N. Linckage Politics: Essays on the goverence of National and International Systems. – New York. Free Press.
11. Rosenou J.N. Turbulence in the World Politics: a theory of change and continuity. – Princeton University press. – 1990. – P. 6.
12. Koehan, 1989. – P. 412.
13. Koehan and Nay. – 1977. – P. 9.
14. Krasner S. International regimes. – 1983. – P. 2.

ями «навести порядок у себя дома» в Европе и были привлекательны и убедительны для электората. В действительности они означали, что новые германские политики осознают необходимость усилить позицию Германии в Европейском Союзе, ее роль в политической стабилизации и в области безопасности на континенте, в расширении Евросоюза на Восток и необходимость дальнейшего социального-экономического развития.

Действительно, после победы социал-демократов на выборах 1998, а потом 2002 гг. одним из основных направлений внешней политики Германии останется европейский вектор во всем его разнообразии. Об этом свидетельствует основополагающий государственный документ правительства СДПГ-Союз90/Зеленые под названием «Коалиционный договор» [2]. Следуя принципу «последовательности и преемственности» во внешнеполитическом курсе, канцлер Г.Шрёдер и его министр иностранных дел Й.Фишер продолжают активно осуществлять политику Германии в общеевропейском интеграционном процессе и непосредственно в ЕС [3].

В предшествующий период правления партийной коалиции ХДС/ХСС и СвДП (90-е годы) Германия при непосредственном участии канцлера Г.Коля явилась инициатором ускорения европейской интеграции. Процесс формирования единого экономического и политического пространства Европы был отмечен тогда значительными успехами, к которым в первую очередь относятся программа принятия единой европейской валюты «евро», принятие программы реформирования аграрной и структурной политики Евросоюза и выработка рамочных условий формирования его единой финансовой системы.

Явно прозападный упор в политике ХДС/ХСС – тесные взаимоотношения Германии со странами Западной Европы на двусторонней основе и в рамках Европейского Союза, а также с США – стал отставать от требований времени к концу 90-х годов. Европейская политика Германии в рамках Евросоюза давала сбои и оказалась неполноценной без учета изменений, которые произошли в политических системах и в экономической области восточноевропейских государств. Тогда и возникла необходимость нового отношения и наполнения понятия «Европа», «Европейское Сообщество», а оппозиция в лице СДПГ и партии Зеленых обратилась лицом к странам Восточной Европы и вопросу будущего расширения ЕС. Среди политической оппозиции

элиты стали появляться требования о необходимости пересмотра отношения Германии к своим восточноевропейским соседям и проведения так называемой «новой восточной политики».

Таким образом, восточноевропейская составляющая внешней политики ФРГ в ЕС вновь становится основным разделом в концепции социал-демократов. Нужно заметить, что еще в начале 1997 г. социал-демократы не совсем ясно представляли себе ее целостное содержание. Об этом свидетельствует, например, диалог, состоявшийся 22 апреля 1997 г. между Эгоном Баром, одним из авторов концепции «восточной политики» 1963 г. и бывшим шеф-редактором журнала «Шпигель» Гюнтером Гауссом в местном союзе СДПГ в Кёнигсвинтере под Бонном. Предметом их обсуждения был вопрос о роли Германии в возможном расширении ЕС и НАТО на Восток и останется ли «процесс, начатый с перемен и ведущий через сближение к расширению на Восток, без поддержки» в Европе? Этот диалог имел характерное для того периода внутрипартийных обсуждений название «История пошла иначе» [4].

Г.Гаус напрямую задал Э.Бару вопрос о причине отсутствия у СДПГ внешнеполитической концепции. Э.Бар подчеркнул, что Комиссия СДПГ по вопросам внешней политики, которая занимается разработкой внешнеполитической концепции партии, возобновила свою деятельность лишь в конце 1996 г. Разрабатываемая концепция будет основой внешнеполитического курса страны в случае их прихода к власти.

С целью полного обеспечения и укрепления европейской политики немецкие социал-демократы определили три основных направления, каждое из которых важно само по себе.

Итак, первое направление – это постепенное вовлечение страны в процесс стабилизации ситуации в Югославии и в Западно-Балканском регионе в целом, которое будет осуществляться посредством активного участия в помощи странам региона в рамках «Пакта стабильности».

Второе – последовательная поддержка стремления стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы стать членами ЕС. При этом к числу таких стран может быть причислена Турция, наиболее активным сторонником подключения которой к процессу европейской интеграции выступает Германия, заинтересованная в сохранении тесных

экономических и политических отношений с Анкарой.

Третье – укрепление финансовой стабильности Европейского Союза путем дальнейшей поддержки курса «евро» за счет государственных валютных резервов Германии. Такая политика может не очень позитивно сказаться на экономической ситуации внутри страны, но, тем не менее, позволит сохранить привлекательность европейской валюты на внешних рынках [5].

Осуществление социал-демократами на практике указанных задач будет осложнено вследствие того, что указанные направления так или иначе включены в орбиту институционализации общеевропейской внешней политики, политики безопасности и даже обороны. СДПГ, придя к власти в 1998 г., начала свою деятельность с решения проблем в единой Европе, но вскоре подключилась к коллективным действиям в мировой политике.

Социал-демократическая партия Германии – старейшая политическая партия, ведущая свое начало от Всегерманского Рабочего Союза, получила мощный импульс к духовному возрождению и организационному оживлению после падения национал-социалистического режима. Центральной идеей ее внешней политики традиционно считается идея «общего дома для всех европейцев».

Соединенные Штаты Европы, создания которых требовала еще Гейдельбергская программа СДПГ 1925 г., остается и по сей день программной целью и руководством к практическим действиям во внешней политике социал-демократического руководства страны. В конце 60-х годов лидер партии Вилли Брандт, будучи главой германского МИД и, соответственно, вице-канцлером, включил в сферу своей внешнеполитической деятельности европейские страны Восточного блока. Он считал, что Европа без ее восточной части остается неполноценным политическим образованием.

Одним из самых значительных документов, где представлено европейское направление под лозунгом «Европейского Единства», является так называемый Ирзейский проект 1986 г., который явился переходной ступенью между Годесбергской (1959 г.) и Основной программами СДПГ (1998 г.). В Ирзейском проекте выражалась надежда на скорейшее сближение и взаимопонимание между различными по своему национальному составу государствами Западной Европы в рамках единого политического пространства: «Евро-

пейское сообщество, приступившее к объединению западной части нашего континента, дает всем европейцам надежду на то, что напряженность и враждебность между национальными государствами могут быть преодолены путем совместных действий на благо всех наших народов» [6].

Коалиционное правительство Герхарда Шрёдера выбрало в качестве приоритетных целей своей европейской политики включение восточноевропейских стран в состав Европейского Союза. Однако в первые полгода нахождения у власти коалиционного правительства социал-демократов и «зеленых» эта проблема оказалась отнесенной на второй план военной акцией НАТО против Югославии, в которой принимала участие ФРГ вместе с другими странами НАТО. В последующие после завершения операции месяцы немецкое руководство выступило одним из инициаторов принятия стратегически важного для процесса расширения ЕС решения на встрече Европейского Совета в Хельсинки в декабре 1999 г. о начале переговоров по вступлению в ЕС Румынии, Чешской Республики, Латвии, Болгарии и Мальты, а также Турции [7]. Это решение нашло подтверждение на следующей межправительственной конференции в феврале 2000 г.

Согласно данному решению, для стран «первой группы» (Польша, Чехия, Венгрия, Эстония, Словения и Кипр) началом процесса их непосредственного вступления в ЕС был определен конец 2002 г. Весной 2000 г. были начаты переговоры о вступлении в Европейский Союз шести стран так называемой «второй группы», в которую входят Болгария, Латвия, Литва, Мальта, Румыния и Словакия. Тем самым расширению Европейского Союза были заданы конкретные временные рамки, обеспечить соблюдение которых обязывались все государства – члены ЕС. Примечательно также, что на встрече в Хельсинки германское правительство продемонстрировало стремление в определенной степени смягчить условия, выполнение которых являлось необходимым для стран-кандидатов. В первую очередь это касалось Турции, которая подала заявку на вступление в Европейский Союз еще в 1987 г.

В июне 1999 г. госсекретарь министерства иностранных дел Германии и ведущий эксперт по международным вопросам СДПГ Г.Ферхойген заявил о том, что «экспорт» политической и экономической стабильности в соседние страны Восточной Европы являет-

ся для немецкой внешней политики важнейшим приоритетом [8]. В современном контексте «новый стабильный порядок», как его представляют социал-демократы и зеленые в совместном Коалиционном договоре, требуется для расширяющегося на Восток Европейского Союза [9]. Экономическая, политическая и социальная стабильность ЕС, как ее понимает германская сторона, будет обеспечена стабильным порядком его восточных соседей. Отсюда по отношению к ним та активность, которая наблюдается в последнее время со стороны немецких правительственных программ и инициатив в рамках Европейского Союза. В особенности такое внимание отмечено к расширению сотрудничества с Польшей.

С наступлением маастрихтской эпохи социал-демократы Германии выдвинули новые идеи и воззвания, обращенные к народам Европы. Так, накануне выборов в Европейский парламент, которые состоялись 13 июня 1999 г., социал-демократы в своей предвыборной программе заявляют об особой исторической ответственности немцев за единство Европы, народы которой многократно подвергались германской агрессии. Эта ответственность заключается, по их мнению, в строительстве демократической Европы, то есть в превращении ЕС в сообщество народов, разделяющих основные демократические принципы, которых недостает развивающемуся Европейскому Союзу. Среди таких важнейших принципов демократии СДПГ называет реально действующий парламентаризм, соблюдение прав человека и социальную справедливость [10]. Причем достижение этой цели возможно лишь в условиях экономической стабильности в целом в Евросоюзе. Для этого немецкие социал-демократы предложили предпринять ряд первоочередных шагов, среди которых называлась борьба с безработицей, достигшая в отдельных европейских странах к концу 90-х годов 15-ти процентов.

Итак, социальная составляющая, которая традиционно присуща всей деятельности социал-демократии, имеет свое воплощение в практике СДПГ. Именно эта партия стремится построить «Европу граждан», социальные права которых будут неоспоримы. Самым существенным элементом в политике преодоления массовой безработицы считается обеспечение экономической эффективности Европы путем достижения технологической и экологической модернизации экономики [11]. Смягчению в будущем этой проблемы, по

мнению лидеров СДПГ, будет способствовать создание специального «Европейского Пакта занятости», который был принят по решению Европейского Совета в июне 1999 г. в Кельне [12]. Германия, имеющая большой опыт по построению социальной рыночной экономики, настаивала на внедрении ее опыта в ЕС. Немалую лепту в разработку и принятие данного Пакта внесло красно-зеленое правительство Герхарда Шрёдера.

В проведении таким способом социальной политики германские социал-демократы видят залог стабильности политического строя и процветания той части общества, которую представляют средние слои. Здесь уместно вспомнить, что уже сразу после войны на конференции в Венигзене под Ганновером (октябрь 1945 г.) социал-демократы Германии ключевым вопросом поставили требование добиваться «стабильности нового порядка, ориентируясь на демократически настроенные средние слои» [13]. Средние слои, являющиеся опорой любого демократического общества, были вовлечены в строительство социально ориентированной рыночной экономики Германии в 50-е годы. Именно они стали основой социал-демократической партии Германии, которая, согласно Берлинской программе 1954 г., перестала быть партией только рабочего класса. Она превратилась в народную партию и в дальнейшем выступает в качестве «левой народной партии» для различных социальных слоев общества [14].

Со временем ценностные ориентиры партии менялись, а социальная справедливость дополнилась элементами экологической ответственности в рамках рыночной экономики, поддержкой миролюбивых программ и стран третьего мира. Причем задача экологической перестройки рыночной экономики стала лейтмотивом большинства инициатив СДПГ как внутри страны, так и за ее пределами и в настоящее время распространяется на страны – участницы Европейского Союза и на его ассоциированных членов [15]. Например, правительственная программа «Прогресс-90», разработанная СДПГ перед парламентскими выборами в 1994 г., требовала модернизации народного хозяйства всей страны, включая его «экологизацию». А в основу экономической политики положено создание новых рабочих мест с целью снижения уровня безработицы.

Данная программа нашла свое продолжение в Коалиционном соглашении, которое было заключено в Бонне между СДПГ и Со-

юзом-90/Зелеными 20 октября 1998 г. и которое описывает вышеназванные задачи в качестве лейтмотива для проведения правительственной политики [16]. В Соглашении говорится о том, что условия для действия национальной политики в последние годы значительно изменились и в будущем будут меняться в связи с возрастающей интеграцией мировой экономики, интернационализацией финансового рынка, в связи с быстрыми темпами объединения Европы и глобальными вызовами. Коалиционное соглашение, таким образом, обозначило широкое поле деятельности для политики нового германского правительства, направленную на экономическую стабильность, социальную справедливость, экологическую модернизацию, на усиление гражданских прав, равноправие женщин, а также внутри- и внешнеполитическую безопасность [17].

Правительство Г.Шрёдера подтвердило приверженность своим обязательствам накануне выборов в Европарламент 13 июня 1999 г. В ходе избирательной кампании социал-демократы и «зеленые» неоднократно подчеркивали необходимость принятия Хартии европейского гражданского права, которая впоследствии должна составить основу будущей конституции ЕС. Помимо этого, принятие данного правового акта, по мнению партий правящей коалиции ФРГ, будет способствовать формированию так называемой «европейской идентичности», которая позволит окончательно преодолеть национальные противоречия в Европе [18].

Европа для СДПГ является, таким образом, не только внешнеполитическим ориентиром, но и моделью общества, базируемого на идеалах просвещения и гуманизма. Европейская модель социальной демократии содержит связь свободы и солидарности, индивидуума и общества, деятельности и ответственности.

Дальнейшее развитие Маастрихтского процесса СДПГ связывает также с повышением значения процесса общей внешней политики и политики безопасности. Социал-демократическое видение общеевропейской внешней политики находит свое выражение в следующих подходах – самостоятельность Европы на международной арене, консенсус в принятии внешнеполитических решений, обеспеченные коллективной дипломатией.

Внешние действия коалиционного правительства Г.Шрёдера отличаются высокой степенью динамизма и мобильности. Ставя воп-

рос о формировании коллективной дипломатии и обеспечении ею европейской безопасности, германский министр иностранных дел Й.Фишер вместе со своими коллегами из стран Евросоюза не только обсуждает «горячие» проблемы, но довольно часто под его руководством организуются «выезды» в регионы для урегулирования конфликтов на Балканах, на Ближнем Востоке, в Восточном Тиморе, участие в антитеррористической кампании в Афганистане и проявленная независимость в решении иракской проблемы. Благодаря его инициативам в ЕС эта организация становится наряду с другими международными организациями – ООН, НАТО, ОБСЕ – фактически действующей силой, с которой вынуждены считаться традиционные игроки. Важно, что в данном направлении европейской политики произошло более тесное сближение позиций и совместных действий Германии и Франции, а до иракского кризиса наметилось позитивное сближение с Великобританией.

В последние годы министр Й.Фишер исходил из настоятельной необходимости отстаивать на международной арене позицию, направленную на расширение общей политики безопасности Евросоюза путем включения сюда непривычного для Германии такого важного компонента, как единая оборонная политика.

Именно в формировании общей политики безопасности и обороны германские национальные интересы, как считают социал-демократы, должны объединиться с европейскими интересами. Понятие единой Европы должно стать понятием единой Германии. Маастрихтский договор явился началом нового понимания безопасности в Европе. Европа должна мыслить самостоятельно и независимо [19].

СДПГ и ее лидер Г.Шрёдер пытаются следовать заданным еще в Маастрихте целям ОВПБ, которые заключаются:

- в защите общих ценностей, основных интересов и независимости ЕС;
- в укреплении безопасности Союза и его государств-членов;
- в сохранении мира и укреплении международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и Парижской хартии 1990 г.;
- в содействии международному сотрудничеству; в развитии и укреплении демокра-

тии, обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод.

В качестве перспективных направлений совместных действий в рамках ЕС Германия не отрицает роль ОБСЕ в процессе разоружения и контроля над вооружениями в Европе, в контроле за нераспространением ядерного оружия, над передачей технологий вооружений третьим странам и над экспортом оружия [20]. В этом отношении Хартия европейской безопасности, принятая на Стамбульском саммите в 1999 г., стала шагом к таким совместным действиям.

Одновременно на повестке дня в период председательства Германии в ЕС стоял вопрос о взаимоотношениях между ЕС и его военным компонентом – Западноевропейским Союзом. Неоднозначная позиция среди ведущих стран – членов ЕС вносила определенную напряженность при проведении консультаций и на саммите в Кельне в июне 1999 г. Поскольку Маастрихтский договор сделал ЗЕС неотъемлемой (интегральной) частью развития ЕС, одним из ключевых вопросов стало уточнение места ЗЕС как силовой европейской опоры НАТО и самостоятельного оборонного компонента Европейского Союза. Канцлер Шрёдер настаивал на усилении роли ЗЕС в качестве европейского оборонного компонента, его позиция была поддержана президентом Франции Ж.Шираком.

Еще на межправительственной конференции ЕС (1996/1997 гг.) Германия вместе с Францией, Италией, Бельгией и Люксембургом представила проект «О постепенной интеграции ЗЕС в ЕС». Он предполагал поэтапное, в течение десяти лет, полномасштабное слияние этих организаций. Проект был отклонен, прежде всего, из-за противодействия со стороны Великобритании. По мнению британского премьера Тони Блэра, подобная идея ослабила бы европейскую безопасность, подорвав оборонный союз Европы и США в рамках НАТО.

На саммите в Амстердаме было принято решение о сохранении автономии ЗЕС, но при сохранении перспективы интеграции Западноевропейского Союза в Европейский Союз. При этом в специальном протоколе оговаривалось, что в течение года после вступления его в силу (2 октября 1997 г.) ЕС и ЗЕС предпримут меры по укреплению взаимного сотрудничества.

Косовский кризис 1998–1999 гг., приведший к военной акции НАТО против Югославии, в полной мере продемонстрировал не-

способность европейских институтов эффективно участвовать в процессе урегулирования региональных конфликтов. Это обстоятельство обусловило стремление лидеров Европейского Союза преодолеть во многом декларативный характер совместной внешней и оборонной политики и усилить сотрудничество государств – членов ЕС в этом направлении. На встрече Европейского Совета в Кельне в июне 1999 г. было найдено понимание и поддержка франко-германских инициатив со стороны Т.Блэра и лидеры стран – членов ЕС заявили о необходимости передать необходимые военно-политические функции ЗЕС Европейскому Союзу, что фактически означало включение Западноевропейского Союза в структуру ЕС [21]. Соответствующее правовое решение было подготовлено в конце 2000 г., позволившее ему формировать собственное «военное измерение». Тем самым была решена одна из запланированных первоочередных задач – обеспечена гармонизация председательства в ЕС и ЗЕС, которое, начиная с 1999 г., совмещает одно государство ЕС – в первом полугодии – Германия. Тандем (ОВПБ)/ЗЕС стал более спаянным.

«НАТО с Америкой, ЗЕС с Европой» – этот лозунг в новых условиях звучит по-новому. Мы не должны рассматривать Европу отдельно от западной цивилизации, но Европа должна решать свои проблемы самостоятельно и более решительно, – такова позиция СДПГ. Эта позиция в полной мере проявилась в ходе попытки решения иракской проблемы мирным дипломатическим путем в конце 2002 – начале 2003 гг., на основе соответствующего решения Генеральной Ассамблеи ООН и в соответствии с нормами международного права.

Однако вследствие неодинакового подхода к проблеме Ирака со стороны, прежде всего трех основных действующих лиц Евросоюза, ответственных за принятие решений в области безопасности, а именно Франции, Германии и Великобритании, наметилась негативная тенденция дистанцирования от коллективной дипломатии ЕС и от принятия совместных решений.

Итак, общая позиция по вопросу становления единой системы европейской безопасности и обороны находится в процессе становления. На практике это означает, что страны – члены ЕС могут апробировать свои варианты в политической практике Союза. Один из таких вариантов заключается в предложении нейтральных государств – Финляндии и

Швеции и соответствует оборонительным целям этой группы стран: НАТО должен оставаться гарантом для стран ЕС на случай реальной угрозы их безопасности.

Вариант обороны Великобритании содержит опасения, что слишком быстрое усиление ЗЕС с автономным статусом или в качестве «оборонной составляющей ЕС» может обернуться подрывом «атлантической солидарности» и ослаблением роли НАТО. ЗЕС продолжительное время мог бы использовать многонациональные тактические силы НАТО, в силу чего отпадет необходимость в создании собственных вооруженных сил.

Позиция Германии совпадает с позицией Франции и носит компромиссный характер, соединяя в себе финско-шведские подходы. Она предполагает, что блок НАТО также может и должен быть использован для выполнения задач гуманитарного плана. Этот вариант предусматривает растворение в конеч-

Литература

1. Gesetz über die politischen Parteien (Parteiengesetz) vom 24. Juli 1967 in der Neufassung vom 31. Januar 1994 // Olzog G., Liese H.-J. Die politischen Parteien in Deutschland: Geschichte, Programmatik, Organisation, Personen, Finanzierung. – München und Landsberg am Lech: Olzog, 1995. – S. 264–283.
2. Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die GRÜNEN. Aufbruch und Erneuerung – Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert. – Bonn, 20. – Oktober. – 1998.
3. Выступление Шрёдера по поводу 50-летия Основного закона на открытии Германского общества внешней политики 2 сентября 1999 г. в Берлине // Quelle: Aktuelle Homepage des BPA/Verantwortung für Frieden und Freiheit 3.0 Eine Textsammlung zur Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland von 1949–2000. CD-Rom für PC und MAC. Presse – und Informationsamt der Bundesregierung.
4. Egon Bahr und Günter Gaus im Gespräch. Die Geschichte ist anders gegangen / Blätter für deutsche und internationale Politik. – 1997. – №6. – S. 696–703.
5. Europa nach SPD // Die Zeit. – 2000. – №76. – S. 5.
6. Программные документы социал-демократии: проект новой программы СДПГ. – М., 1988. – С. 35.
7. Millennium Declaration. The Helsinki European Council on 10 and 11 December // Bulletin EU. – 1999. – №12; Council. 1027 // General Report on the activities of the EU. – 1999. – Brussels-Luxembourg, 2000. – P. 403.
8. Jopp M., Schmalz U. Deutsche Europapolitik 2000. Positionen, Prioritäten, Perspektiven // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2000. – №6. – S. 12.
9. Koalitionsvereinbarung ... – S. 54–55.
10. Europapolitik der Bundesrepublik // Woyke Wichard. Wahlen zum Europäischen Parlament. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. – 1999. – S.10.
11. Sonderthema. Internationales Bonn. – 1994. – №740. – S. 54.
12. The European Employment Pact. European Council meeting in Cologne // Bulletin EU. – 1999. – №6, Points I.5, I.40 to I.49 and I.2.4.
13. Grebing H. Geschichte der deutschen Parteien. – Wiesbaden, 1962. – S. 161.
14. Lösche P., Walter F. Die SPD. Klassenpartei – Volkspartei – Quotenpartei. Zur Entwicklung der Sozialdemokratie von Weimar bis zur deutschen Wiedervereinigung. – Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1992. – S. 53.
15. Eppler E. Das linke Leiden an der Wirklichkeit // Die Zeit. – №21. – 15. – Mai. – 1991. – S. 5.
16. Koalitionsvereinbarung ... – S. 53–54.
17. Ibid.
18. См.: Байкюфнер Й. Политическая организация Европы и позиция Германии // Соединенные Штаты Европы: путь к политическому союзу. – Алматы, 2000. – С. 8–10; Губайдуллина М.Ш. О планах создания федеративной Европы, или возвращаясь к идее Соединенных Штатов Европы // Там же. – С. 11–17.
19. Europa nach SPD // Die Zeit. – 2000. – №76. – S. 5.
20. Европейская интеграция. – М., 1996. – С. 78–82.
21. European Council meeting in Cologne // Bulletin EU. – 1999. – №6. – Points I.22, I.58 to I.63.

ИНТЕРПОЛ – МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, СТРУКТУРА И ПОЛНОМОЧИЯ

Токсанбаев А.Б.

В сотрудничестве государств в области уголовной полиции заметное место занимает такая известная международная организация, как Интерпол. Свое участие в таком сотрудничестве Интерпол проявляет в специфических формах и реализует доступными только ему средствами, которых нет у других международных организаций. Поэтому, на наш взгляд, есть настоятельная необходимость взглянуть на роль Интерпола в сотрудничестве государств – участников в борьбе с международной преступностью.

Интерпол как международная организация полицейских служб действует на основании Устава, в котором определены основные принципы, цели и задачи, структура и компетенции органов управления, условия членства и правовое положение государств – членов Интерпола.

В соответствии со статьей 2 Устава международной организации уголовной полиции – Интерпол основными целями создания такой организации являются:

- обеспечение и развитие как можно более широкого взаимодействия всех органов уголовной полиции в рамках действующего национального законодательства со странами – участниками Интерпола в духе Всеобщей декларации прав человека;

- создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению и пресечению уголовной преступности [1].

Эти цели определяют сферы взаимосвязи и взаимообусловленности Интерпола в борьбе с уголовной преступностью со странами-участниками. Условно их можно назвать внешними и внутренними функциями Интерпола. *Внешняя функция* способствует прямым контактам международной уголовной полиции со странами-участниками на взаимовыгодной основе, тогда как

внутренняя функция предполагает решение организационно-структурных и материально-технических и иных вопросов по созданию в Штаб-квартире Интерпола различных подразделений и технических служб.

Эффективное решение всех этих вопросов, а также рациональное использование имеющихся в их распоряжении сил и средств, на наш взгляд, должны оправдать предназначение Интерпола. Все это даст возможность Интерполу выступать на международной арене в качестве «международного центра по борьбе с преступностью», а также действовать как «техничко-юридический и информационный центр» в лице его Генерального секретариата [2].

Вместе с тем следует признать, что взаимодействие полицейских сообществ разных стран в системе Интерпола в борьбе с уголовной преступностью может развиваться лишь при неукоснительном соблюдении странами-участниками общих принципов международного права, в первую очередь принципа сотрудничества, суверенного равенства государств, невмешательства в их внутренние дела и уважения прав человека. Кроме того, *главным принципом, объединяющим все страны мирового сообщества в борьбе с уголовной преступностью, является обеспечение неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние.*

Все это говорит о том, что взаимодействие полиции разных стран в системе Интерпола согласуется с основными принципами международного права и полицейского сотрудничества, и самое главное с принципом неучастия в политической деятельности стран-участниц. Принцип демократии здесь проявляется в том, что все страны-участницы, входящие в эту международную организацию – Интерпол, обладают равными

правами при принятии решения, независимо от размера их финансовых взносов.

Практика сотрудничества стран – участников Интерпола показывает, что в его завоевании международного авторитета существенную роль сыграл принцип кооперации (сотрудничества) полиции. Этот так называемый функциональный принцип сотрудничества предполагает, что:

- *в сотрудничестве могут принимать участие не только полиция, но и все правоохранительные органы, в функции которых входят предупреждение, раскрытие, расследование преступлений, розыск преступников и без вести пропавших лиц.* По мнению Жан Непота (в прошлом Генеральный секретарь Интерпола), «все полицейские органы любой страны, независимо от их конкретных обязанностей и юрисдикции, должны иметь доступ к каналам международного сотрудничества, если в их обязанность входит применение норм уголовного права. Привилегия участия в борьбе с международной преступностью не должна ограничиваться одним или двумя специальными подразделениями» [3];

- *сотрудничество на национальном уровне должно опираться на прочную организационную основу: в каждой стране должна быть создана особая служба – Национальное Центральное Бюро (НЦБ), обеспечивающее ускоренное прохождение всей оперативной информации, а также механизм и процедуру сотрудничества не только полицейскими службами, но и всеми другими заинтересованными правоохранительными органами (суд, прокуратура, финансовая полиция и т.д.);*

- *в каждой стране должны быть четко определены место НЦБ нормативными правовыми актами в общегосударственном механизме международного сотрудничества в борьбе с преступностью, объем и границы компетенции во взаимоотношениях с другими правоохранительными органами;*

- *сотрудничество должно быть проникнуто духом взаимности, обязательности выполнения поступающих от Генерального секретариата или НЦБ государств – участников Интерпола;*

- *сотрудничество полиции в Интерполе может осуществляться только по делам об уголовных преступлениях, исключая преступления политического, рели-*

гиозного, военного или расового характера (ст. 3 Устава организации) [4].

В связи с этим возникают вопросы следующего характера:

1) что понимается под термином «уголовной преступности»? Здесь речь идет об «общуголовной преступности» или «международной преступности»?

2) если речь идет об «общуголовной преступности», то *может ли Интерпол организовать борьбу с общуголовной преступностью с его крайне ограниченными и весьма специфическими средствами?*

На наш взгляд, все эти вопросы требуют от исследователей изучения и внесения в Устав Интерпола соответствующих изменений и дополнений. Более того, преступность каждой страны – это их внутренняя проблема. К тому же борьбу с общуголовной преступностью каждая страна ведет своими силами и средствами, не допуская при этом участия других государств. Дело в том, что иная постановка вопроса может рассматриваться в отношениях между странами как вмешательство в их внутренние дела и навязывание помощи, независимо от кого она исходит.

По мнению известного ученого в области уголовного права и криминологии профессора И.И.Карпец, «...не являются международными преступлениями либо преступлениями международного характера, а значит, и не подпадают под действие международного уголовного права общуголовные преступления, предусмотренные национальным уголовным законодательством...» [5]. Однако вопросы «международной преступности» И.И.Карпец рассматривает с точки зрения политики.

Следует признать, что «международная преступность» как социальное явление в отличие от внутригосударственной, национальной преступности в мировой правовой науке мало изучено. Поэтому в различных изданиях и в научных публикациях по проблемам преступности термин «международная преступность» используется, безусловно, вольно. Вместе с тем следует констатировать, что анализируемый термин широко вошел как в лексику всех правоохранительных органов, так и специалистов Интерпола. Все они признают условность данного термина, но не сомневаются в существовании такого явления.

Так, Д.Б.Левин рассматривал международные преступления как посягательства на

...интересы всего...человечества...всех государств [6]. М.И.Лазарев относит международные преступления к преступлениям, посягающим на независимость каждого народа [7]. Л.А.Моджоран рассматривает эти преступления как посягательство на само существование государства и нации [8]. А.Н.Трайнин, тщательно проанализировав все составные части столь емкого понятия, как «международная преступность», по существу, объединил названные выше точки зрения в следующую формулу: «преступления против человечества» [9]. Андре Боссар (в прошлом Генеральный секретарь Интерпола) назвал следующие трудности, с которыми неизбежно сталкивается исследователь международной преступности. Это отсутствие:

- определения международной преступности;
- международного кодекса с перечнем ее деяний;
- статистики, которой можно было бы подтвердить факт ее существования [10].

Все сказанное свидетельствует о том, что цели Интерпола, указанные в ст. 2 Устава, в части предупреждений и пресечений уголовной преступности не совпадают с его возможностями. Это, безусловно, дает повод к внесению изменений и дополнений в ст. 2 Устава. Однако, как пишет К.Родионов, «в...ст. 2...было внесено весьма существенное изменение. В новой редакции она выглядит так: *«Целями организации являются обеспечение и развитие полицейского сотрудничества между странами для предупреждения международной преступности... передачи правонарушителей в руки правосудия и защиты людей и собственности»* [11]. Однако автор не дает более подробной информации, дату и место рассмотрения предложения. Хотя изучение статьи 2 Устава международной организации уголовной полиции – Интерпол показывает, что в исследуемую нами норму не было внесено никаких изменений. Тем более, в соответствии со ст. 42 Устава, изменения могут быть внесены по предложению члена Организации либо Исполнительного комитета. К тому же Генеральный секретарь информирует членов Организации о любых предложениях по внесению изменений в Устав не позднее, чем за 3 месяца до их представления на рассмотрение Генеральной Ассамблеи [12].

Цели Интерпола также отражают характерную особенность международного поли-

цейского сотрудничества – его независимость относительно органов власти, ответственных за внешнюю политику. Поэтому государства – члены Интерпола, в своей практической деятельности опираясь на принципы солидарности в борьбе с преступностью и, самое главное, неучастия в политической деятельности, позволяют избегать дипломатических процедур при решении конкретных практических вопросов.

Такого рода международное полицейское сотрудничество, безусловно, способствует сближению государств, созданию благоприятных условий для установления политических, экономических и иных связей. В последнее время в отдельных регионах мира наблюдается рост числа самых тяжелых видов преступлений (например, терроризм). К тому же рост преступности, охватывающий многие страны, оказывает негативное влияние на их социально-экономическое положение. Тем более проблемы такого характера не в силах решить «отдельно взятые» страны. Здесь потребуются, видимо, коллективные усилия мирового сообщества, необходимость совершенствования механизма сотрудничества и взаимодействия на различных межгосударственных уровнях заинтересованных стран в борьбе с международной преступностью.

Сегодня непреложным фактом является то, что все страны стремятся к взаимному сотрудничеству в рамках таких всемирных организаций, как ООН. Однако многие страны проявляют интерес и к сотрудничеству в рамках регионов на основе таких соглашений, как АСЕАН (6 стран), СНГ (12 стран), ЕС (15 стран) и т.д. К тому же в рамках этих организаций происходят более тесные взаимные контакты (сотрудничество) правоохранительных органов, так как сегодняшнее состояние международной преступности практически во всех регионах мира создает основу для интенсивного сотрудничества со всеми заинтересованными странами. Примером такого сотрудничества в рамках Северного союза может послужить очень тесное и эффективное сотрудничество полицейских и таможенных служб Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии и Испании.

Однако взаимодействие полиции разных стран в системе Интерпола как часть сотрудничества государств в борьбе с преступностью может развиваться лишь при неукоснительном соблюдении общих принципов международного права, и в первую очередь

принципа суверенного равенства государств, невмешательства в их внутренние дела и уважения прав человека. Вместе с тем «все полицейские органы любой страны, независимо от их конкретных обязанностей и юрисдикции, должны иметь доступ к каналам международного сотрудничества, если в их обязанность входит применение норм международного права. Привилегия участия в борьбе с международной преступностью не должна ограничиваться одним или двумя специальными подразделениями» [13].

Следует отметить, что сотрудничество в области борьбы с международной преступностью осуществляется только на основе принципов уважения национального суверенитета государств – членов Интерпола, которые, безусловно, не позволяют создать «оперативные подразделения Интерпола» с наднациональными полномочиями по проведению оперативно-следственных мероприятий, невмешательства в политические, военные, религиозные и расовые вопросы. Не менее важными принципами, которых придерживается Интерпол в своей практической деятельности, являются также те, что:

1) взаимному сотрудничеству ни в коем случае не должны препятствовать лингвистические и географические барьеры;

2) все государства – члены Интерпола должны иметь равные права на обслуживание со стороны Организации.

Более того, любые правоохранительные органы могут сотрудничать с аналогичными структурными подразделениями других стран, используя при этом международно-правовые соглашения и национальное законодательство, а также возможности и связи Интерпола. Это говорит о том, что доктрина и практическая деятельность Интерпола основаны на следующих основных принципах:

- 1) солидарность со всеми заинтересованными странами в борьбе с организованной международной преступностью;
- 2) суверенность государства;
- 3) равные права на получение и передачу информации и другой деятельности в рамках Устава государствами – членами Интерпола;
- 4) невмешательство в политическую деятельность страны (как внешнюю, так и внутреннюю);
- 5) уважение прав и свобод человека и гражданина;
- 6) универсальность.

Исходя из этих основополагающих принципов Интерпола, можно констатировать, что ему чужды понятия изгнания, исключения или временного отстранения государств – членов Интерпола. Однако это не говорит о том, что Интерпол не принимает никаких мер в отношении государств-членов. Эти меры предусмотрены общими правилами Организации, и все они исключительно связаны с финансовой недисциплинированностью, то есть с проблемами, не имеющими политического оттенка. Например, наиболее важной мерой, принимаемой Интерполом, является лишение права голоса делегатов государств-должников быть избранными в члены Исполнительного комитета на сессии Генеральной Ассамблеи.

Вместе с тем следует признать, что международный юридический статус Интерпола до сих пор является предметом жарко противоречивых толкований. Более того, в прежних учредительных документах, регламентировавших деятельность Интерпола, в частности в учредительном акте 1923 г. и Временном положении 1946 г., разработчиками этих документов практически не уделялось внимание его внутреннему устройству.

С учетом этих недостатков, разработчики Устава 1956 г. при конструировании структуры Интерпола брали за основу типовую структуру ряда международных организаций. Поэтому по своей структуре эта Организация в целом напоминает специализированные учреждения ООН. Видимо, признание компетентными органами ООН (1971 и 1982 гг.) за Интерполом статуса межправительственной организации имеет под собой серьезную почву. Тогда как полиция Соединенного Королевства в своей деятельности не зависит от Правительства Великобритании и их представители, прибывающие на сессии Генеральной Ассамблеи, не представляют Правительство.

В соответствии со статьей 4 Устава «любая страна может уполномочить любой свой официальный полицейский орган, функции которого соотносятся с деятельностью Организации, выступать в качестве члена Организации». Следовательно, смысловое содержание нормы Устава дает нам основание полагать, что членами Интерпола являются не государства (страны), а полицейские органы.

Более того, в структуре Интерпола предусмотрен такой орган, который не имеет

аналогов в организационно-структурных построениях других международных организаций. Здесь речь идет о Национальном Центральном Бюро (НЦБ). Особенность конструкции данного органа состоит в том, что НЦБ как действующее в структурных единицах стран – членов Интерпола одновременно является и структурной единицей Интерпола. Дело в том, что в соответствии со статьей 32 Устава «каждая страна определяет орган, который будет выступать в качестве Национального Центрального Бюро». То есть по смысловому содержанию данной нормы каждое государство при вступлении в Интерпол обязуется создать у себя собственное НЦБ.

Однако в последнее время некоторыми государствами – членами Интерпола ставятся вопросы изменения статьи 5 Устава в целях выведения НЦБ из структуры Интерпола. Данный вопрос, в частности, был предметом широкого обсуждения на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, проходившей в 1991 г. в Пунта-дель-Эсте (Уругвай). Однако вынесение окончательного решения по обсуждаемому вопросу было перенесено на последующие сессии.

Так, в соответствии со статьей 5 Устава структуру Международной организации уголовной полиции – Интерпол составляют:

- Генеральная Ассамблея;
- Исполнительный комитет;
- Генеральный секретариат;
- Национальные Центральные Бюро (НЦБ);
- Советники.

Генеральная Ассамблея является высшим руководящим органом Интерпола, состоящая из делегатов, представленных государствами – членами Организации, как правило, одним или несколькими делегатами. Руководитель делегации для участия на сессии Генеральной Ассамблеи назначается должностными лицами государств-участников. На ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи рассматривается и утверждается программа деятельности Интерпола на предстоящий год. В процессе сессий могут быть образованы специальные комитеты Ассамблеи в целях оперативного рассмотрения конкретных вопросов, возникших в ходе его обсуждения. Специальный комитет *ad hoc* состоит из 5 членов, двое из которых назначаются Исполнительным комитетом во время сессии до начала очередной сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, а ос-

тальные три члена избираются Генеральной Ассамблеей.

Например, специальный комитет *ad hoc* отвечает за рассмотрение доклада, уплаты членских взносов по новой системе, внесение изменений в Финансовые Правила и т.д.

В период между двумя сессиями Генеральной Ассамблеи может принять решение о проведении региональных конференций, а также месте проведения очередной сессии.

Исполнительный комитет – административный орган с более ограниченными полномочиями и малым числом должностных лиц (Президент, три вице-президента, девять представителей от стран – членов Интерпола). Важной особенностью этой Организации является то, что Президент избирается сроком на 4 года, а три вице-президента – на 3 года на сессии Генеральной Ассамблеи из числа делегатов стран – членов Интерпола. Тем более Президент и вице-президенты должны представлять различные континенты. По истечении срока своих полномочий они могут быть переизбраны на те же должности или избраны делегатами в Исполнительный комитет. Более того, особенностью организационно-структурного построения данного органа является и то, что тринадцать членов Исполнительного комитета формируются с учетом географического положения стран – членов Интерпола, где, как правило, должны быть представлены все основные регионы мира. Заседания исполкома проводятся один раз в год по зову Президента Организации.

В качестве постоянного административно-исполнительного органа Интерпола выступает Генеральный секретариат, который занимается реализацией решений, резолюций и рекомендаций, принятых Генеральной Ассамблеей и Исполнительным комитетом. Кроме того, Генеральный секретариат координирует деятельность по борьбе с международной преступностью, осуществляет сбор и анализ информации об общеуголовных преступлениях и преступниках, проводит повседневную работу по связи с НЦБ государств – членов Интерпола и другими международными учреждениями.

Генеральный секретариат возглавляет Генеральный секретарь, избираемый Генеральной Ассамблеей на 5-летний срок. По всем административным и финансовым вопросам он подотчетен Генеральной Ассамблее и Исполнительному комитету. Персонал Генерального секретариата на сегод-

няшний день состоит из 268 служащих, имеющих международный статус.

Структура Генерального секретариата состоит из:

- исполнительного отдела;
- четырех управлений.

Исполнительный отдел непосредственно обеспечивает административно-техническую работу Генерального секретариата. В этот отдел, кроме того, входят секретариат и подразделение по связи с общественностью. Подготовка бюджета Интерпола и осуществление контроля за его исполнением возложены на финансово-ревизионное подразделение. Следует отметить, что Исполнительный отдел, финансово-ревизионное подразделение и Европейский секретариат находятся в непосредственном подчинении Генерального секретаря Интерпола.

В ведение первого управления входят такие общие административные вопросы, как: подготовка сессий Генеральной Ассамблеи, совещаний, симпозиумов и различных курсов, организуемых по линии Интерпола, а также подготовка отчетов о деятельности Интерпола.

Второе (так называемое полицейское) управление состоит из четырех отделов и Европейского секретариата.

Первый отдел занимается по:

- преступлениям против личности и собственности;
- организованной преступности;
- фондам, образованным из средств, полученных в результате криминальной деятельности;
- терроризму.

Второй отдел обрабатывает все информации, связанные с экономическими и финансовыми преступлениями.

Третий отдел также обрабатывает информации по незаконному обороту наркотиков.

Четвертый отдел практически осуществляет непосредственный контакт с НЦБ: подготавливает информации для НЦБ. В частности, отделение международных розыскных карт составляет, издает и рассылает такие карты; отделение отпечатков пальцев и идентификации обрабатывает полученные отпечатки пальцев и фотографии, заносит их в банк данных; отделение автоматизированного поиска информации и архивов с согласия НЦБ, направившего информацию, вводит ее в базу данных. Современное оборудование, установленное в отделении, позво-

ляет различным НЦБ в автоматическом режиме с помощью системы X-25 обращаться за информацией непосредственно в базу данных Генерального секретариата. Отделение оперативного реагирования и обработки информации обеспечивает регистрацию и обработку полицейской информации, оперативно отвечает на запросы НЦБ в соответствии с принципами международного полицейского сотрудничества и защиты данных от несанкционированного доступа.

Третье управление проводит работу по:

- изучению, анализу и рассылке справочных материалов по криминологии, предупреждению преступности, уголовному праву;
- сбору и опубликованию статистических данных о международной преступности;
- подготовке соглашений, проектов резолюций, инструкций и правил;
- выпуску журнала;
- подготовке и переподготовке сотрудников Интерпола.

Четвертое управление специализируется на изучении и внедрении телекоммуникационной и компьютерной технологий в деятельности Интерпола. Одной из главных задач данного управления является обеспечение надежной и защищенной передачи информации между НЦБ и Генеральным секретариатом. Телекоммуникационная сеть Интерпола имеет трехзвенную структуру. *Первый уровень* представлен НЦБ. В настоящее время действуют 177 НЦБ и 13 субрегиональных бюро. *Второй уровень* – региональные станции, которые осуществляют сбор и передачу сообщений для своих зон. В настоящее время имеется семь региональных станций:

- 1) Лион (Генеральный секретариат) обслуживает Европу, Средиземноморье, Северную Америку, Ближний Восток;
- 2) Найроби работает на Восточную Африку;
- 3) Абиджан обеспечивает Западную Африку;
- 4) Буэнос-Айрес действует для региона Южной Америки;
- 5) Токио обслуживает регион Азии;
- 6) Пуэрто-Рико курирует регион Карибского бассейна и Центральной Америки;
- 7) Канберра обеспечивает Тихоокеанский регион.

Третий уровень представлен центральной станцией (Лион), которая контролирует

поток информации из разных зон, направляя информацию конкретным НЦБ через региональные станции. Одновременно данная станция служит в качестве региональной для Европы, Средиземноморья, Северной Америки, Ближнего Востока.

Следует отметить, что в целях оперативного получения какой-либо информации в Генеральном секретариате функционирует автоматизированная система поиска информации, которая позволяет всем заинтересованным НЦБ в автоматическом режиме обращаться за необходимой информацией непосредственно в базу данных Интерпола. В ней на сегодняшний день имеется информация о 110 тысячах лиц с соответствующими установочными данными (ФИО, дата рождения, национальность, вымышленные имена и клички, номера паспортов и других документов, удостоверяющих личность).

Кроме того, в банке данных этой системы имеются информация о похищенных предметах искусства и антиквариата, а также данные по выявленным фальшивым банкнотам, поддельным финансовым и другим документам. Указанная система также позволяет передавать фотографии, отпечатки пальцев рук в черно-белом или в цветном изображении.

С внедрением в Генеральном секретариате новых технологий (оборудования X-400) по шифрованию сообщений, а также автоматизированного поиска информации Интерпол получил реальную возможность в своей практической деятельности более активно (наступательно) принимать участие в борьбе с международной преступностью. Однако на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (г. Будапешт, 24–28 сентября 2001 г.) принято решение о внедрении новой эффективной системы современной телевизионной связи Интерпола – «Атлас», которая будет обслуживать потребности не только региона, но и всех ее 179 государств-членов. Технология под названием X-400 сегодня морально и технически устарела, не удовлетворяет увеличивающиеся возможности на современном этапе, к тому же имеет слабую систему защиты. Подключение новой сети ожидается в 4 квартале 2001 г., а финансирование проекта «Атлас» на 2002 г. составляет 2 688 000 евро.

В борьбе с международной преступностью большое значение имеет сбор и обработка уголовно-розыскной и криминалистической информации. Вся поступающая ин-

формация «просеивается», для банка данных отбираются только материалы о международных преступлениях и международных преступниках. В настоящее время Генеральный секретариат обладает компьютерными банками данных по:

- лицам, совершившим общеуголовные преступления;
- преступлениям с классификацией по категориям, месту и способу совершения;
- конфискованным наркотическим веществам (средствам);
- выявленным фальшивым банкнотам;
- похищенным предметам искусства;
- отпечаткам пальцев;
- фотографиям преступников и лиц, без вести пропавших.

Характерно то, что в банке данных по отпечаткам пальцев содержатся дактокарты с отпечатками всех десяти пальцев рук. В основу создания и развития такого рода банка данных положена система классификации Галтона-Генри, позволяющая безошибочно устанавливать личность преступников, трупов и лиц, потерявших память.

Генеральный секретариат обладает не только такими банками данных, но в ней задействованы система электронного архивирования с компьютеризованной индексацией и сервер электронных тестов и изображений, с помощью которого НЦБ имеет возможность прямого доступа к базе данных Генерального секретариата. Обработкой и вводом в банк данных информации криминального характера занимаются сотрудники полицейского управления Генерального секретариата, которые, в случае необходимости и явной заинтересованности со стороны НЦБ, направляют ему результаты проведенного анализа.

Взаимное сотрудничество Генерального секретариата с НЦБ государств – членов Интерпола, как правило, осуществляется эффективно особенно в области борьбы с:

- преступлениями против личности и собственности;
- организованной преступностью и терроризмом;
- незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ, наркотиков, драгоценных металлов и камней;
- торговлей людьми и проституцией;
- преступлениями сексуального характера в отношении несовершеннолетних;
- мошенничеством;

- фальшивомонетничеством;
- преступлениями в сфере экономики и кредитно-финансовой области.

Следует отметить, что все эти информации, имеющиеся в банках данных Генерального секретариата, находятся под постоянным контролем. Так, для контроля за соблюдением правил хранения и использования информации в Генеральном секретариате действует специальная комиссия, состоящая из пяти членов. Данная комиссия была учреждена по решению Генеральной Ассамблеи на 51-й сессии в 1982 г. и подчинена Исполнительному комитету. К тому же комиссия ежегодно готовит отчет о своей деятельности и представляет в Исполнительный комитет.

Сотрудничество в рамках Интерпола не замыкается сферой карательной деятельности международной полиции. В соответствии со ст. 2 Устава Интерпол должен содействовать и успешному предупреждению преступности. Поэтому в его деятельности имеются элементы не только процессуального, но и информационного характера, где проводится широкий обмен мнениями и опытом по предупреждению преступности, а также о практике предупреждения некоторых видов преступлений. Более того, в целях повышения эффективности полицейского сотрудничества и усиления связующей роли Генерального секретариата Интерпол учредил три субрегиональных бюро в Бангкоке, Буэнос-Айресе и Абиджане. Координирующая и связующая роль Генерального секретариата с НЦБ проявляется и в том, что:

- подготавливает и рассылает информацию;
- подготавливает и рассылает розыскные карты похищенной собственности;
- направляет информационные листки с данными о новых и вызывающих особый интерес способах совершения преступлений;
- подготавливает и рассылает различные циркулярные сообщения, брошюры, в которых приводятся факты о конкретных преступлениях и преступниках, еженедельные обзоры о конфискованных наркотиках и арестованных курьерах, о мошенниках, угонщиках самолетов и т.д.

Учитывая важную роль Европы в борьбе с транснациональной преступностью, в 1986 г. был создан Европейский секретариат, который в структурно-организационной форме входит во Второе управление Ген-

ерального секретариата. Однако по своему статусу Европейский секретариат непосредственно подчинен и подотчетен Генеральному секретарю. На это подразделение возложены следующие функции:

- оказание содействия в реализации мероприятий, направленных на развитие полицейского сотрудничества между европейскими странами – участниками Интерпола;
- осуществление связи:

1) между Генеральным секретариатом и Европейским комитетом Интерпола;

2) между Генеральным секретариатом и НЦБ;

3) между заинтересованными правоохранительными органами европейских стран по международным уголовным делам особой важности (например, наркотики, терроризм, отмывание денег и т.д.).

В группу государств, занимающих одно из ведущих мест в международном сотрудничестве с Генеральным секретариатом и с НЦБ стран – членов Интерпола, входит и НЦБ в МВД Республики Казахстан. Об этом свидетельствует объем документов, ежегодно проходящих по каналам двусторонней связи. Так, в течение 2001 г. НЦБ в МВД Республики Казахстан осуществлялось информационное сопровождение процесса раскрытия и расследования 236 уголовных дел и 300 оперативных материалов, а также приняты к обработке, рассмотрению и исполнению 7 836 различного рода запросов, сообщений и поручений (в т.ч. 192 сообщения поступило из Генерального секретариата Интерпола).

Регулярно поддерживая и развивая рабочие контакты с НЦБ стран – членов Интерпола из 80 стран (всего их 179), НЦБ в МВД Республики Казахстан в своей практической деятельности осуществляет тесное взаимодействие с НЦБ таких стран, как Греция, Германия, Турция, Чехия, Польша, Великобритания, Венгрия, США, Швейцария. Среди НЦБ стран СНГ партнерские отношения сложились с Россией, Украиной и Узбекистаном.

Следует отметить, что в соответствии со статьей 11 Регламента международного полицейского сотрудничества и внутреннего контроля учетов Интерпола 1982 г. (с внесенными изменениями на 59-й сессии в 1990 г.), одобренной резолюцией на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, «Национальные Центральные Бюро об-

рабатывают и передают друг другу полицейскую информацию с соблюдением их национального законодательства, международных соглашений, в которых участвуют их государства, и Устава Интерпола. Это сотрудничество между Национальными Центральными Бюро будет объектом особого регламента, подлежащего одобрению Генеральной Ассамблеи».

Итоги работы за 2001 г. показывают, что в течение анализируемого периода в общем информационном обмене НЦБ в МВД Республики Казахстан преобладали материалы, связанные с проверками лиц по криминальным учетам (24,8%), розыском лиц и пропавших без вести (23,3%), розыском похищенных автотранспортных средств (16,7%), преступлениями в сфере экономики (12,7%). Стало еще более очевидно, что в структуре расследуемых транснациональных экономических преступлений устойчиво преоблада-

ют мошенничества, должностные преступления, хищения денежных средств, отмывание денег, уклонение от налогов и нарушения валютного законодательства.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что было бы целесообразным создание в рамках НЦБ в МВД Республики Казахстан единой системы оперативной информации с использованием имеющихся в оперативных аппаратах структурных подразделений криминальной полиции в соответствии с международными техническими стандартами, рекомендованными Генеральным секретариатом Интерпола. Дело в том, что внедрение единой системы криминальной информации по всей территории Казахстана позволяет правоохранительным органам Республики оперативно пользоваться как внутри страны, так и для передачи в Генеральный секретариат Интерпола.

Литература

1. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах // М., 2001. – С. 143.
2. Там же. С. 147
3. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества // Международный исследовательский проект под руководством профессора В.М.Савицкого. – М.: Изд-во «Бек». – С. 226.
4. Там же. С. 143.
5. Карпец И.И. Преступления международного характера // М, 1979. – С. 30.
6. Там же. С. 31.
7. Там же. С. 32.
8. Там же. С. 32.
9. Там же. С. 32.
10. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества... – С. 230.
11. Там же. С. 227.
12. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах... – С. 150.
13. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества... – С. 227.

МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ

Есенбаев А.Е.

Одну из основных ролей при формировании и реализации оборонной политики государств играют внутривластные факторы.

Среди широкого спектра проблем наиболее ярко взаимосвязанность оборонной политики и внутривластных факторов проявляется в механизмах принятия военно-политических решений. Данный механизм представляет собой важный компо-

нент политической системы общества и включает:

- а) совокупность субъектов (лиц, групп, институтов);
- б) установленный порядок (процедуры) их действий;
- в) конституционно-правовые и концептуальные (доктринальные) основания [1].

Схематически можно представить следующим образом (см. схему 1).

Механизм принятия военно-политических решений

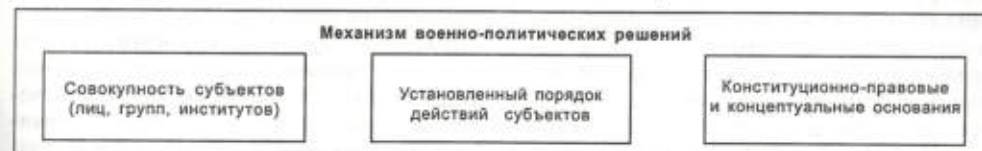
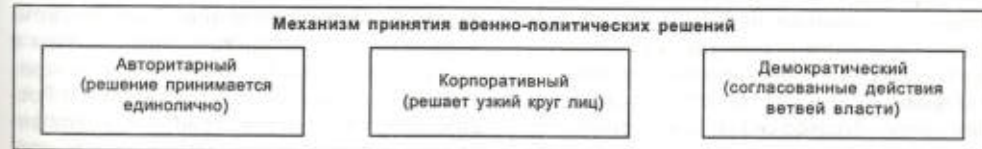

Схема 2

Типы механизмов и способов принятия военно-политических решений

Субъекты данного механизма подразделяются:

а) **по положению:** на *институциональные* (должностные лица и органы государства) и *неинституциональные* (негосударственные) – общественные деятели, партии, движения и т.д.;

б) **по роли и значимости:** *решающие* (главы государств и правительства, парламенты, высшие руководители силовых ведомств);

участвующие (совещательные): советы национальной безопасности, советники и консультанты, лоббисты и т.д.;

обеспечивающие: научные и информационные центры и организации;

в) **по представительству:** на гражданских и военных.

Состав субъектов и способы (методы) принятия решений на применение вооруженных сил определяются характером общественного и государственного строя, условиями, политическими целями. Следует различать вынужденное принятие решений в обстановке начала агрессии, критической ситуации и другое, когда принимается инициативная военная акция при сравнительно спокойном течении событий.

Многообразие механизмов и способов принятия военно-политических решений обычно сводят к трем типам:

а) **авторитарный** (решение принимается единолично главой государства);

б) **корпоративный** (решает узкий круг военно-политической элиты);

в) **демократический** (согласованные действия различных ветвей власти при эффективном гражданском контроле) [2] (см. схему 2).

Отметим, что рассматриваемые условия не всегда позволяют максимально исполь-

зовать демократические механизмы принятия военно-политических решений, однако, как правило, при таком механизме выше качество их проработки, минимальная степень политического и военного риска, негативных влияний отдельных личностей. Но чаще всего на практике очень редко используется каждый из механизмов в отдельности, они смешиваются с отдельными элементами, дополняя друг друга.

Полномочия субъектов, принимающих окончательные решения на применение вооруженных сил в государствах, определяются Конституциями и другими законами. К примеру, в США по закону о военных полномочиях, принятому 7 ноября 1973 г., президент как верховный главнокомандующий может начинать военные действия, а также использовать военные силы США в строго установленных случаях:

- а) когда конгресс объявляет войну;
- б) в силу специальных полномочий, предоставляемых конгрессом;

в) при возникновении чрезвычайного положения. Закон предписывает президенту проводить регулярные консультации с законодателями по вопросам использования армии, информировать конгресс о начале и ходе военных действий.

Такое распределение полномочий по применению вооруженных сил характерно для многих демократических государств.

Так, Президент Республики Казахстан, являясь Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики (Конституция РК ст. 44 п. 12), «в случае, когда демократические институты, независимость и территориальная целостность, политическая стабильность Республики, безопасность ее граждан находятся под серьезной и непо-

средственной угрозой и нарушено нормальное функционирование конституционных органов государства, после официальных консультаций с Премьер-Министром и председателями Палат Парламента Республики принимает меры, диктуемые названными обстоятельствами, включая введение на всей территории Казахстана и в отдельных его местностях чрезвычайного положения, применение Вооруженных Сил Республики, с незамедлительным информированием об этом Парламента Республики» [3].

В пункте 17 вышеуказанной статьи Конституции следует Президент «в случае агрессии против Республики либо непосредственной внешней угрозы ее безопасности вводит на всей территории Республики или в отдельных ее местностях военное положение, объявляет частичную или общую мобилизацию и незамедлительно информирует об этом Парламент Республики» [4].

Положения Конституции Республики Казахстан закрепляют также полномочия Парламента, которые гласят: «решает вопросы войны и мира» (ст. 53 п. 8), «принимает по предложению Президента Республики решение об использовании Вооруженных Сил Республики для выполнения международных обязательств по поддержанию мира и безопасности» (ст. 53 п. 9) [5].

Распределение полномочий закреплено и в Российской Федерации. В России установлено, что Президент может привести в действие армию своим указом с незамедлительным извещением об этом парламента, который в течение 72 часов должен утвердить или отвергнуть его.

Таким образом, разделение полномочий при принятии решений о применении вооруженных сил закреплено в Конституциях Казахстана и России. Однако во многих странах, несмотря на подписание, правовые рамки военных полномочий высших органов власти, а также перечень обстоятельств, когда разрешается применять военную силу, остается широкое поле для свободной воли глав государств и правительств.

В США законом определено лишь прямое использование вооруженных сил (для ведения боевых действий), но не указаны действия о непрямом (косвенном) использовании военной силы. К таким можно отнести: перемещение и развертывание войск в различных регионах мира; военное давление посредством демонстрации силы; приведение армии в повышенную боеготовность.

Механизм принятия решений в военных вопросах (в указанной схеме 2) в Казахстане и России, на наш взгляд, можно отнести к корпоративному типу, т.е. в данном случае принятие военно-политических решений носит закрытый характер, без широкого участия парламента, что присуще многим транзитным обществам.

Это объясняется также тем, что в странах с длительными авторитарными традициями и слабым гражданским обществом, прежде всего, в Латинской Америке, Азии и Африке, а также на постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане и России, получила распространение специфическая, неклассическая разновидность президентской формы правления – суперпрезидентская республика [6].

На сегодняшний день возможности Парламента, быть влиятельным субъектом принятия государственных политических решений, частично ограничены системой исполнительной власти, характеризующейся персонализацией полномочий и соответствующими методами принятия решений.

Главное место в системе принятия решений занимает Президент РК. По Конституции РК, он как Глава государства возвышается над исполнительной, законодательной, судебной ветвями власти, одновременно имея возможность воздействовать на каждую ветвь государственной власти, в особенности на исполнительную [7].

Вместе с тем нельзя не согласиться с отечественным исследователем Б.Майлыбаевым, который отмечает подход Ш.Монтескье: «Он не стал дробить государственную власть, подобно Дж.Локку, а структурно ее разделил на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть судебная, ведающая вопросами права гражданского. Первая власть призвана создавать законы. Вторая ведает внешними сношениями и обеспечивает безопасность. Силой третьей власти караются преступники и разрешаются столкновения между частными лицами» [8].

Однако несомненно и то, что по мере развития гражданского общества возможно повышение участия граждан в процессе принятия решений по важным государственным вопросам, таким, как оборонное строительство.

В этой связи объективную оценку данным процессам дает известный казахстанский ученый Л.А.Байдельдинов: «Критически оценивая политическую реальность в нашем посттоталитарном государстве – суверенной Республике Казахстан, мы видим, что социально-политическая жизнь в нем не полностью укладывается в рамки классических демократических представлений. И самая уязвимая ее сторона заключается в том, что пока еще слабо представлен такой существенный компонент демократического устройства жизни, как гражданское общество. А без гражданского общества в современных условиях не может сложиться и развиваться демократия как образ жизни граждан, как способ их политического самовыражения и деятельности» [9].

Следует отметить, что данная форма правления в Казахстане в период транзита обеспечивает наиболее благоприятные условия для сохранения внутривластной стабильности.

Становление демократических процессов в государствах, несомненно, ведет к возрастанию роли гражданского общества. В этих условиях особую значимость в условиях переходного периода приобретают вопросы гражданского контроля над военной организацией.

Отметим, что в Советском Союзе проблема гражданского контроля над армией и оборонной политикой государства, как и парламентского контроля, не возникала, так как руководство было единым, состояло из военных и гражданских руководителей. И не случайно тогда использовали термин «военно-политическое руководство». В соответствии с основными принципами организации демократического государства руководство всегда политическое и важнейшей его функцией, помимо всего прочего, являются политический, иначе говоря гражданский, контроль и управление военным командованием, оборонной политикой и военным строительством.

Не преувеличивая значимость гражданского контроля, необходимо отметить, что демократическое устройство государства опирается на всеми признанные и строго соблюдаемые правила жизни и деятельности, легализованные в конституции и законах, гарантированные разделением властей, политическим плюрализмом и демократическими свободами. Современная армия, призванная защищать страну от внешней угро-

зы, имманентно обладает огромными возможностями силового воздействия на свое собственное общество. Для того чтобы ни у военных, ни у злонамеренных политиков не возникло соблазна нарушить «правила игры», использовать армию и другие силовые структуры ради противозаконного захвата или удержания власти, эти вооруженные институты должны находиться под контролем общества, который осуществляется через соотвествующие государственные структуры согласно принятым законам.

Также гражданский контроль необходим при условиях, когда стоимость нынешних армий передовых держав даже в мирное время предполагает максимальное участие общества, т.е. налогоплательщиков, в основных решениях по оборонной политике и военному строительству – через полномочные государственные органы и предельно доступную открытость информации. Это необходимо, чтобы свести к минимуму влияние ведомственных интересов и лоббирующих промышленных групп на оборонную политику страны.

Основными элементами гражданского контроля над военной организацией в демократических государствах выделяются: контроль и участие законодательной власти в оборонной политике и военном строительстве, открытость информации, допуск прессы и общественных организаций к жизнедеятельности вооруженных сил и других силовых структур.

Парламент – неотъемлемый элемент контроля. Контроль является второй после законодательства, основной функцией парламента. Объем выполняемых высшим представительным органом контрольных функций и качество парламентского контроля – всегда столь же четкий показатель уровня развития парламентаризма, как и степень совершенства его законодательных процедур [10].

В Казахстане и России наиболее ярко контрольные функции парламента в сфере обороны проявляются при утверждении ассигнований на оборону государства. По сути, утверждая ассигнования по мельчайшим статьям и контролируя их расходование, парламента становится форумом, на котором представители оборонного ведомства должны обосновать свои запросы. Как обычно, не все средства, представленные на утверждение в парламента, находят отражение в конечном варианте бюджета, т.е. менее обоснованные

статьи отсекаются. В ходе данного процесса ограничивается практика закрытых межведомственных компромиссов, ведущая к расплытию средств, равно как и волюнтаристских решений на основе личных связей генералов с государственными лидерами.

Тем не менее, как отмечает А.Айталы: «Конституция урезала полномочия Парламента, лишив его контрольных функций. По существу, принцип ответственности Правительства перед Парламентом условен и поставлен в зависимость от усмотрения Президента. Тем самым Правительство во многом сохраняет свое суверенное положение, что порождает бюрократизм, коррупцию и усиление позиции клановых структур» [11].

Нельзя не согласиться с утверждением А.Айталы в данном вопросе. По его мнению, «проблема заключается не в том, чтобы определять законом каждый шаг исполнительной власти, а в разумном использовании норм, касающихся бюджета, главных социальных программ, принципиальных внешнеполитических акций, а также проводить парламентские расследования по вопросам, представляющим общественный и государственный интерес, о незаконных действиях должностных лиц» [12].

В то же время мы склонны к утверждению отечественного исследователя Б.Майлыбаева, который отмечает: «Выполнение контрольной функции Парламентом зависит не от декларированных и закрепленных в Конституции полномочий, а от конкретной партийно-политической структуры, которая в Казахстане только начинает формироваться». Далее указывается: «Недостаточно развитые возможности контроля Парламентом за действиями исполнительной власти создают потенциальную опасность, при которой исполнительная власть имеет широкие возможности принимать важнейшие государственные и политические решения вне парламентских процедур, без учета расстановки политических сил и значимых общественных интересов» [13].

В этом плане известный казахстанский ученый М.Машан указывает: «Стратегические направления политики Президента отражены в планах Правительства, которое ответственно перед главой государства и выступает в поддержку его курса. В принятии того или иного законопроекта Президент и Правительство выступают единым союзом, в некоторой степени как бы противопоставляя Парламенту. Здесь прослеживается оп-

ределенная диспропорция интересов и объема властных ресурсов между основными ветвями государственной власти» [14].

Данная проблема заметно прослеживается и в Российской Федерации. Так, «Конституция РФ 1993 года отводит Государственной Думе весьма ограниченную роль по сравнению с исполнительной и тем более президентской властью. В частности, все так называемые силовые структуры подчинены непосредственно президенту. Даже роль председателя правительства в этом плане весьма ограничена. Поэтому бюджет для Государственной Думы – это главный, а может быть, единственный способ все-таки сказать свое слово в таком важном вопросе, как формирование и осуществление военной политики и военного строительства», – указывает А.Арбатов [15].

Далее, по его мнению, «Дума разрабатывает ряд законов, которые имеют отношение к организации оборонных структур в государственной системе, например Закон «Об обороне». Регламентировать взаимоотношения армии и общества призваны также законы «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», который регулирует вопросы комплектования ВС, в частности призыва, Закон «Об альтернативной гражданской службе» и др. Но эта часть деятельности Государственной Думы по ее влиянию на формирование оборонной организации государства все таки не является напрямую военной политикой, военным строительством. Перечисленные законы – это законы, по существу, административные» [16].

Таким образом, проведенный анализ показывает значимость разделения полномочий ветвей власти в вопросах принятия решений в сфере оборонной политики. Как в Казахстане, так и в России оборонная политика является на сегодняшний день исключительной прерогативой института Президента. Парламент в рассматриваемых странах имеет незначительные функции в сфере обороны. Однако в период транзита подобная концентрация полномочий обеспечивает максимальное сохранение внутривнутриполитической стабильности и выступает действенным механизмом защиты от использования вооруженных сил во внутривнутриполитических конфликтах. С постепенным развитием гражданского общества возможно повышение роли парламента и расширение его полномочий в оборонной сфере.

Литература

1. Серебрянников В. Применение военного насилия: проблемы и результаты // Власть. – 2002. – №2. – С. 36.
2. Там же. С. 37.
3. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Казакстан, 1997. – 48 с. – С. 18.
4. Там же. С. 19.
5. Там же. С. 25.
6. Основы политической науки. Учебное пособие для вузов / Под ред. В.П. Пугачева. В 2-х ч. Ч.1. – М.: Об-во «Знание» России, 1994. – 224 с. – С. 212.
7. Майлыбаев Б.А. Становление и эволюция института Президента Республики Казахстан: проблемы, тенденции, перспективы (опыт политико-правового исследования): Монография. – Алматы: Издательство «Арыс», 2001. – 532 с. – С. 474.
8. Майлыбаев Б.А. Институт Президента: традиции демократического конституционализма и опыт Республики Казахстан. – Алматы: Комплекс, 1998. – 144 с. – С. 119.
9. Байдельдинов Л.А. Казахстан как политическая реальность. – Алматы: Институт развития Казахстана, 2000. – 169 с. – С. 28.
10. Парламент и законодательная власть Казахстана: Монография. – Алматы: Жеті жарғы, 1995. – 157 с. – С. 124.
11. Айталы А. Казахстанский парламентаризм. – Саясат. – 2001. – №4. – С. 19.
12. Там же. – С. 19–20.
13. Майлыбаев Б.А. Становление и эволюция института Президента Республики Казахстан... – С. 473.
14. Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целодостижение / Изд. 2-е, доп. и перераб. – Алматы: Аналитический центр «Стратегия», 2001. – 196 с. – С. 172–173.
15. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. – М.: ЭПИцентр, 1999. – С. 104–122.
16. Там же. С. 115.

ВАРИАНТЫ ВВЕДЕНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАЗАХСТАНА

Аубекеров С.Х.

Суд присяжных заседателей является одной из самых распространенных в мире форм участия представителей народа в осуществлении правосудия. В настоящее время суд присяжных применяется больше в уголовном судопроизводстве, а в гражданских делах его использование минимально. Однако наблюдается и другая тенденция: в последние десятилетия многие страны вводят суд присяжных или восстанавливают, если он ранее использовался в судопроизводстве (Россия, Испания, Венесуэла и др.). В ряде постсоветских стран закреплена конституционная норма об участии присяжных в отправлении правосудия, хотя законодательная база его применения не разработана (Армения, Казахстан, Латвия и Украина). Конституционализация института суда присяжных заседателей является важной гарантией, препятствующей его противникам отказаться от этой формы участия представителей населения в отправлении правосудия, т.к. изменение конституции требует более сложной процедуры.

В юридических справочниках распространена следующая его характеристика: суд присяжных (*jury*) – это суд во многих государствах, состоящий из одного или нескольких постоянных судей и присяжных заседателей, являющихся подобранными или назначенными для данного процесса [1].

Выделяют два типа суда присяжных: *самостоятельная коллегия* присяжных заседателей, рассматривающая факт преступления и выносящая вердикт независимо от судьи, который после обвинительного решения определяет меру наказания, и характерная в основном для стран англо-американской правовой системы (т.н. «классический» или *английский* тип), и *смешанная коллегия* из присяжных и нескольких судей, совместно выносящих решение о виновности подсудимого и назначающих ему наказание, более распространенная в странах романо-германской правовой системы (т.н. *континентальный* или *европейский* тип). Однако многие ученые-правоведы считают, что сме-

шанную коллегию лишь с большой натяжкой можно отнести к суду присяжных [2]. Распространение суда присяжных в разных странах мира дано в таблице 1.

Таблица 1

Распространение суда присяжных в мире

Континент	Страны
Европа	Австрия, Великобритания, Бельгия, Греция, Дания, Испания, Ирландия, Италия, Мальта, Норвегия, Португалия, Россия, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, ФРГ
Азия	Иран, Кипр, Шри-Ланка
Америка	Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, Панама, США
Австралия и Океания	Австралия, Новая Зеландия

Общепризнанно, что использование суда присяжных является гарантом независимости судов, вносит подлинную состязательность сторон в судебный процесс, житейскую мудрость – в атмосферу формальной юстиции, уменьшает риск злоупотребления в досудебной и судебной стадиях, возможность коррупции и навязывания суду принятия определенного судебного решения.

Исторический экскурс

На территории Казахстана в дореволюционный период применялся ограниченно суд присяжных при преобладании традиционного народного суда – суда биев, основывающегося на обычном казахском праве. Отличительные черты суда биев – это требования к ним знания норм права и красноречия, т.е. не каждый мог стать бием. Институт суда присяжных, введенный в царской России в 1864 г. в результате реформ императора Александра II, пришел в Казахстан со значительным опозданием и серьезными ограничениями, дополненными в результате контрреформ, – незадолго до Октябрьской революции (в 1909 г. в Акмолинской и Тургайской областях, Кустанайском и Актюбинском уездах). Лидеры национального освободительного движения в послереволюционный период выступали за сочетание народного суда биев – по мелким делам и суда присяжных заседателей – по тяжким преступлениям, который на территориях с казахским населением должен состоять из лиц коренного населения и вестись на казахском языке [3].

О восстановлении института суда присяжных на территории бывшей Российской империи – в Советском Союзе заговорили во время перестройки в среде юридической

общественности. В ноябре 1989 г. на второй сессии Верховного Совета СССР был рассмотрен проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судопроизводстве и дополнен следующей нормой: «По уголовным делам о преступлениях, за которые Законом предусмотрена смертная казнь или лишение свободы сроком до 15 лет, вопрос о виновности решается судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей)» [4]. Однако данное положение, предусматривающее возможность применения различных форм суда присяжных, не было раскрыто в законодательстве республик вследствие развала союзного государства. В России восстановление суда присяжных началось с принятием 24 октября 1991 г. Верховным Советом РФ Концепции судебной реформы в Российской Федерации, исходя из которой был позже принят ряд законодательных актов, согласно которым с 1993 г. в девяти регионах вводился суд присяжных из 12 заседателей, решающих вопрос о виновности подсудимого и возможности снисхождения к нему при определении наказания. С 2003 г. суд присяжных должен действовать на территории всей России.

В Казахстане не было серьезных дискуссий о необходимости введения суда присяжных и его формах. В 1998 г. при внесении дополнений и изменений в Конституцию РК, направленных на совершенствование политической системы государства, была принята и следующая новелла: «В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей» [5].

Правовая регламентация нового института в Казахстане ограничивается нормами ст. 1 и ст. 25 Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», в которых прописано, соответственно: «Судебная власть в Республике Казахстан принадлежит только судам в лице постоянных судей, а также присяжных заседателей, привлекаемых к уголовному судопроизводству в случаях и порядке, предусмотренных законом» и «Никто не вправе вмешиваться в осуществление правосудия и оказывать какое-либо воздействие на судью и присяжных заседателей» [6]. Кроме того, в Законе «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» присяжные заседатели указаны в перечне лиц, подлежащих государственной защите [7].

Перспективы суда присяжных в Казахстане

Необходимо подчеркнуть, что в Казахстане ни до, ни после конституционализации участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве не было значительной полемики в обществе о судьбе этого института: о его форме, процессуальных правах и о сроках введения. Можно предположить, что противники суда присяжных, скорее всего, считывали на то, что между принятием конституционной нормы и правовой регламентацией статуса нового института в законодательных актах пройдет значительное время. На III съезде судей Казахстана в июне 2001 г. Президент РК Н.А. Назарбаев указал среди приоритетных задач, стоящих перед судебной системой государства: «Реализовать на практике предусмотренный конституцией принцип отправления правосудия с участием присяжных заседателей. Начать с тяжких преступлений, по которым предусматривается смертная казнь» [8].

Поэтому хронологию полемики вокруг суда присяжных в Казахстане можно условно разделить на два периода:

1. 1998–2001 гг. – с момента введения конституционной новеллы до указания Главы государства на III съезде судей о необходимости ее реализации на практике.
2. С середины 2001 г. – по настоящее время.

До указания Главы государства на съезде судей в обществе преобладала вялотекущая дискуссия ученых-правоведов.

С выступления Президента РК казахстанские юристы начали предлагать различные варианты развития суда присяжных в Казахстане. В отличие от России в нашей стране не сложились противостоящие друг другу группировки противников и сторонников суда присяжных и можно лишь отнести их к выступающим за отдельную или совместную коллегия присяжных. Другим принципиальным моментом является вопрос о форме законодательной регламентации нового института: ограничиться отдельным законом или произвести, кроме него, изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс и другие законодательные акты. Большой интерес вызвала публикация проекта Концепции развития судебной системы Республики Казахстан в августе 2001 г. При публикации не были указаны разработчики проекта и лишь по отклику Генерального прокурора РК Р.Тусупбекова в газете «Казах-

станская правда» (19.09.2001 г.) и по смыслу предложений в нем можно предположить, что его разработчиком является Верховный Суд РК. Авторы проекта концепции предложили следующее:

1. Первоначально суд присяжных будет рассматривать особо тяжкие преступления, за совершение которых предусмотрена смертная казнь.

2. Вследствие близости для Казахстана романо-германской правовой системы взять за основу континентальную модель суда присяжных [9].

В Концепции правовой политики Республики Казахстан, в которой даны основные направления развития правовой системы, предложено следующее: «Необходимо рассмотреть возможность осуществления уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» [10]. Данная формулировка является расплывчатой и выражает компромиссный подход к данному институту со стороны различных правоохранительных органов.

25–26 ноября 2002 г. в г. Алматы состоялась международная научно-практическая конференция «Вопросы и пути реализации суда присяжных в РК», на которой ставилась цель определения подходов к решению проблемы введения суда присяжных и поиск оптимальных путей ее решения. На конференции господствовали мнения о преимуществе выбора совместной коллегии присяжных и судей, которую поддержали представители Верховного Суда РК и Немецкого общества по техническому сотрудничеству (ФРГ). По итогам конференции, было рекомендовано Верховному Суду образовать рабочую группу по вопросам создания суда присяжных, Комитету по судебному администрированию – подготовить финансово-экономическое обоснование всех затрат для создания и функционирования суда присяжных, а также была признана целесообразной разработка проекта Государственной программы поэтапного введения института суда присяжных на территории Казахстана [11].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в судебском корпусе страны господствует позиция создания совместной коллегии присяжных заседателей и поэтапного введения ее в областях Казахстана.

Введение нового института в судопроизводство потребует как разработки отдельного закона, регламентирующего его статус, права и обязанности присяжных, так и вне-

снения дополнений и изменений в действующее законодательство, как бы не хотелось избежать этого. Организация и функционирование суда присяжных должны быть прописаны в Законе «О суде присяжных заседателей в Республике Казахстан» или «Об участии присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве в Республике Казахстан» в зависимости от принятой модели суда присяжных, а также в Уголовно-процессуальном кодексе РК, скорее всего, – отдельная глава, посвященная производству в суде с участием присяжных заседателей. Кроме того, необходимо предусмотреть ответственность за препятствование выполнению обязанности присяжного заседателя или за отказ от него в Кодексе РК об административных правонарушениях. Пожелания ученых-правоведов о необходимости соблюдения корректности и уважительности по отношению к УПК, потерпевшему много изменений за короткий срок, необходимо поддержать [12].

Доводы сторонников совместной коллегии

Одним из главных доводов сторонников введения в Казахстане совместной коллегии присяжных и профессиональных судей является принадлежность национального права к романо-германской правовой системе. Однако схожесть правовых систем не является обязательным условием, обязывающим рецепцию правовых институтов и норм. Так, Россия и Испания относятся к романо-германской правовой системе, но восстановили отдельную коллегия суда присяжных. Другой важный довод – это отсутствие исторических традиций применения суда присяжных в отправлении правосудия, что позволяет делать вывод о возможности введения любой из форм данного института. В ответ на это можно привести то, что, во-первых, все-таки на территории современного Казахстана существовал суд присяжных, во-вторых, совместная коллегия, предлагаемая

судейской корпорацией, все же является копией существовавшего в советский период института народных заседателей, рассматривавших дело и выносивших решение совместно с председательствующим судьей. То есть в любом случае можно говорить о восстановлении участия представителей населения в осуществлении правосудия, а не о введении (рецепции) нового института. В-третьих, в западной юриспруденции различают разные формы суда присяжных, которые в результате своего развития имеют значительные различия в разных странах. Характеристика суда присяжных в разных странах: США, Англии, относящихся к англо-американской правовой системе, и Испании, России и Франции, принадлежащих к романо-германской правовой системе, дана в таблице 2.

При условии разработки всех необходимых нормативных основ функционирования суда присяжных возможно эффективное его применение независимо от формы.

На состоявшемся в конце 2002 г. в Алматы совместном заседании Верховного Суда и Высшего судебного совета были приняты следующие принципиальные положения, могущие оказать влияние на модель суда присяжных в Казахстане:

- 1) институт должен базироваться на континентальной или французской системе;
- 2) новый институт должен состоять из шестерых присяжных, совместно рассматривающих уголовные дела с тремя профессиональными судьями;
- 3) суду присяжных на начальном этапе будут подсудны только дела по преступлениям, предусматривающим наказание – смертную казнь или пожизненное лишение свободы;
- 4) волеизъявление подсудимого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных обязательно.

Консенсуса в полемике – принимать ли специальный Закон «О статусе присяжных

Таблица 2

	Страны				
	Англия	США	Испания	Россия	Франция*
Число основных присяжных	12	12	9	12	3+9
Стандарт вынесения обвинительного вердикта	10	единогласно	7	7	8
Отвод присяжных каждой стороной	неограниченно	5	4	2	5
Обжалование и опротестование оправдательного приговора	нет	нет	да	да	нет

* Во Франции 3 судьи-профессионала и 9 присяжных, совместно выносящих вердикт.

заседателей» или вносить необходимые изменения и дополнения в действующее законодательство – не достигнуто [13].

Особенности организации и функционирования различных моделей участия представителей населения в отправлении правосудия дана в таблице 3. Анализ данных свидетельствует о наличии принципиальных различий между различными формами.

Таким образом, в дискуссии правоведов о выборе национальной модели суда при-

сяжных побеждает позиция сторонников совместной коллегии присяжных и профессиональных судей. Решение вопроса определения модели суда присяжных окажет влияние на совершенствование судебной системы, усиление ее эффективности и независимости, формирование правовой идеологии и культуры в обществе. Окончательное решение этого принципиального вопроса должны принять Парламент и Президент Республики Казахстан.

Таблица 3

Сравнение основных принципов функционирования различных моделей участия представителей населения в отправлении правосудия

Основные принципы	Модели		
	Суд присяжных	Суд шеффенов (ассизов)	Народные заседатели
Отбор участников	Случайная выборка из списка присяжных, составленного на основе списка избирателей	Выборы местными парламентами	Выборы местными представительными органами
Число участников	12 основных и 2 запасных (как правило)	От 2 до 5 (в ФРГ) или до 9 (во Франции)	2
Право сторон процесса в отборе участников	Определенное число отводов с каждой стороны	Нет (в ФРГ) и отводы каждой из сторон (во Франции)	Нет
Участие в процессе	Рассмотрение вопроса факта и вынесение вердикта о виновности самостоятельно от судьи	Совместное с судьей рассмотрение вопросов факта и права и вынесение приговора	Совместное с судьей рассмотрение вопросов факта и права и вынесение приговора
Продолжительность участия	Один процесс	Один процесс	В течение срока, на который выбраны
Стандарт вынесения обвинительного решения	Большинством голосов (как правило)	Большинством голосов	Большинство голосов при возможности особого мнения
Возможность пересмотра обвинительного приговора	Различно в разных странах	Допускается	Допускается

Литература

1. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 526.
2. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2001. – №3. – С. 5.
3. Программа партии «Алаш» // В кн.: Алаш-Орда. Сборник документов. – Алматы, 1992. – С. 29.
4. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судопроизводстве. – М., 1990. – С. 31.
5. Конституция Республики Казахстан // В кн.: Конституции стран СНГ – Алматы, 1999. – С. 184.
6. Конституционный закон РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» от 25 декабря 2002 г. // Казахстанская правда. – 30 декабря 2000.
7. Закон РК «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» от 5 июля 2000 г. // Казахстанская правда. – 13 июля 2000.
8. Чтобы суд означал справедливость. Выступление Президента РК Н.Назарбаева на III съезде судей Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 7 июня 2001.
9. Концепция развития судебной системы Республики Казахстан. Проект // Юридическая газета. – 8 августа 2001.
10. Концепция правовой политики Республики Казахстан. Одобрена Указом Президента РК от 20 сентября 2002 г. // Казахстанская правда. – 3 октября 2002.
11. Верховному Суду рекомендовано образовать рабочую группу по вопросам создания суда присяжных // Панорама. – 29 ноября 2002.
12. Толсубекова Б. Суд присяжных и его место в судопроизводстве Республики Казахстан // Право и государство. – 2001. – №4. – С. 26.
13. Суд присяжных: детали уточняются // Казахстанская правда. – 24 декабря 2002.

ПРОЦЕССЫ ЭЛИТООБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В 1991–2002 ГГ.

Исалиев М.Н.

После провозглашения суверенитета процессы элитобразования в Казахстане получили новый импульс, положив начало обновлению политической элиты общества. За десятилетний период в этих процессах обозначился ряд новых тенденций, выявлению которых будет посвящена данная статья.

При анализе казахстанской политической элиты был использован известный методологический подход, в казахстанских условиях впервые примененный отечественным исследователем А.К.Тулегуловым. Исходя из него, при идентификации правящей элиты был применен метод позиционного анализа [1].

При этом особое внимание было уделено центральной политической элите. По нашему мнению, изучение элиты с применением позиционного метода дает возможность рассмотреть изменения в персональном составе правительственной элиты и в конечном итоге ответить на вопрос – произошла ли смена элит в Казахстане за годы независимости?

Для исследования центральной политической элиты был проведен анализ биографий 142 политических государственных служащих, которые в 1991–2002 гг. занимали посты Вице-Президента РК, руководителей Администрации Президента, Правительства, Верховного Совета, Сената, Мажилиса, Верховного и Конституционного суда, Генеральной прокуратуры, КНБ, Национального Банка, министерств.

Президент Н.Назарбаев не включен в этот список, так как в политической системе государства он занимает особый надэлитный статус. Также мы не стали включать сюда такую группу элиты, как акимы областей и городов республиканского значения. Центральной региональной элите посвящена отдельная работа (см. в журнале «Аналитик» в №1 за 2003 г.). При составлении социологического портрета казахстанской правящей политической элиты в качестве исходных

материалов использованы данные биографической энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане» (составитель Д.Ашимбаев) [2].

В качестве основных индикаторов при изучении правительственной элиты за основу были взяты следующие параметры: место рождения, возраст, пол, национальность, образование, карьерный путь, продолжительность нахождения во власти. В процессе проведенной работы были получены следующие результаты.

Во-первых, в постсоветский период происходит омоложение кадрового состава центральной политической элиты. В частности, средний возраст кунаевской элиты составлял 52,7 лет [3]. В свою очередь, средний возраст вступления в должность назарбаевской элиты в 2002 г. составил 44,5 лет. Это привело к тому, что в этот период на 2,3 года сократился путь от окончания вуза до занятия высшей должности, который на конец 2002 г. составил 23,2 года.

Таблица 1

Динамика среднего возраста центральной политической элиты при вступлении на должность и временного отрезка от окончания вуза до занятия должности в разрезе пяти правительств Республики Казахстан

Правительства Республики Казахстан	Средний возраст при вступлении на должность	Путь от окончания вуза до занятия должности
1991–1994 гг.	49,4	25,8
1994–1997 гг.	47,6	23,8
1997–1999 гг.	45,9	22,3
1999–2002 гг.	46,2	23
2002–2003 гг.	44,5	23,2
Итого:	46,7	23,6

Во-вторых, в 1991 по 2002 гг. происходит увеличение в составе центральной политической элиты числа гуманитариев и снижение доли технократов. Соотношение между ними составило 49,1% и 50,9%. Среди них профессию инженеров имело 40,1%, экономистов и юристов – 42,2%. Для сравнения – доля экономистов и юристов в кунаевской элите составляла 10,6% [4]. О высоком образовательном уровне правящей элиты гово-

рит то, что 45,7% ее состава получило образование в ведущих вузах бывшего Союза. В Казахстане главными поставщиками элитных кадров остаются Казахский государственный университет (16,9%), Алматинский институт народного хозяйства (16,1%), Казахский политехнический институт (7,6%).

В составе назарбаевской когорты заметно увеличивается число кандидатов и докторов наук, общая численность которых составила 47,8%. Из них докторами наук являются 47,05%, кандидатами наук – 52,9%. Среди кандидатов наук больше всего экономистов 52,7% и юристов – 18,7%. Среди докторов наук также преобладают экономисты – 43,7% и политологи – 15,6%. Отметим, что значительная часть ученых степеней была получена их обладателями в период пребывания во власти.

В-третьих, в рассматриваемый период в составе правящей казахстанской элиты сохраняется значительное число лиц, получивших партийное образование. Алматинскую высшую партийную школу, Академию наук при ЦК КПСС, Высшую партийную школу при ЦК КПСС, Академию народного хозяйства при Совете министров СССР, заочную Высшую Партийную Школу при ЦК КПСС закончило 21,1% центральной политической элиты. Одной из причин преобладания партийных кадров может служить отсутствие среди правящей элиты лиц, получивших высшее образование в вузах западных стран. Исключением являются примеры Н.Балгимбаева, К.Келимбетова, К.Масимова.

Сегодня уже можно говорить о том, что за годы независимости не состоялось масштабного вливания в обойму власти казахстанских выпускников зарубежных вузов. В частности, в течение действия программы «Болашак» в 1994–2002 гг. в вузах западных стран обучилось около 700 казахстанцев. Из них только пять «болашаковцев» работает в аппарате Президента, а всего около 60 – на государственной службе. Порядка 300 человек трудится на государственных предприятиях [5]. Очевидно, что активный приход так называемых «чикагских мальчиков» во власть следует ожидать лишь в среднесрочной перспективе.

В-четвертых, в структуре правящей элиты увеличивается доля выходцев из городских слоев общества. В 1991–1994 гг. доля горожан в составе центральной элиты составила 36,3%, а в 2002 г. – 57,8%. Соответственно, доля сельчан уменьшилась до 42,8%. Для

сравнения, в кунаевской элите выходцы из села составляли 77,7% [6]. Необходимо отметить, что тенденция увеличения числа горожан в структуре правящей политической элиты соответствует тенденции увеличения в составе населения республики численности городского населения. В частности, в 1959 г. городское население составило 43,3%, а сельское – 56,7%. Однако уже на конец 2001 г. численность сельчан составила 43,6%, а горожан – 55,8% [7].

Таблица 2

Динамика изменения выходцев из сельской и городской местности в составе центральной политической элиты в разрезе пяти правительств Республики Казахстан

Правительства Республики Казахстан	Выходцы из сельской местности	Выходцы из городской местности
1991–1994 гг.	44	25
1994–1997 гг.	43	21
1997–1999 гг.	21	20
1999–2002 гг.	17	28
2002–2003 гг.	12	16

В-пятых, в региональном разрезе, в традиционном делении страны на пять регионов, наибольшую представленность в правящей элите имеет Южный регион (г. Алматы, Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области) – 42,9% (удельный вес от населения страны в 1999 г. составил 41,8%). Представители Северного региона (Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская области) составляют 7,7% (удельный вес – 24,7%); Восточного (Восточно-Казахстанская область) – 7,7% (удельный вес – 10,2%); Западного (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области) – 7,04% (удельный вес – 13,7%); Центрального (Карагандинская область) – 6,3% (удельный вес – 9,4%). За пределами Казахстана родилось 23,2%.

В-шестых, в постсоветский период в структуре политической элиты увеличивается число лиц титульной национальности. В этот период казахи в правящей элите составили 77,4%, представители других национальностей – 22,6%. Для сравнения, в кунаевской элите это соотношение соответственно составляло 59,5% и 41,7% [8]. В эти годы также происходит увеличение представительств женщин в высших структурах власти (А.Арыстанбекова, Б.Айтимова, Ш.Беркимбаева, З.Кадырова, Н.Коржова, Г.Карагусова, А.Самакова). Их доля в политической иерархии власти страны составила 4,9%.

В кунаевской элите представленность женщин в высших эшелонах власти составляла 1,2% [9].

Необходимо отметить, что в настоящее время женщины представлены большинством среди государственных служащих. Только в центральных государственных органах работает 3370 женщин, что составляет 56% от всего количества штатных сотрудников правительства. Однако, как уже было отмечено, на уровне принятия решений – крайне низкая степень женского представительства. Среди политических государственных служащих, в том числе на второй эшелон политической элиты (вице-министры, заместители акимов областей и городов и так далее) приходится лишь 10,4% [10]. Вместе с тем данный показатель значительно отстает от западных стран, в том числе от скандинавских, где доля женщин в составе политической элиты является достаточно высокой.

В-седьмых, несмотря на появление новых каналов рекрутирования элиты, формирование центральной элиты шло преимущественно за счет привлечения бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры (41,5%). Так, из правительственных и президентских структур рекрутировалось 34,4%, региональных структур – 11,9%, из бизнеса – 11,9%, из судебных и силовых структур – 9,1%, из Парламента – 6,3%, из науки, культуры, профсоюзов – 5,6%, из дипломатической сферы – 1,4%.

В свою очередь, с занимаемых должностей представители элиты уходили по горизонтали: в правительственные и президентские структуры – 41,4%, в бизнес – 9,8%, в регионы – 8,4%, в науку и культуру – 5,6%, в судебные и силовые структуры – 4,9%, в Парламент – 4,2%, в дипломатическую сферу – 2,8%.

Полученные данные также позволяют нам вывести основные факторы и тенденции в процессах циркуляции элит в постсоветский период, в которых можно выделить ряд этапов. При этом для каждого из пяти правительств характерны свои особенности в процессах рекрутирования.

На этапе «катапультирования в независимость» (1991–1994 гг.) состав властной элиты практически не претерпел изменений, в ее основе по-прежнему доминировали старые кадры, представленные значительным числом старой советской номенклатуры, плавно перекочевавших в структуры исполнительной власти. В первые годы независи-

мости рекрутированию подверглись второй и третий эшелоны партийной номенклатуры (вторые секретари обкомов, заместители министров и т.п.).

Начало периода независимости характеризуется большим количеством новых назначений на высшие должности в государственной иерархии. В течение 1991–1994 гг. правительство подверглось четырем структурным реформам, обусловленным необходимостью создания новых институтов власти, с одной стороны, и неспособностью старых кадров справиться с вызовами современности, с другой стороны. Еще одной из причин можно назвать самороспуск в декабре 1993 г. Верховного Совета, повлекшего за собой определенную ротацию кадров в элите.

В этих условиях Президент Н. Назарбаев начинает расширять каналы рекрутирования элиты через привлечение во власть директорского корпуса (Г.Абильситов, В.Власов, Н.Исингарин, Б.Нуржанов, А.Саламатин, О.Сосковец, Р.Чердабаев), через парламентские выборы (Б.Айтимова, Э.Асанбаев, П.Своик, Л.Трубников, Ж.Туякбай), привлечение региональной элиты (С.Ашляев, А.Жабалин, Ж.Каримжанов, С.Кулагин, А.Кажегельдин, С.Медведев), а также из научных, творческих и культурных кругов (А.Арыстанбекова, М.Жолдасбеков, М.Баймаханов, Е.Мамбетказиев). Кроме того, новые отряды правящей элиты (дипломатическая, военная и другие) частично пополняются за счет возвратившихся в республику казахов, работавших в руководящих союзных органах и за границей (Т.Сулейменов, К.Токаев).

Также при содействии Президента в это время происходит приход в элиту молодых технократов преимущественно из сферы науки и предпринимательства, получивших образование в ведущих вузах страны и опыт работы в рыночных условиях. Именно на этот период приходится начало карьерного продвижения таких политиков, как У.Джандосов, К.Есенберлин, А.Кажегельдин, А.Сарсенбаев, М.Тажин и т.д. В итоге в 1991–1994 гг. первоочередные задачи по построению институтов нового государства решались представителями постсоветской номенклатуры, а также политиками-технократами. Однако партийно-номенклатурное ядро правящей элиты с обретением независимости практически не изменилось.

Серьезные изменения в составе правящей номенклатуры происходят в период

второго правительства (1994–1997 гг.). В это время можно отметить две ключевые тенденции, которые оказали существенное влияние на процессы элитообразования. Во-первых, принятие Конституции 1995 г., закрепившее создание неклассической президентской республики, что де-юре превратило фигуру Президента в ключевой фактор кадровой политики. Во-вторых, проведение массовой приватизации и создание национальных компаний привели к появлению финансово-промышленных и банковских групп во главе с бизнес-элитой, которая начинает приходить во власть.

Мы поддерживаем мнение о том, что при выявлении политической и экономической элиты нужно исходить из принципа рекрутирования: лиц, пришедших к власти через бизнес, несмотря на занимаемые посты в правительстве, относить к бизнес-элите, в то время как влившиеся в элиту через другие каналы, например, Парламент, политические партии, общественные организации и движения, административные и т.д. – к политической элите [11].

Увеличение каналов рекрутирования элиты обусловило существенное обновление правящей элиты в рассматриваемый период. В частности, в период 1994–1997 гг. впервые высших должностей в политической номенклатуре достигло 37 человек (57,8%). В свою очередь, в этот период только 27 человек, или 42,1% представителей элиты, смогло остаться в номенклатурной корте.

Практически все значимые кадровые назначения в этот период происходили под влиянием финансово-промышленных, правительственных и региональных группировок. В эти годы происходит своеобразный союз между высшими управленцами и крупными лоббистскими группами. В условиях жесткой финансовой политики, массовой приватизации, структурных реформ, приход в Правительство «младотюрков» способствовал к активному лоббированию «своих» финансово-промышленных групп, что обострило внутриэлитные конфликты и противоречия во властных структурах. В целом в этот период происходит трансформация механизма формирования политической власти. Если ранее практиковалось рекрутирование кадров из представительной власти, научного истеблишмента и региональной элиты, то в это время набирает силу привлечение представителей бизнес-элиты.

В период функционирования третьего правительства (1997–1999 гг.) в его состав впервые вошли представители бизнес-элиты М.Аблязов, Н.Балгимбаев, С.Буркитбаев, З.Какимжанов, Е.Калиев, а также технократы У.Джандосов, К.Дамитов, С.Мынбаев. Большинство министров нового правительства представляли интересы финансово-промышленных групп. В результате рекрутирования бизнес-элиты и технократов, число новых лиц в 1997–1999 гг. в составе центральной элиты достигло 34,1%. Таким образом, происходит изменение баланса сил между политической группой и новой экономико-финансовой элитой, что нашло отражение в интенсивном «перемешивании» этих двух групп [12].

Приход во власть «младотюрков» подтверждается цифровыми выкладками. В частности, в возрасте 31–39 лет в свои должности вступило 9 человек (21,9%), что является наибольшим показателем по этой группе возраста. Таким образом, в период правительства Н.Балгимбаева крупнейшие компании, банки и другие бизнес-структуры были разделены между рядом финансово-промышленных групп, имевших многочисленных и влиятельных лоббистов в правительстве. Политика государства была в значительной степени поставлена под контроль узкой группы «олигархов». И в сложившихся условиях следовало снизить их влияние, а также создать более эффективную схему взаимодействия между Президентом, правительством и бизнесом. Логическим разрешением ситуации стала отставка правительства и уход из него «младотюрков» [13].

В период четвертого правительства (1999–2002 гг.) одним из главных принципов при формировании кабинета стал профессионализм и нейтральность его участников. В этот период впервые должности в высшей номенклатуре политической власти получило 40% из всего состава правящей элиты. Несмотря на отсутствие достаточно долгое время открытой и публичной конфронтации между представителями различных групп интересов в правительстве К.Токаева, внутриклубные противоречия привели к уходу нескольких высокопоставленных чиновников (А.Байменов, У.Джандосов, К.Келимбетов и т.д.), а затем и к отставке правительства в январе 2002 г.

Состав пятого правительства свидетельствует, что при его формировании был взят принцип равноудаленности и нейтральности его ключевых членов от финансово-про-

мышленных групп. На начало января 2003 г. высших политических должностей в политической номенклатуре смогло впервые достичь 4 человека (14,2%). В свою очередь, 24 человека, или 85,7% представителей казахстанской политической элиты, смогло сохранить свои позиции в высшей политической иерархии власти.

С назначением премьер-министром И.Тасмагамбетова, бывшего руководителя казахстанского комсомола, наметился процесс выдвижения на первые роли во власти четвертого эшелона номенклатуры позднесоветского периода (комсомольские работники). Аргументом в пользу этого служит назначение ряда экс-комсомольских лидеров во второй эшелон власти (вице-министры и руководители комитетов министерств). Это, в свою очередь, дает повод экспертам говорить о номенклатурной основе действующего правительства, а также о том, что этот канал рекрутирования будет постепенно увеличиваться [14].

В целом с началом деятельности пятого казахстанского правительства кадровая политика в верхних эшелонах власти обрела некоторую устойчивость и предсказуемость. По мнению экспертов, правительство работает достаточно слаженно. Вместе с тем внутри правящей элиты по-прежнему прослеживаются разнонаправленные тенденции, обусловленные существованием разных центров влияния и конкурирующих между собой групп [15].

После рассмотрения основных моментов, которые были выведены после проведенного исследования центральной политической элиты, целесообразно сравнить их с аналогичными работами, которые были проведены в этом направлении другими исследователями. Стоит отметить, что полученные результаты не сильно расходятся с выводами А.К.Тулегулова, который одним из первых на основе изучения 320 биографий провел анализ политической элиты страны. Средний возраст элиты на начало 1998 г. составил 48,9 лет. Средний возраст вступления в должность составил 44,7 лет. В политической элите выходцы из села составили 66,3%, из города – 33,8%, казахи – 70,9%, Южный регион – 38,1%, Северный – 16,2%, Западный – 10,3%, Восточный – 7,5%, Центральный – 7,2%, технократы – 47,9%, гуманитарии – 52,05% [16].

По данным другого казахстанского исследователя Р.К.Кадыржанова, выведенных на

основе анализа 139 биографий, на сентябрь 1999 г. средний возраст казахстанской политической элиты составил 47,6 лет. Из них выходцы из села составили 64,4%, из города – 35,6%, технократы – 58,9%, гуманитарии – 51,2%, доля казахов – 78,8%, ранее не входившие в номенклатуру – 24,1% [17].

Некоторая разница в показателях объясняется тем, что в настоящих исследованиях брался более широкий пласт биографических данных (в том числе и второй эшелон политической элиты). В свою очередь, мы брали в расчет только персональный состав первого эшелона центральной политической элиты. Сравнительный анализ свидетельствует, что комплексное применение основных политологических методов, в том числе метода принятия решений, дает нам возможность прийти к объективным результатам при изучении разных аспектов элитообразования в Казахстане в постсоветский период.

В целях всестороннего рассмотрения политической элиты, мы также используем репутационный метод, основанный на экспертных оценках. Данный подход позволяет разделить политическую элиту на тех, кто, занимая высокие посты во властной иерархии, не имеет существенного влияния на политические события, и на тех, кто на самом деле этим влиянием обладает и пользуется им. Главный недостаток этого метода – субъективность экспертных оценок, обусловленная степенью владения экспертами информацией и их личными симпатиями [18].

При применении данного метода нами использованы рейтинги политической, общественной и бизнес-элиты, публикуемые Центральноеазиатским агентством политических исследований. По итогам 2002 г. в рейтинге первое место принадлежит представителям назарбаевской гвардии, работающим с ним достаточно продолжительное время. В частности, первое и второе место занимают ближайшие соратники Президента Н.Абыкаев (7,92 балла) и И.Тасмагамбетов (7,12). Далее идут Г.Марченко (5,85), М.Тажин (5,7), А.Есимов (5,6), С.Калмурзаев (5,58), З.Какимжанов (5,5), Б.Утемураев (5,43), Б.Мухамеджанов (5,35), А.Павлов (4,97), К.Токаев (4,92), К.Сулейменов (4,8) [19].

Исходя из неудачного опыта прихода во власть «младотюрков», интерес представляет современное взаимоотношение политической элиты и бизнес-элиты. По мнению экспертов, в политической сфере на сегодня

бизнес-деятели имеют значительное, но ограниченное влияние, что нашло отражение в рейтинге бизнесменов и топ-менеджеров по итогам 2002 г. По средней величине оценки степени влияния можно говорить о том, что представители бизнес-элиты не обладают тем ресурсом, с помощью которого они могли бы накладывать вето на принятие решений государственной важности. Вместе с тем относительная стабильность присуща рейтингу бизнес-элиты, является для них основой для продвижения, лоббирования того или иного постановления.

Лидером рейтинга по показателям влияния и перспективности является первый вице-президент ЗАО НК «КазМунайГаз» Т.Кулибаев (6,85 балла). Далее пятерку влиятельных бизнес-деятелей составляют: председатель совета директоров Евразийского банка А.Машкевич (6,25), председатель правления «Казкоммерцбанка» Н.Субханбердин (5,12), президент ЗАО НК «КазМунайГаз» Л.Киинов (4,62), а также один из менеджеров этой компании К.Сатыбалды (4,58). Эти данные показывают, что в этой группе элиты на первых ролях находятся представители бизнеса, основанного на добыче и переработке природных ископаемых, а также банковской сферы [20].

Отличительной особенностью рейтингов общественных деятелей является степень соотношения уровня влияния и известности в пользу второго. Это свидетельствует об отсутствии реально-действенных рычагов механизма воздействия со стороны гражданского общества на процесс принятия политических решений. Первая пятерка по степени влияния выглядит следующим образом: Д.Назарбаева (6,42), С.Абдильдин (3,93), С.Терещенко (3,62), У.Джандосов (3,58), Б.Абилов (3,53) [21].

Отдавая должное репутационному методу, согласно которому эксперты определяют самых влиятельных политиков, все же нужно признать, что наиболее влиятельным, консолидирующим и контролирующим фактором по отношению к элите выступает persona Президента РК Н.Назарбаева. Как уже отмечено, это было достигнуто за счет принятия в августе 1995 г. новой Конституции, перераспределившей властные ресурсы от всех трех ветвей власти к Президенту. Это закрепило за ним доминирующее положение в политико-властной системе, обеспечив его эффективными механизмами воздействия на все государственные структуры.

После неудачного эксперимента с вхождением во власть представителей бизнес-элиты, начиная с 2000 г., Президент существенно укрепил свое положение и статус исполнительной власти в политико-властной системе Казахстана. Сегодня специфика государственной кадровой политики отличается жесткой централизацией. На высшем уровне, включающем Администрацию Президента, правительство, центральные исполнительные органы, акимов областей, национальные компании, дипломатический корпус и т.д., она определяется исключительно волей одного лица – Президента страны. В этих условиях Президент вынужден определенным образом дистанцироваться от групп давления, их политической и экономической деятельности, чтобы сохранить за собой статус общенационального и надэлитного лидера [22].

Посредством проведения структурно-организационных преобразований в системе государственной власти и управления и соответствующих им либо проводимых отдельно от них кадровых перестановок Президенту не только удалось установить баланс между различными довольно влиятельными внутриэлитными группами, но и закрепить свое доминирующее положение над всеми ними. В целом можно отметить, что в результате кадровых назначений в последние два года наметилась тенденция сплочения ближайшего окружения Главы государства и активное укрепление ее рядов наиболее надежными и проверенными кадрами. Незначительные кадровые рокировки могут свидетельствовать о надежности и устойчивости в верхних эшелонах власти [23].

При рассмотрении особенностей формирования политической элиты мы не могли обойти дискуссионный вопрос о роли трайбализма и жузового фактора в процессах элитообразования. Ряд исследователей считает, что этот фактор является одним из ключевых при рекрутировании политической элиты [24]. Однако мы придерживаемся точки зрения о том, что на нынешнем этапе для Казахстана свойственно вытеснение системы клановых отношений клиентарно-патрональными связями. Эта точка зрения основана на результатах исследований и экспертных опросов, согласно которым наличие родственной, жузовой или региональной принадлежности не играет такой значительной роли, как принадлежность к какому-либо клану и строгая лояльность патро-

ну. При формировании политической элиты решающее значение имеют патронально-клиентальный и финансово-экономический (фактор представительства во властных структурах интересов финансово-промышленных групп) факторы [25].

Таким образом, в настоящее время жужово-родовая разбивка казахстанского общества постепенно теряет свою актуальность как политический институт и не оказывает сильного влияния на политическое состояние общества, и прежде всего на процесс рекрутирования высшего эшелона власти [26].

Теперь, после рассмотрения основных тенденций элитообразования в 1991–2002 гг., постараемся ответить на вопрос – произошла ли смена политической элиты в постсоветский период? По нашему мнению, при ответе на этот вопрос мы должны учитывать, что в рассматриваемый период в республике сложилась смешанная модель рекрутирования. Это обусловлено использованием старых номенклатурных методов рекрутирования, относящихся к системе гильдий, а также с появлением новых каналов вертикальной мобильности через представительные органы власти, что более характерно для антрепренерской системы.

Другим важным моментом при ответе на предыдущий вопрос является то, что необходимо определить критерии смены политической элиты. Когда мы можем говорить, что произошла смена элиты – в случае, когда полностью изменился персональный состав элиты или же когда произошла последовательная смена поколений и была сохранена преемственность власти? По нашему мнению, в случае с казахстанской элитой нужно за основу брать персональный состав политической элиты.

Если рассматривать центральную политическую элиту периода первого правительства (1991–1994 гг.), то на 1 января 2003 г. во властной обойме на постах первых руководителей из 69 человек остались лишь Н.Абыкаев, Ж.Туякбай, В.Школьник. Сама по себе эта цифра свидетельствует о происходящих процессах смены политической элиты. По мнению Р.К.Кадыржанова, в новейший период в Казахстане произошла смена элит. Новая элита, несмотря на то, что три четверти ее состава вышло из прежней партноменклатуры, практически полностью изменила свой персональный состав по сравнению с элитой начала 80-х годов. В результате

появления новых элитных групп изменилась и сама структура элиты [27].

Согласно исследованиям А.К.Тулегулова, постсоветская казахстанская политическая элита в начале 1998 г. была представлена тремя группами. Первая группа состояла из «старой» номенклатуры, начавшей свою карьеру еще при Брежневе и составляющей в нынешнем правящем слое большинство (64,4%). Вторую группу (9,7%) составляют те, кто пришел во властные структуры в период горбачевской перестройки и первой волны демократизации политической системы. Третья группа, не имеющая партийно-номенклатурного опыта, составляет четверть нынешней элиты (25,9%), которая вошла в большую казахстанскую политику после обретения страной независимости [28].

Проведенный анализ биографий политической элиты позволяет нам говорить о том, что персональный состав политической элиты к 2003 г. претерпел значительные изменения. В то же время нужно отметить, что в постсоветский период не произошло радикальных и качественных изменений в структуре самой политической элиты. В ее основе по-прежнему преобладают представители номенклатуры.

Это подтверждается результатами выборов в верхнюю палату казахстанского парламента в начале октября 2002 г., ставшими первыми в новом электоральном цикле (2002–2006 гг.), которые также не внесли кардинальных изменений в возрастную структуру политической элиты страны. Средний возраст избранных сенаторов составил 53,9 лет. Возраст самого молодого сенатора составил 41 год, самого старшего – 62 года. Даже с учетом того, что верхняя палата считается традиционно возрастной, эти показатели свидетельствуют о сохранении тенденции присутствия во власти возрастных политиков [29].

Таким образом, мы зафиксировали высокий уровень воспроизводства политической элиты в Казахстане. Полученные данные позволяют утверждать, что изменение социального порядка, перехода к рыночной экономике не столько открывают новые возможности для вертикальной мобильности вхождения в элиту аутсайдеров, сколько представляют бывшей советской правящей элите альтернативные возможности для сохранения своего статуса, престижа и привилегий в обществе.

Выводы отечественных исследований подтверждаются результатами изучения политической элиты России, демонстрирующими преемственность прежних элит в постсоветской элите, согласно которым около 80% нынешней правящей элиты занимало элитные и «предэлитные» в конце 80-х годов [30]. Сравнивая некоторые качества советской и постсоветской элит, необходимо отметить присутствие новых моментов в характере правящей элиты, выразившейся в омоложении политической элиты. Так, средний возраст элиты брежневского периода составил 56,6 года, горбачевского периода – 52,2 года, ельцинского периода – 48,5 года [31]. Как мы видим, портрет постсоветской политической элиты Казахстана и России во многом схож, и он показывает весьма высокий уровень воспроизводства элит.

Таким образом, говоря о процессах элитообразования в 1991–2002 гг., нельзя утверждать, что с обретением суверенитета в Республике Казахстана произошла смена политических элит. При этом основанием для такого вывода служит тезис о необходимости различения и разграничения понятий «смена элит» и «трансформация элит». В первом случае понимается радикальная смена социальной базы элиты, смена правящих классов, а во втором – значительные сдвиги в структуре элиты, связанные с увеличением каналов рекрутирования в политическую элиту, что влечет за собой повышение уровня мобильности в нее представителей других страт общества.

Проведенный анализ структуры современной казахстанской политической элиты свидетельствует, что в постсоветский период более объективно говорить о процессах

трансформации политической элиты, чем о смене элит. В этот период происходят серьезные изменения в структуре элиты, повлекшие уход с арены политики последних представителей поколения первого эшелона кунаевской элиты. На 1990-е годы приходится приход к власти назарбаевской элиты, представленной в лице второго и третьего эшелонов кунаевской элиты, которая сейчас занимает ведущие роли в руководстве республикой. В целом в 1991–2002 гг. в Казахстане произошла трансформация политической элиты в рамках старого качества, ставшая следствием изменения соотношения сил различных группировок внутри политической элиты.

Завершая статью, необходимо резюмировать, что после демонтажа советской номенклатурной системы в Казахстане экспериментальным путем была выработана модель кадровой политики, где определяющая роль принадлежит Президенту Н.Назарбаеву, которая способствовала приходу во власть качественно новой генерации политиков. В результате появления новых каналов привлечения элиты была выработана смешанная модель рекрутирования политической элиты, благодаря которой удалось сохранить преемственность, эволюционность, консервативность и стабильность процессов элитообразования. Рубеж XX и XXI вв. отмечен тенденцией постепенного омоложения состава политической элиты. Очевидно, что при благоприятном стечении обстоятельств в среднесрочной перспективе произойдет эволюционный приход к власти второго и третьего эшелона назарбаевской элиты, становление карьеры которой приходится на период независимого Казахстана.

Литература

1. Ашимбаев Д.Р. Кто есть кто в Казахстане: биографическая энциклопедия. Изд. шестое, доп. – Алматы: ИД «Credo», 2002. – 519 с.
2. Тулегулов А.К. Рекрутирование политической элиты в условиях трансформации переходного общества: Дисс. ... канд. полит. наук. – Алматы, 1998. – 154 с. – С. 76.
3. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. – Алматы: Институт философии и политологии МН и ВО РК, 1999. – 166 с. – С. 69.
4. Там же. – С. 73.
5. Малахова О. Обручились // Новое поколение. – 31 января 2003.
6. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана... – С. 70.
7. Статистический ежегодник Казахстана: Статистический сборник / Под общ. ред. А.Смаилова. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2002. – 588 с. – С. 18.
8. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана... – С. 75.
9. Там же. – С. 69.
10. Хе О. Большинство правительственных чиновников – женщины // Панорама. – 7 марта 2003.
11. Умбеталиева Т.Б. Экономическая элита Казахстана на современном этапе // Казахстан-Спектр. – 2002. – №2. – С. 44–53. – С. 49.

12. Там же. – С. 49–50.
13. Ашимбаев Д.Р. Кадры решают все: Плюс олигархизация всей страны... // Континент. – 2002. – №8. – С. 19–21. – С. 21.
14. Илеуова Г.Т. Не унесенные ветром // Технологии управления. – 2002. – №7-8. – С. 2–6. – С. 5.
15. Оценка деятельности правительства Республики Казахстан // Сайт в Интернете: www.caaprg.kz/show.php?kza270103-01.htm
16. Нысанбаев А.Н., Машан М.С., Мурзалин Ж.А., Тулегулов А.К. Эволюция политической системы Казахстана: В 2 т. – Алматы: Казак энциклопедиясы, 2001. – Т. 2. – 544 с. – С. 505–516.
17. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана... – С. 69–75, 92–93.
18. Тулегулов А.К. Рекрутирование политической элиты... – С. 19.
19. Марченко набрал обороты, но Абыкаев и Тасмагамбетов не сдаются (Итоговый рейтинг политиков за 2002 г.) // Мегapolis. – 16 января 2003.
20. Кулибаев пока впереди, но Машкевич пребывает на вторых ролях не собирается (Итоговый рейтинг бизнесменов и топ-менеджеров за 2002 г.) // Мегapolis. – 23 января 2003.
21. Итоговый рейтинг общественных деятелей в 2003 г. // Сайт в Интернете: www.caaprg.kz/show.php?kza150103-01.htm
22. Аналитический доклад о возможных вариантах передачи власти в Казахстане / Сайт в Интернете: www.caaprg.kz/show.php?kza231002-01.htm
23. Очередная кадровая рокировка по-казахстански / Сайт в Интернете: www.caaprg.kz/show.php?kza3105-01.htm
24. Амрекулов Н.А. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3. – С. 131–146; Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: Клановая принадлежность и внутриаэтническое соперничество // Вестник Евразии. – 1996. – №1. – С. 46–61; Хлюпин В., Грозин А. Кочевые элиты постсоветской Азии // Мегapolis. – 4 июля 2001.
25. Элиты Казахстана и Кыргызстана: трайбализм по-центральноазиатски? // Центральная Азия: политика и экономика. – 2001. – №1. – С. 12–13.
26. Умбеталиева Т.Б. Явление трайбализма в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – №3. – С. 35–46. – С. 45.
27. Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана... – С. 76.
28. Тулегулов А.К. Политическая элита Казахстана: анализ биографий // Саясат. – 1998. – №1. – С. 33–39. – С. 33–34.
29. Сообщение Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан об итогах выборов депутатов Сената Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 11 октября 2002.
30. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Т.Заславской, Л.Арутюнян. – М.: Интерпракс, 1994. – 320 с. – С. 151–155. – С. 150, 155.
31. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 51–61. – С. 61.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР УЧАСТИЯ В МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Калетаев Д.А.

Государственная молодежная политика – это обоюдный процесс. Ее результативность зависит не только от готовности государства поддержать и помочь детским и молодежным организациям всеми имеющимися у государства ресурсами. Разработанные и продуманные правила и процедуры государственного регулирования молодежной политики должны опереться на инициативу, исходящую снизу, т.е. со среды самой молодежи. В противном случае мы сталкиваемся с простым декларированием моло-

дежной политики, а благие инициативы государства либо не находят должного применения, либо превращаются в деформацию молодежной политики, приводят к отходу от декларируемых целей.

Все это говорит о том, что государственная молодежная политика в самом настоящем смысле этого слова подразумевает под собой сложный, многоуровневый процесс, где эффективность ее осуществления тесно связана с обратной связью между властью и населением.

Настоящая статья посвящена выявлению того, как влияют ценностные ориентации казахстанской молодежи на участие в деятельности молодежных общественных объединений, как связаны политические ценности молодежи с поддержкой курса государства в области молодежи.

Необходимость такого анализа продиктована важностью этого аспекта исследования. Действительно, в условиях демократических преобразований, когда провозглашается свобода выбора каждого гражданина принимать или не принимать участие в работе общественной организации, многое зависит от предпочтений самого индивида. То что молодежь находится в авангарде общественных преобразований, говорит о большей приверженности молодых людей новым идеям. Привлекательные у нынешнего молодого поколения либеральные ценности индивидуализма, свободы убеждений не могут не отразиться на тенденции развития общественных организаций молодежного толка.

Добровольность, а не обязательность участия в работе общественной организации – вот, пожалуй, главная характеристика, которая отличает современные молодежные организации от привычных в недалеком прошлом структур, таких, как комсомольские организации.

В этих условиях ценностные предпочтения и ориентации молодежи образуют серьезную область для научного исследования. Объективная оценка состояния дел в этой сфере играет весомую роль. Это поможет коррекции курса молодежной политики государства, его максимальному приближению реальному положению дел, чаяниям и нуждам молодого поколения.

Для этого необходимо обратиться к строго научному арсеналу социологического исследования. В рамках настоящей статьи мы намерены привести данные опросов по многим аспектам отношения молодежи Казахстана на участие в работе молодежных общественных организаций. Как будет показано ниже, ориентации молодежи в этом вопросе тесно связаны и с общим отношением молодых граждан к политике, к государственной и политической элите, к вопросу участия в работе демократических институтов современного Казахстана. Рассмотрим последовательно указанный круг вопросов.

Значение указанных аспектов особенно важно в современных условиях. В период

широкомасштабных демократических реформ у молодых людей вырабатывается свое отношение к области политических отношений.

Можно выявить следующую закономерность. Появление новых демократических институтов, правил и процедур рекрутирования элиты не может не отразиться на отношении молодежи к активной общественно-политической жизни. Видя перспективы того, что через эти каналы можно отстаивать свои интересы, молодые люди склонны обратиться к доступным для них рычагам их артикуляции. Самыми распространенными каналами в этом случае оказываются каналы молодежных общественных объединений. По нашему мнению, так можно объяснить привлекательность идеи участия в молодежном движении среди молодого населения, которая доминирует над готовностью участия в деятельности политических организаций.

Анализируя политические пристрастия молодежи республики, стоит отметить, прежде всего, что уровень общественно-политической активности и участия казахстанской молодежи в политике в значительной степени обусловлен общей информированностью политическими событиями, происходящими в стране.

Согласно результатам социологического опроса [1], только около третьей части (28,7 процента) молодежи постоянно интересуется политикой в ее полном смысле слова. В преобладающей степени к ним относится молодежь столицы (34,4 процента), юноши и девушки старшей (26–29 лет) – 32,3 процента и младшей возрастной группы (15–18 лет) – 28,6 процента, а также представители молодежи из числа казахской национальности (35 процентов).

Доминирует, однако же, по численности молодежи, интересующаяся политической жизнью общества от случая к случаю (44,4 процента). По данному параметру также наблюдается зависимость интереса к политике от возраста.

Не интересуется политикой совсем пятая часть молодого поколения. Социальный спектр данной категории молодежи представлен в большей мере сельской молодежью (23 процента), представителями русской национальности (25 процентов).

Таким образом, настоящая ситуация характеризуется некоторой апатичностью молодежи, инертностью, индифферентностью и нейтральностью к политическим со-

бствиям государства, гражданами которого они являются.

Очевидно, политически аномичное состояние молодежи в некоторой степени обусловлено концентрацией на личных проблемах, индивидуализацией сознания и образа жизни, когда личное участие переосмысливается с учетом собственных интересов и новых потребностей личности.

Отсутствие обычных признаков интереса к политике у значительной части молодежи, тем не менее, не означает отсутствие определенных политических ориентаций, которые существуют на уровне тенденций.

Достаточно ясны несколько направлений в политических предпочтениях молодежи. Это не выражается в твердой ориентации на какие-либо конкретные политические партии, а прослеживается в характере отношения данных политических субъектов к экономическим реформам, оценке места государства в осуществлении преобразований.

Около десятой части молодежи сохраняет в сознании традиционные для советского общества эгалитарные ценности и испытывает трудности в адаптации к новой экономической и политической реальности. В значительной степени такие ориентации распространены среди молодежи Карагандинской (22 процента), Алматинской (15,5 процента) и Павлодарской (10,9 процента) областей.

Необходимо отметить, что наиболее выражены среди молодежи демократические ориентации. Более пятой части (21,8 процента) молодежи поддерживает идеи следования пути капиталистических стран, добившихся высокой социальной защищенности граждан, широкой свободы предпринимательства и частной собственности. Приблизительно в этих же границах (20,5 процента) доля молодежи, предпочитающая гармоничное сочетание государственного регулирования и рынка.

Ориентированы на особенный национальный путь развития 5,1 процента юношей и девушек. Доля молодежи казахской национальности в данной группе превышает остальные национальности в два раза.

Для 3 процентов молодежи более приемлемым является путь на основе моральных и религиозных принципов. Морально-религиозной ориентации придерживается больше молодежь Жамбылской, Кызылординской, Мангыстауской областей, удельный вес по данной позиции составляет соответ-

ственно 6,3 процента, 5 процентов и 6 процентов от общего числа опрошенных.

Таким образом, самые различные ориентации в большей мере характеризует формирующееся первое посткоммунистическое поколение.

Под влиянием рыночных преобразований сформирован особый, автономный и мощный пласт политической культуры молодежи, стержневым течением которого является либерально-демократическая ориентация.

Дисперсия и распыление молодежи по всем видам политической ориентации на идеи той или иной политической партии или движения, очевидно, связаны с желанием и попытками молодежи к консолидации через различные формы сотрудничества, отождествлению с различными организациями. Хотя намерение и действие могут существенно отличаться, факт, что такое намерение возникло, сам по себе знаменателен. Данное обстоятельство отражает современную, более прогрессивную модель молодежного сознания, наиболее приближенную к жизненному миру молодежи.

Последние два года отечественной истории были чрезвычайно насыщены политическими событиями. Это выборы Президента страны, выборы представительных органов власти на всех уровнях. Политические ориентации молодежи Казахстана, испытав сильный прессинг этих в полном смысле слова исторических коллизий, существенно изменились.

Конечно, молодежь среди остальной части населения выступает наиболее прогрессивной силой, способной быстрее воспринять новые ценности. В этом смысле государство как главный субъект модернизации Казахстана может своими действиями укрепить и расширить зарождающиеся ростки политической активности молодежи. Предпринимаемые меры необходимо наполнить реальным конкретным содержанием, чтобы они не носили характер кампанейщины, а стали долговременным, целенаправленным и поступательным курсом государства.

Следующим аспектом изучения мы назвали отношение молодежи к политической элите.

Действительно, анализ социально-политической ситуации во многом определяется детерминантами оценочных суждений субъектов власти. Уровень поддержки или противопоставления курсу реформ в значительной

степени сопряжен с оценкой или степенью поддержки деятельности властно-политической элиты.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о некоторых тенденциях нарастания отчужденности молодежи от властных структур и одновременно указывают источники этой отчужденности [2]. Данные опроса красноречиво свидетельствуют о том, что в целом политическая элита непререкаемым авторитетом у молодежи не пользуется.

Наибольший коэффициент полного доверия молодежи принадлежит Президенту РК, менее всего – депутатам региональных представительных органов власти.

Острокритическое отношение выражено по отношению к представительным органам власти как на высшем республиканском уровне, так и на местном.

Низкая шкала показателей по молодежной возрастной группе в определенной степени зависит от того, насколько был оправдан их выбор, вернее, от неуверенности, что будущее Казахстана зависит в значительной степени от избранного состава нового Парламента РК. Это подтверждалось и результатами исследования [3].

Поствыборное исследование политических позиций молодежи выявило то, что надеялось на результативность деятельности будущего Парламента около четвертой части молодых избирателей, было не уверено, что состав будущего представительного органа повлияет на будущее страны – 47,8 процента молодежи, свое однозначно негативное отношение выразило 14,4 процента молодежного электората.

Как видим, настоящие оценки были предопределены еще до выборов.

Таким образом, еще раз подтверждается тезис о возрастании индивидуализации сознания молодежи, когда молодежь в большей мере опирается на веру в собственные силы, утрачивает таковую по отношению к власти по причине невнимания со стороны властных структур к проблемам молодежи.

Среди основных причин, детерминирующих негативное отношение молодежи к властно-политической элите, доминируют: коррупционность власти на всех уровнях (37,2 процента), политическая пассивность населения (31 процент), некачественность Правительства РК (31,8 процента), некачественная деятельность чиновников на местах (26,7 процента).

Значительная дифференциация оценок деятельности властно-политической элиты, очевидно, обусловлена неприятием молодежью политики в ее традиционном, классово-управленческом, надличностном виде и возрастании значимости для молодежи роли частной, приватной жизни. В конечном итоге наблюдается несомненный рост отчужденности молодежи от властных структур и от реальной власти. Так, в нынешнем Парламенте РК нет ни одного кандидата в возрасте до 30 лет, на уровне областных (городских) маслихатов молодежь представлена только 12 депутатами.

Таким образом, анализ показывает, что власти постепенно отдаляются от молодежи, а молодежь все больше дистанцируется от власти. Для молодежи сегодня нет ни одного государственного, социального, экономического или политического института, чья деятельность вызвала бы полное доверие у представителей молодого поколения.

Следующим критерием анализа мы определили общественно-политическую активность, т.е. участие молодежи в процессе принятия политических решений.

Политический статус молодежи определяется возможностями влияния на расстановку политических сил, взаимодействие или конфронтацию, достижение своих целей в вопросах получения доступа к политической власти, ее осуществления, удержания, упрочения, перераспределения.

Одним из показателей развития демократического общества является не только отражение в общественном сознании молодежи политической реальности, но и степень личного участия и активности в политической жизни страны.

Как показывает практика, современная молодежь отстранена от процессов реального участия в политике, в управлении государством, что чревато развитием деструктивных процессов в общественном сознании и поведении молодежи.

Так, как отмечалось ранее, молодежь вообще не представлена в центральном представительном органе власти и представлена, но незначительно, в областных Маслихатах.

В то же время, принимая идеи демократического общества, молодежь старается реализовать свое право на участие в управлении этим обществом. Заметна тенденция выбора молодыми людьми такого политического участия, который основывается на

реализации гражданских прав и обязанностей (в том числе избирательного права).

Электоральная активность молодежи на прошедших выборах Президента РК имела внушительные показатели. Широкомасштабная акция «Мы знаем, кого выбираем» в значительной степени мобилизовала электоральную активность молодежи. Объяснить столь резкое изменение электорального поведения лишь интенсивностью проводившейся предвыборной кампании нельзя. Здесь прослеживается другая тенденция, которая характеризует формирование осознанной гражданской позиции и линии политического поведения.

В то же время на парламентских выборах молодежь показала значительно меньшую электоральную активность. Как показали результаты поствыборного социологического исследования, только 23,2 процента опрошенной молодежи выполнило свой гражданский долг и участвовало в выборах.

Снижение интереса к выборам представительных органов власти со стороны молодежи во многом связано с падением роли представительных органов власти в политической жизни, вернее низким уровнем доверия к ним со стороны населения. Снижение роли Парламента в политической жизни Казахстана сказалось на отношении населения к этому органу власти.

Немаловажное значение имели и программы кандидатов в депутаты. Общие фразы поддержки молодежи, мер по ее социальной защите и т.д., без определенного механизма реализации, без концептуальной основы не могли заинтересовать молодое поколение. В силу того, что у нее уже имеется опыт участия в процессах принятия политических решений, значительная часть молодежи приняла вполне осознанное решение игнорирования выборов представительных органов власти.

В условиях трансформации политической системы, формирования многопартийности, являющейся одним из признаков гражданского демократического общества, поиск собственной позиции достаточно четко прослеживается по линии отнесения себя к какой-либо политической силе, идентификации с ней. Как показали результаты опроса, молодежь особо не спешит вступать в политические партии и организации (56 процентов) [4].

Таким образом, молодое поколение в основной массе дистанцируется от возмож-

ности участия в активной политике, а конкретнее, посредством деятельности в политических организациях, предпочитая, видимо, другие формы проявления данной активности, с соответствующими побудительными мотивами.

Данная тенденция, на наш взгляд, связана с недостаточно развитой политической культурой не только молодежи, но и всего общества в целом.

В то же время нельзя не отметить, что оценки молодыми людьми происходящих в стране процессов становятся все более взвешенными и спокойными, а политическая позиция – более зрелой и рациональной. Это проявляется через осознание своих прав, свобод и обязанностей как реальных средств влияния на развитие событий в стране. Так, готовы принять участие в активных формах протеста при ущемлении своих интересов 43,7 процента молодого поколения.

Как показали результаты опроса [5], в политическом сознании молодежи, похоже, заметился позитивный сдвиг, когда наиболее продуктивным способом общественного воздействия по защите гражданских прав для молодежи стали не силовые методы или акты гражданского неповиновения, а мирные цивилизованные средства решения возникающих противоречий и проблем. Результаты опроса наглядно свидетельствуют о том, что доминирующим способом общественного воздействия в отстаивании собственных прав для молодежи видится участие в митингах, демонстрациях, забастовках (21,2 процента).

В этом вопросе доминирующая часть молодежи достаточно единодушна и постоянна. Также наиболее разумными способами достижения целей они считают обращение в суд (18,8 процента), переговоры и взаимные консультации (13,8 процента), письма в органы власти с внесением конструктивных предложений (14,9 процента), участие в выборах и референдумах (10,8 процента).

Массовые политические акции молодежи возможны при обострении экономических, трудовых отношений, социальной сферы, ущемлении гражданских прав. Увеличение их доли может быть обусловлено, очевидно, ухудшением статусных позиций молодежи или малой результативностью ранее применяемых способов в отстаивании собственных гражданских прав.

Силовые способы разрешения ситуации предпочитает только 5,4 процента молодых людей.

Подводя итоги данной статьи, необходимо отметить, что в современных условиях причины принятия или непринятия молодежью идеи участия в общественном объединении уходят корнями и к различным аспектам политического сознания молодежи. Изучение политических пристрастий молодого населения выявило тенденцию стремления молодежи к самоорганизации, которая разворачивается одновременно с тенденцией многополюсности в политическом сознании молодежи. Анализ отношения молодежи к политической элите говорит о том, что власти постепенно отдаляются от молодежи, а молодежь все больше дистанцируется от власти. Также молодое поколение в основной массе дистанцируется от возможности участия в активной политике путем членства в политических организациях.

В то же время отрадно отметить, что оценки молодежью происходящих в стране процессов становятся все более взвешенными, а политическая позиция – зрелой и рациональной. Данная тенденция проявляется через осознание ими своих прав, свобод и обязанностей как реальных средств влияния на развитие событий в стране.

Государство располагает необходимыми рычагами и ресурсами для укрепления

и расширения зарождающихся ростков политической активности молодежи. Нужно добиться того, чтобы предпринимаемые меры наполнялись реальным содержанием, чтобы они не носили характер кампанейщины, а стали долговременным, целенаправленным и поступательным курсом государства.

Однозначно, что становление института организованного молодежного движения в современных условиях Казахстана составляет необходимый компонент более активного включения молодежи в общеполитический процесс. Активные шаги к формированию молодежных организаций должны предприниматься со стороны государственных органов. Многие появившиеся молодежные движения и объединения не обладают достаточными ресурсами для широкомасштабного развертывания своей деятельности. Объединение усилий государства, финансовых структур и молодежных общественных организаций создало бы реальные и действенные предпосылки для вовлечения казахстанской молодежи в общественно-политическую жизнь. Это в конечном счете привело бы к формированию у подрастающего поколения активных жизненных позиций по широкому кругу вопросов.

Литература

1. Казахстанская молодежь на рубеже веков (опыт социологического исследования). – Астана: Елорда, 2000. – С. 91–94.
2. Там же. – С. 95–98.
3. Молодежь Казахстана: социальное самочувствие. Основные тенденции развития политической культуры // Аналитический отчет по итогам республиканского социологического исследования «Казахстан накануне выборов». – Астана: Департамент внутренней политики МКНОС РК, 1999.
4. Там же.
5. Казахстанская молодежь на рубеже веков... – С. 105–108.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Тулупбаев К.М.

В настоящее время практически во всех странах мира пенсионное обеспечение стало нормой, охватывающей всевозрастающую часть населения. Судя по литературным данным, так было не всегда: взглядам на пенсию как нечто обязательное и всеобщее – не более двухсот лет. В 1790 г. Французская революция впервые распространила пенсионное обеспечение на всякого, «кто служил своему отечеству, защищал, просвещал или прославлял его, дал пример личной преданности общественному благу». Через столетие в Германии общенемецкими законами было установлено, что получателями пенсий являются все государственные служащие (включая учителей), прослужившие не менее десяти лет, и что основанием для получения пенсии является медицински установленная неспособность исполнения своей деятельности. В царской России с середины прошлого века пенсию могли получать все чиновники и военнослужащие после окончания установленного срока службы или по инвалидности, причем общим источником этих пенсий являлась госказна; с этого же времени получили распространение «пенсионные кассы» – прообраз современных профессиональных фондов, существенно дополнявшие государственные пенсии (подобные кассы создавались во Франции, Англии и в Германии). В советский период источником пенсий являлись «общесоюзные общественные фонды потребления», а все население обрело возможность получения пенсий с 1964 г., когда был принят Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов.

Большинство исследователей пенсионное обеспечение чаще всего рассматривают в узком смысле как политику государства, стремящегося обеспечить приемлемой пенсией население страны. В нашем понимании система пенсионного обеспечения органично и как один из формирующих элементов встраивается в систему более высо-

кого ранга, называемую «социальная защита», а та в свою очередь – в систему «воспроизводство трудоспособного населения», являющуюся частью социально-экономической системы. Такая взаимозависимость и взаимообусловленность социально-экономических систем разного уровня предопределяет предпочтительность самостоятельности предмета пенсионного обеспечения. Предмет «негосударственное пенсионное обеспечение» – это наука о деятельности негосударственного пенсионного фонда и иных финансовых организациях, действующих как некоммерческие специализированные организации (институт) социального обеспечения, отражающих реалии рыночной экономики, и как финансовый институт контрактно-сберегательного типа.

Пенсионное обеспечение является элементом экономической инфраструктуры общества, а услуги, предоставляемые негосударственными пенсионными фондами, могут быть представлены как потребительский товар и бесспорно являются экономической категорией. Категория «негосударственное пенсионное обеспечение» обобщает определенные социально-экономические отношения страховой формы пенсионного обеспечения населения. Для раскрытия его экономических явлений необходимо выявить основополагающие понятия и, в частности, вопросы сущности, принципов, методов и направлений развития, а также потребности практики по оперативной разработке конкретных мер для стабилизации и повышения уровня жизни всех категорий пенсионеров в условиях рынка. То есть категория выражает целенаправленное резервирование капитала в негосударственных пенсионных фондах и иных финансовых организациях для обеспечения человека в пенсионном возрасте или наступления иных оснований для пенсионных выплат пожизненного стабильного дохода. Негосударственный пенсионный фонд (НПФ) – юри-

дическое лицо, действующее как специализированная организация социального обеспечения, осуществляющая аккумулирование денежных средств и их использование для выплаты пенсий вкладчикам/получателям, основанная на страховом принципе – эквивалентности пенсионных взносов и пенсионных выплат. Эта система представляет собой механизм образования и использования денежных средств граждан, отложенных для потребления в нетрудоспособном возрасте.

Следует отметить, что в теоретико-методологическом аспекте проблема выбора пенсионной системы для любой страны относится к стратегическим, базисным, затрагивающим жизнедеятельность нескольких поколений. Отсюда вытекает особая сложность ее решения. Важно для начала выделить ряд принципиальных условий, во многом определяющих возможности выбора пенсионной модели. Что такое модель?

В нашем понимании модель пенсионного обеспечения представляет перераспределительную, накопительную или комбинированную распределительно-накопительную систему с финансовым обеспечением, регулирующуюся с помощью правовых, политических, социальных и экономических механизмов по обеспечению устойчивости пенсионной системы и достойной старости населения. Субъектами таких взаимоотношений выступают: государство, работодатели, наемные работники (граждане). В этой системе, кроме выработанных методов реализации прав и обязанностей, определенное влияние оказывают социальные нормы поведения и общины (мировоззрение, менталитет, быт, традиции, культура).

Важнейшее из них касается детерминированности пенсионной системы сложным комплексом экономических, социальных, исторических, культурных характеристик жизнедеятельности общества в их развитии. Когда идет речь о выборе модели и форм национальной пенсионной системы, недопустимо абстрагироваться от экономической и социальной ситуации, не учитывать возможные сценарии ее развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Поэтому такой выбор в сущности своих характеристиках не произволен и не может быть осуществлен «с чистого листа».

Формирование приемлемых для страны моделей национальных пенсионных систем, выработка их качественных и количествен-

ных характеристик возможны лишь как результат общественного согласия по поводу распределительных отношений (соотношения величин заработной платы и пенсий, степени их дифференциации), а также по способам и формам проведения социальной политики (покупательной способности пенсий, возрасту выхода на пенсию). Такое согласие складывается под влиянием экономических и социальных реальностей, культурных и национальных традиций той или иной страны. Но общим и безусловным требованием для любой пенсионной модели является создание государством правовых, организационных и экономических условий, обеспечивающих сохранение (согласно общественному договору) приобретенных работниками прав на пенсию.

Понятно поэтому, что пенсионная система по самой природе своей предполагает устойчивость и консерватизм (трактуемый в данном случае как положительное качество, как стабильность в фиксации и законодательном закреплении количественных и качественных определителей и норм пенсионных прав застрахованных). Реформирование же базовых механизмов этой системы означает изменение условий приобретения прав на пенсию, т.е. фактически коренное изменение общественного договора, законодательная форма которого закреплена конституционно и во всей системе законов, регулирующих функционирование пенсионной системы. Радикально перестроить последнюю, не затрагивая всего круга фундаментальных социально-экономических составляющих жизни общества, невозможно.

С некоторой долей условности можно выделить три «классические» модели национальных пенсионных систем, известных истории XX века. Между собой модели различаются тем, какой из правовых институтов пенсионного обеспечения в ней доминирует.

Первая модель Бевериджа, известная как план лорда Бевериджа. Ей присуще включение бюджета социального страхования в систему государственных бюджетов. Английская концепция всеобщего социального страхования, на которой был основан план Бевериджа, приобрела большую популярность в трудные годы после второй мировой войны в Европе и была реализована, хотя и не полностью, в соответствующем Законе 1946 г. Главная идея данной модели состояла в гарантированном обеспечении государ-

ством минимальной пенсии по старости на основе уплаты единых пенсионных взносов. Если в немецкой, французской и американской пенсионных системах как взнос, так и пенсия зависят от заработков застрахованного (до определенной верхней границы), то в английской системе была заложена эгалитарная концепция основных пенсионных выплат. Такая концепция была воспринята в 1946 г. Швейцарией и в 1947 г. – Голландией.

План Бевериджа соединил в себе два принципа из двух разных экономических доктрин. С одной стороны, он находился под влиянием концепции Кейнса о стабилизирующем воздействии государственной системы социального обеспечения на экономическую систему. С другой – воплощал либеральный принцип, согласно которому государство должно свести свое вмешательство к минимуму. Применительно к пенсионному страхованию это означало гарантирование минимального уровня выплаты (в Швейцарии, например, определенного как прожиточный минимум).

Государственная модель покоится на общей и обязательной пенсионной системе, когда размер пенсии пропорционален размеру заработной платы. Она предполагает философию, состоящую в том, что именно государство должно выплачивать пожизненную пенсию своим гражданам. При этом соотношение между уровнем пенсии и прежней заработной платой не меняется. Лишь небольшое число стран руководствуется этой моделью – Бельгия, Люксембург, Португалия и Испания. Государственная пенсионная система – одна из наиболее сложных проблем этих стран. Особенно Бельгия испытывает трудности, где размер государственного долга и сумм обязательств, взятых государством по пенсионной системе, в 3,3 раза превышает размер ВВП. Это главная проблема, которую необходимо решать, но она считается политически неприкасаемой.

Следует отметить, что модель Бевериджа широко была использована в организации советской системы пенсионного обеспечения. Главное в «советской модели» – тотальная роль государства в деле обеспечения компенсации реализованных социальных рисков. Государство на основе прямого изъятия части доходов предприятий перераспределяет вновь созданную стоимость в общенациональном масштабе, ру-

ководствуясь мотивами не столько страхования, сколько уравнивая материальное положение различных категорий работников и поддержки социально уязвимых групп граждан для обеспечения нормального воспроизводства рабочей силы. Республика Казахстан бремя государственной системы пенсионного обеспечения испытывала до 1998 г.

Вторая модель «бисмаркианская». Основана на принципе сбора страховых тарифов без участия налоговых органов. Более ста лет назад не кто иной, как канцлер Германии Бисмарк, провел через рейхстаг первый в мире Закон о пенсионном обеспечении.

Ядро модели Бисмарка – институт обязательного социального страхования. Эта модель направлена на развитие в сторону смешанной системы (государственная с участием частной системы), на обеспечение страховой эквивалентности системы, на изменение характера государственной системы и поощрение добровольными средствами роста частных пенсий: на уровне предприятий, профессиональными и индивидуальными по мере организации социальных групп и возможностей делать сбережения. Смешанная, т.е. государственно-частная, модель почти в равной пропорции опирается на доходы государственного и частного секторов. Обычно система частного сектора подпадает под жесткое регулирование, на нее распространяются значительные фискальные и финансовые стимулы, она добровольна по характеру и охватывает примерно до 50% населения.

Смешанная модель исходит из необходимости более жесткого соблюдения принципа зависимости назначения пенсии и определения ее величины от вклада в систему – продолжительности периода уплаты пенсионных взносов и размера получаемой заработной платы. Данная философия предполагает соблюдение следующих принципов:

- государство обеспечивает базовую пенсию, дополнительные выплаты зависят от размеров дополнительных сбережений, сделанных пенсионером;

- проводится различие между фиксированной и накопительной пенсиями, причем будущему пенсионеру предоставляется возможность получать пособие через частный институт;

- создается «буферный» (резервный) фонд как противовес государственной пенсии;

- меняются принципы государственной пенсионной системы;

- вводятся фискальные стимулы для перехода от государственной к частной системе пенсионного страхования;

- создается страховой фонд на случай краха частного пенсионного страхования.

Организационно-правовая форма пенсионного страхования строится на принципах обязательной солидарной взаимопомощи работодателей и работников, самоответственности работников по созданию пенсионных фондов, которые бы обеспечивали каждому человеку возможность перераспределять собственный доход в соответствии с различными обстоятельствами своей жизни, т.е. в соответствии с различными социальными рисками (старость, инвалидность, потеря кормильца). Эту модель приняли многие страны (Германия, Греция, Италия, Голландия, Ирландия, Великобритания и США), но почти все они по мере нарастания демографического давления постепенно увеличивают зависимость от частных пенсий.

При всех очевидных различиях моделей Бевериджа и Бисмарка общим моментом является то, что сумма собранных в течение года пенсионных взносов полностью расходуется к его концу на пенсионные выплаты. Эти модели построены, как будто затраты на пенсии – «неизбежное зло», производительно и требуют минимизации. Другими словами, основным источником средств пенсионного обеспечения выступают исключительно доходы от труда работающих граждан в течение данного года. Хотя по внешней видимости часть денежных средств выплачивают предприниматели, данные платежи полностью учитываются в производственных издержках (себестоимости) и по своей природе оказываются вычетом из заработной платы, а не из прибыли (или предпринимательского дохода). Как представляется, охарактеризованные две модели функционируют вполне сносно, пока число нетрудоспособных, в частности пенсионеров и (или) безработных, не превышает некую критическую величину, а нагрузка по выплате пенсионных взносов не становится сопоставимой с налоговым бременем.

Третья модель личного (коллективного) пенсионного страхования (трудозанятого) населения несет черты индивидуальной защиты и противостоит модели Бевериджа с ее государственно-патерналистскими установ-

ками. Введение частной пенсионной системы, определяющей отход от государственного пенсионного обеспечения, предусматривает следующие действия:

- государство обеспечивает выплату пенсий с помощью рыночного механизма и содействует выполнению этой функции;

- роль государства сводится в будущем к предоставлению базовой помощи нуждающимся лицам и предоставлению гарантий на случай краха частной пенсионной системы;

- вводится закон, по которому система становится обязательной для всех, создается регулирующая и институциональная инфраструктура, обеспечивающая функционирование системы.

Позитивной стороной личного пенсионного страхования является сильная индивидуальная мотивация зажиточных слоев населения к накоплению достаточных материальных средств «на старость». Частная (негосударственная) модель – переложение государственной системы пенсионного обеспечения на частные пенсионные фонды под контролем и при поддержке государства. Это накопительная система, которая охватывает всех работающих по найму, построенная на принципе индивидуального финансирования пенсии каждым работником за счет выплаты определенного процента от заработной платы и инвестиционной прибыли. При этом личные пенсионные счета работников являются их собственностью; в случае смерти работника имеющиеся денежные средства переходят их наследникам. Таким образом, частная модель может включать в себя выплаты частного сектора самым нуждающимся пенсионерам, но она практически полностью подчинена обязательной частной системе с комплексной системой норм, при этом размер пенсии зависит от уровня доходов. Пионером негосударственной (частной) пенсионной системы является Чили. Его модель обычно называется «чилийской системой».

Частная пенсионная система является сферой коммерческой деятельности пенсионных фондов, которые обеспечивают функционирование такого института пенсионного обеспечения, как частные пенсии. Здесь задействуются, конкретнее говоря, накопительные персонализированные схемы сбора пенсионных взносов негосударственными пенсионными фондами. Эти специализированные корпорации в обязательном порядке инвестируют средства вкладчиков

на национальных и международных финансовых рынках с тем, чтобы за счет полученных доходов обеспечивать защиту данных средств от инфляции и более высокий темп роста сбережений. Величина выплат из НПФ связывается с итоговой суммой на счете в момент наступления пенсионного возраста. В организации данной системы используется принцип эквивалентности пенсионных взносов и выплат, которые вносят и получают отдельные лица. Размер пенсионного взноса в системе частного пенсионного страхования зависит от факторов, влияющих на состояние здоровья конкретного человека (возраст, профессиональные занятия, образ жизни и т.д.), и демографических оценок периода жизни до и после выхода на пенсию.

Позиция автора: учитывая современный рыночный лексикон и на базе постулатов основных теорий пенсионного обеспечения при всем многообразии моделей пенсионного обеспечения, мы предлагаем именовать (вместо «*модель Бевериджа*», «*модель Бисмарка*» и «*частнокорпоративного*» пенсионного страхования) три основные модели в соответствии с критерием соотношения государственного регулирования и рыночного саморегулирования: *государственная модель*; *смешанная* (солидарно-индивидуальная) модель; *частная* (негосударственная) модель.

Государственная модель основана на плане Бевериджа. В ней доминирует государственное социальное обеспечение, финансируемое из бюджета.

Смешанная модель строится на принципах обязательной солидарной взаимопомощи работодателей и работников, самоответственности работников по созданию страховых фондов. Таким образом, предлагаемая смешанная модель приближается к «бисмарковской» модели.

Частная модель (личного, коллективно-го) пенсионного страхования занятого населения несет черты индивидуальной защиты. В организации данной системы используется принцип эквивалентности пенсионных взносов и выплат, которые вносят и получают отдельные лица.

Институты пенсионной системы. Безусловно, касаясь теоретического аспекта развития пенсионного обеспечения, необходимо рассмотреть существующие институты пенсионного обеспечения. Под институтами следует понимать совокупность правил и норм, а также механизмы их реализации,

с помощью которых структурируются и упорядочиваются отношения и взаимодействия между вкладчиками и пенсионными фондами.

По видам правовых институтов следует выделить *три базовых института* пенсионного обеспечения: институт *социальной пенсии*, *трудовой пенсии* и институт *добровольных* видов пенсионного страхования. Многокомпонентность институтов пенсионного обеспечения позволит распределить социальные риски между сегментами (институтами) пенсионной системы и ее субъектами, дополнить функции и сферы защиты, увязать источники возникновения социальных рисков с финансовым обеспечением, получить десятки комбинаций национальных пенсионных систем. Социальные и организационно-экономические основы создания государственных и негосударственных пенсионных институтов принципиально различны.

Институт социальных пенсий – система государственного пенсионного обеспечения предусматривает выплату социальной пенсии. Данная форма пенсионного обеспечения престарелых была единственной в доиндустриальный период и в советские времена. Это такая универсальная пенсия, которая назначается всему нетрудоспособному населению страны в связи с тем, что они – граждане этой страны. Государство, которое провозгласило, что оно социально ориентировано на рыночную экономику, должно в любом случае взять человека на пенсионное обеспечение независимо от того, платил он взносы или не платил. Юридическая основа института социальной пенсии – это конституционное право людей на жизнь. Финансовые источники – прямые ассигнования из государственного и местного бюджета, формируемые за счет общей налоговой системы, а в некоторых случаях – специальных налогов.

Институт трудовой пенсии – система государственного пенсионного обеспечения предусматривает выплату трудовых пенсий. Обязательное государственное пенсионное страхование всех лиц наемного труда и большинства самозанятого населения получило широкое развитие и распространение в индустриальных и постиндустриальных обществах. Финансовые источники – пенсионные взносы работодателей, работников (иногда государства), организованные на принципах солидарной взаимопомощи и самоответ-

ственности. Мировой опыт подтверждает, что система государственного пенсионного страхования – один из основных институтов социальной защиты в условиях рыночной экономики, призванный обеспечить реализацию конституционного права граждан на материальное обеспечение в старости. В отличие от социальной пенсии, когда нуждающийся человек получает пенсию за счет общественных средств (фактически за счет других лиц), финансовыми источниками трудовых пенсионных выплат являются специализированные фонды, формируемые при непосредственном участии самих застрахованных.

В становлении и развитии данного института мы выделяем два периода: первый – послевоенный, второй – начиная с 80-х годов XX века. Первому периоду деятельности системы государственного пенсионного страхования присущи черты, в большей степени характерные для социальной помощи, нежели страхования. Размер пенсии явно недостаточен и не увязан с объемом вносимых денежных средств. Отсутствует реальное разделение системы страхования, социальных рисков и систем пенсионного обеспечения.

Второй период развития данного института развивается в сочетании со страхованием дополнительных пенсионных взносов. Главное – это то, что оно носит дополнительный характер. Не взамен основной (государственной) или трудовой пенсии, не вместо них, а в дополнение. Этот уровень пенсионного обеспечения носит добровольный характер, а в некоторых странах обязательный. Система *дополнительных пенсий*, которые применяются практически во всех западных странах и представляют собой достаточно урегулированный в правовом отношении и важный элемент обеспечения доходов на старость, особенно когда основные (базовые) пенсии составляют примерно 20–40% заработка.

Система страховых дополнительных пенсий вначале развивалась на уровне предприятий, профессиональном и отраслевом уровнях. Она организовывается по инициативе работодателей либо на основе соглашения социальных партнеров в рамках коллективного договора. Принципы ее организации согласовывались с социальными партнерами – профсоюзами и союзами работодателей. Заводские или отраслевые пенсии не были общедоступными, но они стали бес-

печивать довольно неплохую прибавку на старость, и потому во многих странах возникло достаточно сильное давление в целях распространения этой системы.

Первым среди законов об обязательных дополнительных пенсиях был шведский – 1959 г. Потом аналогичные системы были введены в Финляндии (1961 г.) и в Норвегии (1967 г.). В этих странах систему дополнительных пенсий поддержали работодатели благодаря тому, что средства на них аккумулировались в частных страховых компаниях.

Системы дополнительных пенсий интенсивно развивались и во Франции, особенно после второй мировой войны. Однако Закон об обязательности дополнительных систем был принят только в декабре 1972 г. Подобные решения появились в Англии (1975 г.) и в Швейцарии (1985 г.).

Несмотря на то, что дополнительные пенсии финансируются методом капитализации собранных средств и обслуживаются независимыми частными институтами, они подлежат значительному регулированию со стороны государства. Однако его регулирующая роль проявляется здесь не в применении принципа обязательного страхования, хотя в некоторых странах, где размер основных (базовых) пенсий весьма низок (Швейцария, Швеция, Австралия), этот принцип отчасти действует. Государство не определяет также размер дополнительных пенсий и не гарантирует их выплату, но создает правовые рамки, позволяющие системе дополнительных пенсий эффективно функционировать, вызывая тем самым доверие страхуемых.

Поскольку при четкой организации и профессиональном управлении в дополнительных пенсионных фондах концентрируется значительный капитал (а это немаловажно для экономики, особенно на фоне известных неблагоприятных демографических тенденций и нарастающих проблем, связанных с рынком труда), то государство стимулирует их создание путем налоговых льгот. Собранные средства частично или полностью освобождаются от налогов, иногда такие же льготы применяются и к доходам от капитализации пенсионных фондов. Однако в этих случаях выплачиваемые пенсии облагаются налогом наравне с другими доходами населения.

Системы дополнительных пенсий обслуживаются институтами с различным правовым статусом в зависимости от традиций данной страны.

Специализированные негосударственные пенсионные институты

Негосударственное пенсионное обеспечение				
накопительные пенсионные фонды	страховые компании	пенсионные фонды (кассы) предприятий	личные пенсионные счета в банках	другие формы негосударственного пенсионного обеспечения

1. В некоторых странах – это внутреннее дело предприятия, которое не создает особого института по обслуживанию дополнительных пенсий, а вводится система бухгалтерского резерва. Правда, эта форма считается устаревшей и в некоторых странах даже запрещено ее применение (Бельгия, Голландия, Дания, Португалия). Однако она остается популярной в Германии, Швеции и Японии. Тем не менее и на случаи, когда пенсии обслуживаются самим предприятием, существует «внешнее» регулирование в виде Директивы ЕЭС (1976 г.), которая, в частности, предписывает отражать в балансе фирмы (в части пассивов) обязательства по предусмотренным пенсионным выплатам.

2. Если же пенсионные фонды обслуживаются внешним по отношению к предприятию учреждением, то это, как правило, общества взаимного страхования, организации страхования жизни закрытого типа и др. В высокоразвитых странах все большее распространение получает обслуживание производственных пенсий организациями страхования жизни, когда предприятия выкупают пенсионные полисы. Конкуренция страховых фирм в этом деле способствует тому, что предложение их услуг становится более разнообразным и привлекательным. Так, например, зачастую пенсионное обеспечение сочетается с медицинскими услугами. Создана также возможность выбора формы пенсионных выплат полностью, в виде всего накопленного капитала, либо ежемесячно. Страховые фирмы охотно выплачивают капитал, уходя тем самым от проблемы индексации пенсий, если они выплачиваются в течение длительного времени.

Предприятие, решаясь на выкуп страхового полиса, перекладывает риск, связанный с обеспечением предусмотренной пенсионной выплаты, на страховой сектор. Но платит за это, получая более низкий процент на возврат размещенного в страховой фирме капитала, хотя фактический процент нередко бывает выше технического. Однако этой разницей фирма чаще всего делится с застрахованными работниками путем увеличения, например, пенсионных резервов, что оказывает косвенное влияние на рост выплат, и реже делится этой выгодой с работодателем. В некоторых странах предприятие и страховая фирма делят между собой и риск размещения на полученную выгоду. Сам факт переложения риска на страховые учреждения говорит о том, что в большинстве

стран, где системы производственных пенсий обслуживаются этими учреждениями, существует сильный страховой надзор и (или) развита деятельность по страхованию самих страховых учреждений.

Важным аргументом в пользу выбора страховой фирмы служит возможность снижения управленческих расходов по сравнению с ведением пенсионного фонда. По этой причине небольшие предприятия значительно чаще, чем крупные, обращаются к услугам организаций страхования жизни.

3. Пенсии на уровне предприятия настолько привлекательны как источник накопления, что это побудило и банки к организации специальных систем обслуживания сбережений, предназначенных на дополнительные пенсионные выплаты. Формы банковских депозитов на этот случай и страховых полисов аналогичны. Так что достоинства и недостатки обслуживания пенсионных систем банками оцениваются примерно так же, как и при обслуживании страховыми фирмами. В последние годы в банковской системе введено определенное новшество, делающее обслуживание пенсий банками особенно привлекательным для самозанятых. Например, в США могут применяться индивидуальные пенсионные программы на банковских счетах (individual retirement account – IRA) с правом на налоговые отчисления.

Форма пенсионного банковского депозита используется также в случаях, когда работнику, выходящему на пенсию, страховая фирма или пенсионный фонд выплачивает весь капитал одновременно. И тогда банки предлагают ему специальные счета для размещения этого капитала и систематическую выплату соответствующих сумм.

Институт добровольных видов пенсионного страхования – специализированные негосударственные пенсионные институты, т.е. пенсионные фонды и иные финансовые организации (табл. 1), создаются независимо от государственной системы пенсионного обеспечения, а в некоторых государствах, в том числе и в Казахстане, взамен государственной системы пенсионного обеспечения.

Как видно из таблицы 1, негосударственная пенсия обеспечивается различными специализированными институтами. В их число могут входить негосударственный пенсионный фонд, страховой полис (в том числе пожизненная рента), пенсионные кассы

предприятий, резерв на балансе предприятия, специализированный инвестиционный фонд, пенсионный банковский счет и другие различные организации, осуществляющие добровольное пенсионное обеспечение.

Негосударственные пенсионные фонды создаются не по решению правительства, а по инициативе учредителей, которыми могут являться как юридические, так и физические лица. Каждый накопительный пенсионный фонд функционирует в рамках действующего законодательства как самостоятельная юридическая и финансовая организация, работающая согласно собственному Уставу независимо от государственной системы пенсионного обеспечения. Этот институт добровольных видов личного (индивидуального) и/или коллективного (профессионального) пенсионного страхования создается для всех граждан, независимо от возраста, пола, трудозанятости и т.д. Добровольное личное и/или коллективное (профессиональное) страхование пенсий в ранее индустриальных обществах выступало в качестве основного механизма самозащиты работников и мелких предпринимателей в случае прекращения ими трудовой деятельности. В настоящее время он получил «новое дыхание» в форме *обязательного* личного страхования пенсий.

Данный институт имеет наибольшую гибкость пенсионного обеспечения граждан, более адаптирован к любым условиям. Однако он особенно тесно связан с политической, экономической и налоговой политикой, ориентированной на интересы человека. Вопрос о том, какими должны быть льготные пенсии, например для плавильщиков на каком-то комбинате, – не вопрос государства. Это отношения между работодателем и представителем работников, урегулирование которых должно найти свое отражение в коллективном договоре и решаться через профессиональные добровольные негосударственные пенсионные системы. Каждое предприятие и каждый человек вправе осуществлять за счет собственных средств финансирование своего пенсионного обеспечения через имеющиеся пенсионные про-

дукты страховых компаний, банков, частных пенсионных и иных фондов.

Пенсионное обеспечение наемных работников в рамках отдельных отраслей экономики или отдельных компаний в соответствии с долгосрочными (рамочными) или коллективными соглашениями регулируется специальным законодательством, которое предусматривает систему социальных гарантий застрахованным лицам: минимальный период занятости у одного работодателя, после которого возникает право на дополнительное пенсионное обеспечение; сохранение приобретенных пенсионных прав при перемене места работы, формы контроля за состоянием актуарного баланса пенсионного фонда.

Чтобы гарантировать реализацию приобретенных пенсионных прав, создается резервный пенсионный фонд, из которого осуществляются выплаты в случае неплатежеспособности предприятия или самостоятельной пенсионной кассы (фонда, страховой компании).

Финансовые источники добровольного личного и коллективного пенсионного страхования граждан – пенсионные взносы самих работников и взносы работодателей, организованные на принципах эквивалентности пенсионных взносов и выплат. Определяющие характеристики – наличие пенсионного договора, самоответственность граждан.

С развитием этих профессиональных пенсионных фондов мы связываем большие надежды. Их развитие даст возможность человеку получать более высокую пенсию, то есть к базовой, трудовой еще и дополнительную негосударственную. Профессиональным пенсионным системам предоставляются налоговые льготы. В свою очередь, они берут на себя бремя государственных обязательств, которые были приняты уже перед людьми в отношении выхода на льготную пенсию. Те, кто заработал себе льготную пенсию и назначил ее, должны получать ее до конца. Вопрос может возникнуть с людьми, которые работают в условиях, дающих им право на льготную пенсию, но к момен-

ту проведения реформы еще не приобретут, не реализуют право на пенсию. В таком случае, что делать с уже приобретенными правами? Здесь-то профессиональные пенсионные системы и должны сыграть очень важную социальную роль. Именно они должны взять на себя сохранение этих прав на льготные пенсии. А в дальнейшем вывести их из государственной обязательной системы и перевести в профессиональную добровольную систему.

Таким образом, каждый из трех вышеизложенных институтов пенсионного обеспечения имеет свои отличительные черты, функции и сферу применения.

Безусловно, при разработке механизмов новой пенсионной системы в любой стране прежде всего следует определить оптимальные пропорции применения названных выше институтов пенсионного обеспечения и форм развития каждого из них, научный инструментарий по оценке социальных рисков и обоснованию соответствующих уровней социальных гарантий пенсионеров и на этой основе упорядочить организационные, финансовые и правовые формы социального, личного страхования и социальной помощи. Обеспечить гарантирование прав пенсионеров и формирование механизмов поддержания их стабильности путем:

- уменьшения дифференциации размеров заработной платы до уровня, достигнутого в странах с социально ориентированной рыночной экономикой (изменения соотношений максимальной и минимальной заработной платы с 30:1 до 15:1);
- обеспечения взаимосвязки систем заработной платы, налоговой и пенсионной как важнейшего условия активной государственной социальной политики и поддержания устойчивости и надежности обязательств всех социальных субъектов в области пенсионного обеспечения;

- создания финансовых страховых институтов, основные функции которых состоят в повышении надежности пенсионного страхования (обязательного и добровольного).

Вместе с тем обеспечить формирование правового поля, регулирующего вопросы собственности в рамках пенсионной системы и стимулирующего развитие различных ее форм (солидарно-индивидуальной, государственной, частной). Многообразие форм собственности способствует развитию мотивационных установок по накоплению пен-

сионных прав, созданию финансовой основы, обеспечивающей поддержание принципа эквивалентности страховых взносов и пенсионных выплат, юридического обоснования самоуправления пенсионных страховых фондов. Построение сбалансированной пенсионной системы предполагает учет:

- социальной и страховой сущности пенсионий, оптимальных пропорций между сегментами социальной помощи и социального страхования;

- приемлемости и доступности – для работников и работодателей – участия в пенсионном страховании (достижение баланса интересов как для получателей, так и для плательщиков взносов);

- социальной и индивидуальной справедливости (имеется в виду частичное перераспределение страховых средств в пользу малоимущих, однако главенствующим остается принцип – «кто внес больше страховых взносов, тот должен и больше получать по пенсионному обеспечению»);

- социальной эффективности пенсионных систем, исходя из их возможностей, с одной стороны, исключить нищету в старости, социально защитить все население, с другой – сохранить для застрахованных при выходе на пенсию уровень доходов, сопоставимый с периодом трудозанятости.

Каждая из этих концепций имеет целью:

- защиту от бедности при наступлении старости;

- предоставление гарантированного дохода по завершении трудовой деятельности, размер которого обычно составляет определенную сумму, пропорциональную сумме заработка, выплачиваемого непосредственно перед выходом на пенсию;

- защита этого дохода от последующего снижения реального уровня жизни в результате инфляции.

Что касается направлений реформ в каждой конкретной стране, то это, как подчеркивают специалисты, зависит от многих факторов:

Во-первых, от политической системы, поскольку радикальные изменения пенсионных систем в нормальных условиях (демократической политической системы) – дело весьма трудное и требует времени. В этой связи проводимые реформы в общем носят характер корректировки существующей системы.

Во-вторых, от политических структур. Социалистические и социал-демократиче-

ские партии не предлагают реформ, ограничивающих социальную сторону пенсионных систем, опасаясь конфликтного столкновения интересов больших социальных групп. Не случайно поэтому во времена правления социалистов во Франции, социал-демократов в Германии и в Скандинавских странах каких-либо радикальных реформ не было. Такие реформы пытались проводить в Англии во времена правления тори и совсем недавно в Швеции. Заметим, кстати, что последние выборы в Швеции (в результате которых к власти снова пришли социал-демократы) показали, что избиратели предпочитают платить более высокие налоги, нежели отказаться от всесторонней заботы государства, в том числе по достижении преклонного возраста.

В-третьих, от экономических условий, которые будут определять возможности роста индивидуальных доходов и сбережений, позволяющих людям больше рассчитывать на себя и обращаться к дополнительным системам, основанным на индивидуальной и групповой предусмотрительности.

Таким образом, конкретная стратегия действий должна учитывать не только все институциональные характеристики реформируемой системы, но и способы достижения общественного согласия в данной стране. Любые «стремительные» действия в сфере пенсионных систем резко изменяют условия «контракта» между поколениями и не находят общественной поддержки. Все это весьма ограничивает возможности проведения радикальных системных изменений за короткое время.

Между тем Комиссия ЕС, исходя из неизбежности пенсионных реформ, рассматривает более решительный переход от традиционных государственных систем к частным (пенсионным) фондам с соответствующим регулированием как вполне приемлемое решение проблемы. Однако она настаивает при этом на ослаблении ограничительной роли государства по отношению к фондам, особенно в части их размещения за рубежом. Пока такая рекомендация не находит «понимания» у стран – членов ЕС, считающих в ряде случаев, что «средства фондов должны оставаться дома», дабы «уберечь их (а следовательно, и граждан) от слишком большого риска на зарубежных рынках». Комиссия ЕС, вероятно, усматривает в этом сугубо национальный эгоизм и предполагает, по свидетельству английского ежегодника

«Экономист», приложить новые усилия по «освобождению» частных пенсионных фондов, вплоть до разбирательства в Европейском суде справедливости.

Помимо классификации пенсионного обеспечения по уже названным моделям, каждая из них имеет свои источники и системы финансирования.

Источниками финансирования пенсионных моделей могут быть пенсионные взносы: работников, работодателя, работодателя совместно с работником в различных пропорциях (рис. 1). Взносы от прибыли предприятий и личные средства обеспечили бы гармонию интересов работодателя и работника в сохранении и бережном отношении к здоровью.

Рисунок 1
Источники финансирования пенсионного фонда

Все обязательства пенсионного фонда должны иметь финансовое покрытие в форме накопительных активов и будущих поступлений взносов (актуарный баланс). Наиболее действенные и реальные в современных условиях пенсионные фонды с источником финансирования добровольных платежей населения. Благодаря этому человек мог бы заключить пенсионный договор не только на себя, но и на членов семьи, родственников, т.е. третьих лиц.

Во всем мире идеология пенсионной реформы прослеживается в двух основных направлениях. Первое нацелено на последовательное развитие государственного обязательного социального страхования с аккумулярованием средств как основы пенсионной системы. Это направление предполагает дополнение государственных пенсионных систем другими: на уровне предприятий и индивидуальными по мере организации социальных групп и возможностей делать сбережения. С 80-х годов XX века претворяется в практику второе направление – приватизация государственной пенсионной системы и передача всего пенсионного обеспечения в ведение негосударственных пенсионных фондов под контролем и при поддержке государства. Эта концепция реализуется с

1981 г. в Чили, странах Латинской Америки, а с 1998 г. – в Республике Казахстан, и является предметом пристального внимания исследователей и политиков всего мира.

Разрушение монополизма государственной пенсионной системы способствует формированию рыночных отношений в социальной сфере. При этом государство, исходя из интересов работников и работодателей, а также собственных интересов, осуществляет регулирующее воздействие на эту систему путем создания надзорных и контрольных органов, установления налоговых

льгот, законодательного регулирования накопительных пенсионных фондов. Во всем мире генеральная тенденция заключается в том, что принцип обеспечения старости на основе индивидуальной капитализации средств приобретает доминирующее значение. Этот же принцип, воплощенный в накопительной пенсионной схеме, закреплен в казахстанском законодательстве. Именно развитие такого пенсионного обслуживания населения представляется крайне привлекательным как с социальной, так и экономической точки зрения.

ТЕОРИИ МОТИВАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Тастенов А.Ж.

В изучении мотивации политического лидерства за последние десятилетия наиболее глубоко подошла политическая психология, которая в основе исследования в данном направлении ставит бихевиористский метод.

Политическое поведение лидеров всегда является мотивированным и целенаправленным. Существует множество различных личностных потребностей, которые так или иначе связаны с его политической деятельностью. В многочисленных исследованиях, проведенных западными психологами и политическими психологами, выделяется четыре основные потребности, мотивирующие политическое поведение лидеров:

- потребность во власти;
- потребность в контроле над событиями и деятельностью людей;
- потребность в достижении конкретной цели;
- потребность в аффилиации, то есть в принадлежности к определенной социальной группе и получении одобрения [1].

Важнейшим и основополагающим мотивационным источником лидерства является потребность во власти. Сильная потребность во власти, присущая потенциальным и реальным лидерам, чаще всего объясняется их врожденными индивидуальными особенностями. Однако политическая психология в ходе своего развития вышла за рамки только «генетического» подхода. Значительное влияние на нее, в особен-

ности на исследования психологических предпосылок лидерства, оказали идеи фрейдистского психоанализа, которые подчеркивали важность изучения условий первичной социализации личности в детстве, в частности непосредственные отношения ребенка с социальной средой.

В исследованиях американского психолога Г.Лассуэлла, в основе изучения ставящего психопатологический метод, доказывалось, что психопатологической базой политической деятельности является бессознательное вытеснение «частных конфликтов», пережитых личностью, в сферу общественных объектов и последующая их рационализация в понятиях социальных интересов. В своей работе «Психопатология и политика» Г.Лассуэлл отмечал, что проявляющаяся во все более сильной форме потребность во власти имеет компенсаторное происхождение, т.е. стремление и обладание властью психологически компенсирует ущербность, фрустрацию, испытываемую личностью.

В дальнейшем развитие психопатологической теории политического лидерства в западной политической психологии вызвало серьезные возражения. Один из ее видных представителей Р.Лэйв в противовес этому подходу предложил тезис, в соответствии с которым успешно действующими демократическими политиками становятся люди со здоровой, уравновешенной психикой.

С точки зрения концепции базовой напряженности психики доминирование по-

требности во власти в личностной мотивации можно рассматривать как следствие дефицита позитивных психосоциальных связей личности, ее общности с другими людьми. С этим дефицитом часто взаимосвязано одностороннее, гипертрофированное развитие индивидуалистических или эгоцентрических амбиций. Здесь наиболее остро встает потребность в самоутверждении. Поскольку оно возможно лишь в отношениях с другими людьми, гипертрофированно-индивидуализированная личность ищет путь к самоутверждению в господстве, власти, контроле.

Дефицит позитивных отношений в раннем детстве может стать первичным звеном всей этой цепочки причин и следствий и превратиться в конечном результате стремление к власти в доминирующий мотив личности. Данные наблюдения политических психологов являются достаточно убедительными, т.к. неблагополучие в родительской семье выступает одной из типичных черт биографий наиболее властолюбивых и авторитарных политиков [2].

К настоящему времени существует различные концепции потребности во власти, одной из самых старых является концепция А.Джорджа, который рассматривал потребность во власти как компенсаторную.

А.Джордж целью своей работы «Власть как компенсаторная ценность» выдвигал расширение теоретических рамок общей гипотезы Г.Лассуэлла для использования ее в исследовании конкретных политических лидеров методом психобиографии. С точки зрения А.Джорджа, все политические лидеры являются стремящимися к власти. Получив ее, они часто пытаются переделать политические институты, по-иному интерпретировать и расширить функции политических ролей или создавать новые, которые удовлетворили бы их потребности [3].

Потребности политика во власти и в достижении в действительности оказываются тесно связанными. Кроме того, потребность во власти предполагает, что она зачастую может быть не столько компенсаторной, сколько инструментальной, т.е. власть может быть востребована для удовлетворения других личностных потребностей, таких, как потребность в достижении, в уважении, в одобрении, в безопасности и т.д.

Цель, заключающаяся в отсутствии чье-либо доминирования над политиком, может выступать в качестве стержня проводи-

мой политики и быть более высоко ценимой, чем другие. Потребность во власти, возникающая как компенсаторный механизм, проявляется у политика по-разному, в зависимости от условий. Эта потребность может взаимодополнять и усиливать другие потребности или, напротив, вступать с ними в конфликт. Например, с потребностями в аффилиации, то есть в принадлежности к определенной социально-политической группе, в достижении целей, которые лидер также стремится достичь на политической арене.

В целях компенсации политические лидеры стараются найти себе сферу деятельности, в которой он может продемонстрировать свои амбиции, компетенцию, профессионализм и т.д. Достижение компенсации в данной сфере деятельности, которая является относительно узкой и специализированной, создает для личности определенное поле, в котором политический лидер функционирует достаточно независимо, но в то же время результативно.

Процесс создания сферы компетентности отличается тенденцией к сдвигу от одного полюса субъективных чувств к другому, т.е. от отсутствия уверенности в себе к высокой самооценке и самоуверенности в своих действиях. Другой взгляд на потребность во власти представляет собой концепция Д.Винтера, развиваемая им в ряде теоретических трудов, среди которых выделяется «Потребность во власти». Д.Винтер считает, что потребность во власти является социальным мотивом и поэтому теснейшим образом связана с президентским поведением. Президенты с высокой потребностью во власти будут активны, оживлены в мире конфликтов и интенсивного политического торга. При необходимости удержаться наверху они будут эксплуатировать союзников, атаковать потенциальных противников. У них обычно нет тенденции консультироваться с экспертами и изменять свое поведение, поэтому они могут столкнуться с непредвиденными вредными последствиями действий, которые предприняты ими для сохранения своего престижа. В возникшей ситуации они могут увидеть угрозу своей власти, испытать стресс [4].

Показателем потребности во власти для поведения политического лидера является занятие позиции, дающей формальную социальную власть. Он проявляет беспокойство о престиже и престижных вещах, проявляет склонность к относительно высоко-

му риску в острых ситуациях и враждебность к другим лицам, имеющим высокий статус. Он активен и влиятелен в малых социальных группах.

Потребность во власти присуща всем политическим лидерам, однако преобладание ее над остальными, как правило, имеет умеренный или гипертрофированный характер. Во многом сам пост главы государства с присущими ему атрибутами власти уже должен удовлетворить эту потребность у лидера. Но поскольку лидер действует от имени государства на международной арене, то он взаимодействует с другими лидерами, не являясь, таким образом, единственной вершиной пирамиды власти, каковой он выступает в собственной стране, и здесь есть поле для соперничества и конкуренции. Также, действуя от имени собственного государства, он стремится утвердить его власть над другими государствами.

Потребность во власти у политического лидера является сложной психологической характеристикой для анализа, поскольку может проявляться в его внешнеполитической деятельности по-разному, в зависимости от доминирующего образа власти, от наличия различного рода «болевых точек», комплекса неполноценности, жизненного пути и т.д. Однако без изучения данной психологической характеристики практически невозможно реально оценить многие внешнеполитические шаги лидеров государств.

Тесно связанными с потребностью во власти являются такие черты, как доминирование в межличностных отношениях, убедительность, потребность в достижении, каждая из которых имеет собственную систему поведенческих корреляций.

Потребность в достижении проявляется в заботе о совершенстве, мастерстве, поведении, направленном на достижение. Обычно потребность в достижении хорошо видна в предпринимательском поведении, когда лидер склонен к умеренному риску, модифицирует свое поведение в зависимости от обстоятельств, используя советы экспертов.

Модификация поведения на основе обратной связи в политике может рассматриваться населением как непоследовательность, непринципиальность или отсутствие интереса к судьбе политических союзников.

Поэтому поведение политического лидера, в котором проявляется потребность в достижении, не всегда может быть очень успешным. По мнению Д. Винтера и А. Стю-

арта, президент с потребностью в достижении будет характеризоваться высокой активностью, выбирая себе советников на основе их экспертных знаний, но не обязательно достигая слишком значительных результатов.

Потребность в достижении превратилась в специальный объект внимания политологов и политических психологов после того, как стали известны исследования американских ученых Д. Макклелланда и Дж. Аткинсона. В них были подвергнуты анализу структура потребности в достижении, условия ее формирования и влияния на поведение.

По их мнению, потребность в достижении имеет прямое отношение к мастерству, манипулированию, организации физического и социального окружения, преодолению препятствий, установлению высоких стандартов работы, соревнованию, победе над кем-либо. Это довольно широкая трактовка понятия достижение, и в таком виде она может больше соответствовать мотивации политического лидера.

Относительная сила мотива влияет на оценку политическим лидером субъективной вероятности последствий, то есть более высокий мотив достижения успеха будет способствовать оценке более высокой субъективной вероятности успеха.

Д. Винтер и А. Стюарт выделили индикаторы потребности в достижении в речах и документах политических лидеров, в поведении, в межличностных отношениях.

В текстах политических лидеров потребность в достижении проявляется в высказывании заботы о соответствии стандартам совершенства и превосходства, уникальных достижениях, долговременном вовлечении во что-либо, успехе в конкуренции. В поведении политических лидеров данная потребность проявляется в успешной предпринимательской деятельности, нынешней или имевшей место в его карьере, склонности к умеренному риску и модификации политического поведения на основе полученных результатов. Такой политический лидер выбирает для себя хороших экспертов, а не друзей, для последующего содействия в решении задач [5].

Образы достижения обнаруживаются в текстах политических лидеров в форме сравнения государств – наиболее частый пример соревнования с другими, а также в упоминании о новых, уникальных достижениях.

Д. Винтер и А. Стюарт выявили, что для президентов с высокой потребностью в достижении характерны быстрые перемены в составе кабинета, что является прямым выражением тенденции людей с высокой потребностью в достижении к предпочтению работы с экспертами, а не друзьями. Также было обнаружено, что потребность в достижении воспитывается во многом родителями, являющимися для будущего политического лидера высокими эталонами подражания.

Потребность в достижении своих целей является для многих стержнем их политической карьеры. Когда политический деятель становится главой государства и основная цель достигается, то внешнеполитическая сфера предоставляет ему возможность ставить множество труднодоступных целей, достижение которых приносит ему определенное психологическое удовлетворение. Политическому лидеру приходится строить для себя иерархию стратегических и тактических целей, подчиняя одни цели другим. Здесь сказывается и уровень притязаний политика. Многие лидеры проводят свой политический курс исходя из поставленных целей. Одни отличаются амбициозностью, другие – хладнокровием.

Потребность в достижении своих целей тесно связана также с системой убеждений политического лидера. Очень часто эта потребность принимает столь гипертрофированный характер, что политический лидер идет на серьезный риск. Подобный сдвиг к риску приводит к неоправданным внешнеполитическим действиям, которые подчас препятствуют достижению поставленной цели.

Потребность политического лидера в аффилиации проявляется в заботе политического лидера о близких отношениях с другими. Потребность в аффилиации подразумевает дружественные отношения с другими людьми. С представляющими определенную угрозу людьми политические лидеры, обладающие потребностью в аффилиации, часто неустойчивы и склонны к обороне. Их взаимодействие, привязанность, сходство или соглашение с другими людьми являются взаимными и подкрепленными так же, как их избегание, нелюбовь и разногласия. Более вероятно, что они, при наличии таких свойств, изберут своими советниками лояльных друзей, а не экспертов.

Президенты с потребностью в аффилиации находятся в поиске безопасных дру-

жественных отношений. Поскольку люди с высокой потребностью в аффилиации бывают оборонительны и сверхчувствительны в условиях риска или конкуренции, то президенты с такой личностной чертой часто оцениваются обществом как менее популярные, чем те, у кого эта потребность развита менее.

В любом случае такие президенты обычно пассивны и легко подвержены влиянию других людей. А качество советов, полученных от привлекательных, лояльных, но не экспертных советников, часто бывает очень низким. Нередко, благодаря влиянию советников, а также специфики их стиля принятия решений, администрации президентов с высокой потребностью в аффилиации могут оказаться втянутыми в политический скандал. Одним из важных аспектов потребности в аффилиации является поиск одобрения со стороны других. У политических лидеров такой поиск одобрения проявляется зачастую в его внешнеполитической деятельности.

Потребность политического лидера в личном контроле над событиями и деятельностью людей является необходимостью в контроле внешних сил и событий, влияющих на политическую жизнь общества.

Сфера предполагаемого контроля может варьировать от очень ограниченной, включающей лишь одну специальную область, до широкой, включающей многие области политики. Чем шире желаемая сфера личного контроля, тем обычно меньше его степень, поскольку у политического лидера ограниченные возможности и навыки, а каждая сфера контроля требует использования определенных навыков и возможностей.

Политический лидер может отбирать определенные области для своего контроля, отвечающие его навыкам, причем делает этот выбор на основе восприятия собственных навыков и способностей, где он силен, а где нет.

Потребность политического лидера в контроле над событиями и людьми также находит свое удовлетворение во внешнеполитической деятельности, равно как и мотивирует его поступки на международной арене.

Однако многие дальнейшие исследования показали, что данные мотивы не всегда являются единственными или главными движущими силами вхождения человека в политику и его дальнейшей деятельности в дан-

ной сфере. Политиков, воплощающих подобную мотивацию, отличают яркие черты поведения: прагматизм, вероломство, неразборчивость в средствах, жестокость. В политической науке их относят к макиавеллическому типу лидеров, по имени Никколо Макиавелли, рекомендовавшего в XVI веке именно такую линию поведения современным ему властителям.

Современные американские исследования разработали коэффициент измерения уровня макиавеллизма, основанный на таких показателях, как слабая роль эмоций в межличностных отношениях, пренебрежение моральными нормами, отсутствие идеологических убеждений, удовлетворение, получаемое от манипулирования другими людьми.

Наиболее благоприятными для проявления макиавеллизма считаются ситуации, в которых политик обладает относительной свободой действий в определенной сфере, например, если он возглавляет ведомство, обладающее относительно высоким уровнем автономности в государственном аппарате.

Макиавеллизм наиболее ярко демонстрируется в условиях тиранических, абсолютистских и тоталитарных режимов, а также в обстановке крупных революционных катаклизмов. Наглядными примерами этому служат Сталин, Берия, Муссолини и др. Однако специфика и ограниченность исторических условий, в которых проявляются деятели макиавеллического типа, показывают, что гипертрофированное властолюбие не может рассматриваться как единственно возможная мотивация лидерства.

С этой точки зрения особый интерес представляют мотивы революционных лидеров. Эта проблема кажется достаточно сложной. С одной стороны, обстановка революционного подполья, жесткой дисциплины и конспирации создает предпосылки вождизма и революционного макиавеллизма. С другой стороны, невозможно отрицать, что для многих революционных лидеров исходным мотивом их деятельности были бескорыстные мотивы борьбы за свободу и народное благо. Исследователи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, рассматривают данные мотивы лишь как рационализацию личных неосознанных стремлений. В то же время очевидно, что наиболее революционные течения по мере своего становления, развития, и особенно приобщения к

борьбе за власть и ее осуществлению, неизбежно порождали макиавеллический тип лидерства [6].

Кроме потребности во власти и в компенсации неосознанного психического дискомфорта лидера в качестве мотивов выделяются следующие:

- стремление решить определенную политическую проблему;
- чувство долга;
- потребность в одобрении и уважении со стороны других людей;
- потребность в статусе и признании.

Несмотря на различие в классификациях, мотивы лидерства, как правило, не являются взаимоисключающими, т.к. практически все из них могут сочетаться в психологии одного и того же человека.

Например, потребность во власти чаще всего совпадает с потребностями в статусе, в одобрении, признании и уважении со стороны других людей. Данный лидер в процессе осуществления власти и часто в качестве способа реализации своего властолюбия может стремиться к достижению определенных политических целей, решению конкретных проблем. При этом одни мотивы могут играть лишь инструментальную роль по отношению к другим. Так, потребность в признании или успехе взаимодополняет мотивы во власти, в достижении конкретных целей и т.д.

Исследования западных политических психологов показывают, что различные мотивы могут оказывать существенное воздействие на политическое поведение главы государства. Так, наиболее властолюбивые американские президенты, имеющие в то же время сильную мотивацию к достижению, проводили более активную политику, проявляли способность к принятию крупных решений, но в то же время меньшую гибкость, чем президенты, ориентированные на дружеские межличностные отношения. В то же время лидеры, ориентированные на такого рода отношения, склонны подбирать правительство и свой аппарат больше по признаку личных симпатий, чем профессионализма и компетентности. В целом наиболее властолюбивые президенты признаются более эффективными и более опасными для страны, чем лидеры с иной мотивационной иерархией.

Смысл классификации лидерских мотивов состоит в выявлении в их психологии относительной силы различных мотива-

ционных тенденций и их иерархии. Важно учитывать, что возможность конфликта мотивов обусловлена объективной ситуацией, в которой находится лидер, особенно его место в отношениях власти. Политик, который еще не имеет реальной власти, но стремится заполучить ее, подвержен во многом иным мотивационным импульсам, чем уже обладающий властью и прочно удерживающий ее.

Таким образом, в теориях мотивации политического лидерства затрагиваются наиболее конкретные и определенные потребности лидеров. Вместе с тем в основе

иерархии потребностей лежит гораздо больше мотивов, присущих совокупности индивидуальных стремлений каждого лидера. Однако данный подход требует системного и комплексного изучения личности политика, включая его биографию, политические взгляды, политический стиль принятия решений, его социальные и психологические характеристики. Для наиболее оптимального и не столь объемного исследования мотивации лидерства политологи и политические психологи используют четыре основные потребности, присущие всем политическим лидерам.

Литература

1. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. – М., 1996. – С. 241.
2. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. – Самара, 1999. – Том 1. – С. 568–569.
3. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. – М., 1996. – С. 242.
4. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. – Самара, 1999. – Том 1. – С. 597–598.
5. Там же. – С. 601.
6. Там же. – С. 569–570.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются. Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. – Washington: Carnegie Endowment, 2002. – XII+321 pp.

В США работает исследователь, который сделал изучение Казахстана и истории казахов своей профессией. Многим из академической среды знакомо ее имя – это Марта Брилл Олкотт, автор знаменитой книги «Казахи». Недавно увидела свет ее новая книга о нашей стране «Казахстан: невыполненное обещание». М.Олкотт является ученицей великого французского востоковеда и исследователя Средней Азии А.Беннигсена. В ходе своей аспирантуры она впервые побывала в Алма-Ате в 1975 г., и с этого времени Казахстан становится предметом ее профессионального изучения. Она блестяще защищает диссертацию на эту тему в 1986 г. в Гуверновском институте в Стэнфорде и издает монографию «Казахи». Но выпуск книги пришлось задержать из-за декабрьских событий, и книга увидела свет в январе 1987 г. В апреле 1992 г. президент Дж.Буш-старший назначает М.Олкотт своим советником по Центральной Азии.

Накопленный в первой половине 90-х годов материал позволил ей в 1995 г. переиздать «Казахов» с новой главой, освещающей события, последовавшие вслед за декабрьскими событиями и до середины девяностых, то есть перестройку, крушение СССР, возникновение суверенного Казахстана, складывание фундамента государства-нации. Эти же сюжеты она описывает в книге «Новые государства Центральной Азии» (1995 г.).

Представляя новую работу о Казахстане западному читателю, Олкотт находит емкое определение для нашей страны – «благословенный ресурсами, но проклятый географией». В отношении политического режима, сложившегося в Казахстане, автор находит, надо сказать, достаточно точную формулу – «в ловушке между западным плюрализмом и азиатской автократией». Олкотт находит в своем исследовании, что политическая, социальная, этническая и экономическая жизнь постсоветского Казахстана полна противоречий, и приводит многочисленные примеры этому. А ловушка, о которой она говорит, является одним из проявлений этих противоречий. В полной мере эти противоречия отразились и причудливо перепле-

лись, как считает автор, в личности и деятельности первого президента Казахстана, олицетворявшего исполнение «советской мечты» (от сталевара до партийного лидера). Если он диктатор у Олкотт, то «добродетельный»; если автократ, то с сильным демократическим духом; если националист, то толерантный. Стремление к созданию сильного профессионального правительства переплетается в его политике с фаворитизмом и невниманием к коррупции. Но в целом ее оценки Н.Назарбаева как политика и как человека чрезвычайно высокие и вся книга, даже в ее критических разделах, пронизана невольным признанием его незаурядности.

Эта незаурядность, как считает автор во второй главе книги, в полной мере проявилась в его политике в отношении русских и России. Назарбаеву пришлось одновременно решать две противоположные, на первый взгляд, задачи: с одной стороны, создавать «казахский» Казахстан, а с другой – сохранить поддержку со стороны русского населения в республике и добрые отношения с самой Россией, найти приемлемую формулу интеграции (Евразийский Союз) двух государств. Русский вопрос, вообще, решался в Казахстане своеобразно. Казахское руководство подспудно опасалось, что русское население, проживавшее компактно в ряде регионов, не захочет эмигрировать, к чему их неофициально подталкивала официальная политика, а пожелает отделиться (сецессионироваться). Когда этого не произошло, а свыше четверти русскоязычного населения покинуло Казахстан и процесс эмиграции продолжал происходить нарастающими темпами, руководство страны было вынуждено полностью сменить стратегию (если таковая все-таки была) и постараться затормозить поток эмигрантов.

Если «казахизация» и произошла, считает Олкотт, то это нашло выражение только в этнической композиции и государственной идеологии. В целом же русский язык сохранил за собой позиции наиболее употребляемого и ведущего языка. При этом русский язык остается языком не только пропорционально уменьшающегося русского населе-

ния, но и играет статусную роль для многочисленных национальных меньшинств и значительной части самих казахов. Этот фактор наложил отпечаток на процесс формирования новой казахской (казахстанской) идентичности, который происходит с трудом. Здесь имеет место, как отмечает автор, «декретированный патриотизм», то есть официально спускаемый сверху. В социальной сфере также переплелись различные мировоззрения. Новое поколение молодых казахов, не такое идеологизированное, как их родители, и более циничное, в то же время вполне сохранило ожидания своих родителей насчет социальных благ со стороны государства.

Следующая глава книги Олкотт посвящена непростым процессам становления в Казахстане современного общества. Сложность этого процесса автор сформулировала в названии главы – «Пробуя плюрализм и отказываясь от него». Основная идея состоит в том, что в первой половине в Казахстане создавались предпосылки для демократического парламентского режима, а после 1995 г. эти предпосылки всячески разрушались. Олкотт не согласна с тезисом о восточной ментальности казахов, якобы чуждой демократии, так же как и с тезисом о недостатке исторического опыта с демократией в Казахстане. В качестве примера она указывает на многие страны Центральной и Восточной Европы, которые также не имели демократических традиций, что не помешало им сформировать в 90-е годы успешно действующие демократические республики. Причину отката от демократии следует искать, отмечает автор, в стремлении руководства страны любой ценой сохранить Казахстан как унитарное государство. Страх потерять контроль над областями привел к резкому усилению центральной исполнительной власти.

Большое внимание Олкотт уделяет становлению политической и экономической элит Казахстана, интересы которых пришли в противоречие в период премьерства Н.Балгимбаева, то есть старая партийно-аппаратная элита столкнулась с новой, пришедшей из бизнеса, – т.н. младотюрками. И, несмотря на свое неоспоримое доминирование в политической жизни, как отмечает автор, «президенту не удалось заставить элиту говорить в один голос», что, по-видимому, и являлось его главной политической целью. Такая ситуация чревата в будущем новыми

внутриполитическими потрясениями. Выборы 1999 г., пишет Олкотт, наконец-то, превратили Казахстан в то, чем его хотел видеть Н.Назарбаев: единую страну с сильным президентом; с оппозицией, чье безграничное стремление к свободе манифестаций и действий сдерживается в определенных рамках; и с правительством, способным эффективно решать поставленные лидером государства задачи. Глава Казахстана чувствовал себя, как никогда, уверенным; уверенность ему придавали процессы в соседних странах: если он бросал взгляд на юг, то видел там сталинистские режимы; на севере, в России, он видел задыхающийся режим, обреченный на бесконечную смуту во имя принципов демократии и местной автономии. Это вновь убеждало казахского лидера в том, что он сделал правильный выбор.

Но, как утверждает автор книги, почивать на лаврах руководству Казахстана еще рано: страна представляет собой общество, глубоко разделенное по нескольким направлениям. Эти разделения проходят в региональной сфере, на них накладываются этнические различия. Социальные различия между богатыми и бедными, которые теперь ни для кого не являются тайной, вносят в раздельные линии казахстанского общества еще одну траншею, вероятно, самую чувствительную. Еще на одно разделение в современном Казахстане обращает внимание Олкотт, и в этом смысле она является первооткрывателем, – разделение казахстанского общества на верующих и неверующих. Однако в данном случае Олкотт делает теоретический допуск из другой реальности – узбекской. Она пишет, что растущая пауперизация населения будет толкать все большую ее часть в объятия радикального ислама. Власти же опасаются ислама больше, чем православной церкви. Таким образом, именно исламу противостоит складывающийся блок «неверующих». В него входят все светские силы республики: ориентированная на европейские ценности бизнес-элита, старая атеистическая партноменклатура, немногочисленная, но влиятельная еврейская община. Все это заставляет правительство чрезвычайно осторожно обращаться с инвестициями, имеющими арабское происхождение. И все же Олкотт уверена, что ислам еще скажет свое слово в Казахстане по мере того, как будут нарастать различия в образовательном и экономическом уровне молодых казахов, различия между роскошью и приви-

легиями одних и теми, кто лишен надежды поднять свой социальный статус.

«Сможет ли Казахстан сдержать свое обещание?» – главой под таким названием заключает Олкотт свою книгу. Она не говорит, о каком обещании идет речь. Можно только догадываться, что она подразумевает под ним обещание стать демократическим, справедливым, процветающим и эффективным государством с социально-ориентированной рыночной экономикой. Автор предостерегает, что Казахстан в будущем поджидает много проблем. В России поднимает голову воинствующий национализм, с которым еще Казахстану предстоит столкнуться в будущем во внешней политике. Дестабилизация или дефрагментация северного соседа также неизбежно затронет Казахстан. Само казахстанское общество разъедается ржавчиной беззакония, всевластия одних и бесправия других, наркотизацией. Сложившаяся экономическая система, в которой отсутствует необходимая в реальной рыночной экономике динамическая взаимосвязь между политической властью и экономической мощью, таит зерна нестабильности.

В качестве прогноза на будущее Олкотт предупреждает, что Казахстан обязательно ждут политические изменения, которые объективно вызревают в недрах экономических реформ, проведенных в последнее десятилетие. И это произойдет вне зависимости от того, останется ли у власти нынешнее руководство. Но крупные внешние игроки (Россия и Китай) заинтересованы в сохранении стабильности, которая олицетворяется фигурой нынешнего президента. «Но какое послание следует ждать Казахстану от Соединенных Штатов?» – спрашивает в заголовке последнего раздела автор. Она считает, что пришло время США оказать давление на Казахстан с тем, чтобы поближе продвинуть его к более представительским политическим институтам и экономической

транспарентности. Но это давление должно быть таким умелым, чтобы оно не бросило Казахстан в объятия России и не привело к нарушению интересов западных нефтяных компаний. Здесь Олкотт невольно признает, что до последнего времени Казахстан мастерски разыгрывал перед США нефтяную карту, выжав из ситуации максимальные политические и экономические дивиденды.

Конечная цель США – видеть Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, реально независимыми и «не превращенными в куклы противников Америки». Казахстан располагает всем, резюмирует автор, чтобы стать процветающим демократическим государством: этническим многообразием, обширной территорией, разноплановой экономикой и хорошо образованным населением. Дело за малым – подтолкнуть лидеров Казахстана к развитию по демократическому пути. И в заключении книги Олкотт обращается к американскому правительству не бросать Казахстан и другие каспийские государства. «В противном случае будущему поколению аналитиков придется писать о них с таким же сожалением, как это пишется сейчас о проблемах Африки», – заканчивает автор.

В заключение следует добавить, что критика Олкотт, которой пронизана книга, по сути своей, носит не деструктивный, а конструктивный характер. Казахстан остается самым большим увлечением этой исследовательницы уже почти тридцать лет, поэтому наши проблемы не оставляют ее безразличной. Бросается в глаза, что М.Олкотт хотела бы видеть нашу страну процветающей, толерантной и демократичной. И, по мнению этой исследовательницы, Казахстан еще находится на пути, который ведет к этим ценностям.

*Мурат Лаумулин,
главный научный сотрудник КИСИ
при Президенте РК, к.и.н.*

А.Н.НЫСАНБАЕВ. Философия взаимопонимания. Алматы: гл. редакция «Казак энциклопедиясы», 2001. – 544 с.

Автор книги Абдумалик Нысанбаев, мой давний и хороший знакомый, доктор философских наук, ныне директор Института философии в Казахстане, в стародавние (советские) времена был близок к группе молодых философов, занимавшихся воп-

росами логики, методологии и истории науки под углом зрения так называемого «деятельностного подхода». Лидером группы был Э.В.Ильенков, умнейший человек и светлая личность. Для тех, кто помнит интеллектуальную атмосферу шестидесятых,

нет нужды представлять ни его, ни ядро его школы. А это действительно была школа, что в те времена непременно означало оппозицию к официальной, догматической, учебной философии.

Сам Эвальд Васильевич считал себя марксистом, но марксистом творческим; более того, он и был таковым, развивая предметную область, которая называлась «диалектической логикой», каковая одновременно рассматривалась и как философская теория познания, и как онтология. Это означало для него и его единомышленников, разумеется, преемственную связь с классической новоявленной философией, вершиной и завершением которой была философия Гегеля. Наследуя универсализм гегельянства, «ильенковцы» внесли немалый (если не сказать больше) вклад в развитие философской мысли нашей страны (совершенно несоизмеримый, кстати, со сравнительно небольшим объемом в печатных страницах их публикаций, что служило тогда официальным критерием значимости философа). При чем вклад этот был весомым в самых разных областях – начиная, понятно, с диалектической логики и теории познания и кончая методологией истории и педагогической психологией. Именно «ильенковцы» (хотя не только они, разумеется, нельзя не вспомнить добрым словом более многочисленную когорту методологов науки, формально-математических логиков и историков философии) сумели сохранить высокий уровень философской мысли в России: это было, между прочим, признано и многими нашими зарубежными коллегами из числа тех, кого советский философский официоз именовал не иначе, как «идеологическими противниками».

Такое вступление, как мне кажется, будет полезно для тех из молодого (даже среднего) поколения, кто прочтет и захочет понять разные уровни смыслов рецензируемой книги. А она того стоит, прошу мне поверить, и сразу в нескольких отношениях.

Прежде всего, сегодня она крайне современна и символична как факт в культурной жизни той части мира, которую частенько именуют «постсоветским пространством». Своевременна потому, что процессы в культуре этого «пространства» происходят весьма бурные и ближайшие перспективы здесь далеко не ясны. Поэтому многие культурологические тезисы, которые представляет (и в какой-то мере обо-

сновывает) автор – его концепция «транзитного общества», тот вариант евразийского проекта, который он предлагает, отводя в этом проекте ключевую роль казахстанской (заметьте – не «казахской») культуре и философии, его понятие «диаспорологии» и пр., не могут не вызвать спора – что, конечно же, хорошо, хотя бы потому, что свидетельствует об остроте проблем, автором затронутых.

А.Нысанбаев, как уже говорит название книги, считает проблему взаимопонимания главной проблемой в нашем «многополярном» мире, и прежде всего в мире «постсоветском», не то что «многополярном», а, так сказать, «растрепанном» и неустоявшимся, раздираемом противоречиями и одновременно связанным многообразными отношениями, общими и противоположными интересами, традицией и предрассудками, обоснованными и необоснованными подозрениями и надеждами. Название само по себе говорит об авторской позиции, об установке: поиск взаимопонимания – это не сговор, не соглашение о статус-кво, даже не тактика. Иначе какой смысл было бы рассуждать о философии взаимопонимания, поскольку философия – это непременно мировоззрение, мировоззренческая установка, скорее программа, нежели позиция (смысл этого уточнения в том, что «позиция» означает, в нашем словоупотреблении, нечто вроде «укрепрайона»: она не только предполагает оппозицию, но и агрессивные намерения со стороны оппозиционеров, коим нужно противостоять, если уж не удалось предотвратить формирование оппозиции. Так нас научила наша советская история... Вот уж воистину для современной ситуации рамки нашего, сложившегося в недавнем прошлом, русского языка стали «узкими!»).

Даже «внешние характеристики» сочинения А.Нысанбаева говорят о принципах автора. Он – казах не только «по паспорту» или «по крови», но и по культуре: для того чтобы так рассказать о Ясави, Абае, Шакариме, Валиханове, о «степной демократии» казахов, о «кочевой культуре», как это сделано в книге, недостаточно отлично знать все эти предметы. Знать можно и «извне», как сплошь да рядом бывает даже у весьма квалифицированных историков «зарубежной» философии культуры; нужно ею и в ней жить. Однако свою книгу этот казах написал и опубликовал на русском языке.

Причем не только написал, но и «измыслил», ибо всякий, даже авторский, перевод непременно оставляет следы трансформации изначального, «родного» смыслового содержания. Русский же автора безупречен, раскован, свободен – он знает этот язык куда лучше, чем многие образованные русские (не говоря уж о политиках и «новых русских»). Такое знание, например, проявляется в чувстве оттенка, когда автор использует синонимы. Так что если Господу нужно было бы найти кандидата на роль организатора надежного канала связи между казахами и русскими, культура которых оказалась разделена «пограничной полосой» взаимного отчуждения, то у А.Нысанбаева было бы немного конкурентов.

Но шутки в сторону – дело-то более чем серьезное. Ведь суть его – не только лишь поиск (сохранение?) взаимопонимания между Россией и Казахстаном, между русской и казахской культурами: речь в книге «Философия взаимопонимания» о возможности глобальной культуры, ее компонентах и ее мировоззренческой основе. А также о том, что русско-казахский культурный (философский прежде всего) диалог, как полагает автор, может стать моделью и, так сказать, полигоном «мирового разума» в деле создания глобального мира культуры. И что самый подходящий каркас для такого сооружения, чтобы не постигла его судьба башни Вавилонской – все-таки не литература или музыка, не языковые взаимозамещения, а универсум философской мысли. Здесь сегодня наименьшее напряжение сил взаимоотторжения, меньше влияние предрассудков, меньше почвы для политических игр. Этот (или подобный) тезис А.Нысанбаев даже не счел нужным не то что доказывать, но даже выразить эксплицитно. Он для него – «от природы», от его собственного философского воспитания, это наследие его философской школы – «кильенковской», логической и «деятельностной», которое было развито потом его методологическими изысканиями в области математических оснований естествознания. Но разве математика не сыграла сама роль универсального языка науки, каковая сама есть образование глобалистское?!

Вот почему книгу свою А.Нысанбаев начал с тезиса, который для него аксиома: культурная и духовная миссия философии – это «побуждение к самопониманию и взаимопониманию людей, эпох, религий, нацио-

нальных культур. Эту миссию философия выполняет издревле, но сегодня именно она определяет судьбы народов и изменяющегося мира» (с. 11).

Тезис довольно сильный, если не спорный – ведь в истории самой философской мысли нетрудно найти примеры, когда определенные философские построения («концепции»), стили философского мышления выполняли совсем иные функции, соответственно не только общекультурным контекстам, характерным для эпохи или страны, но даже служили политическим амбициям, коль скоро они становились моментами массового сознания. Чтобы недалеко ходить, напомним о философской компоненте фашизма (вряд ли, можно спорить о том, была ли фашистская философия, как бы низко ее ни оценивать с современных позиций). Другой пример (пусть он покажется довольно рискованным) – русская философия славянофилов, с ее идеями российской исключительности и специфически русской духовности, отнюдь не ориентированная на дружеский диалог с другими культурами и даже не очень-то терпимая к инакомыслию в собственной среде. С другой стороны, даже те продукты западной философской мысли, которые в конечном счете сыграли весьма позитивную историческую роль в деле создания основ мировой культуры, вдохновляемы были не столько стремлением к взаимопониманию, сколько идеями прозелитизма или миссионерства. В этом плане французское Просвещение было довольно близким католическому христианству в его испанском варианте, несмотря на его сложные отношения с религией. А ведь взятая на себя цивилизаторская миссия – это все-таки нечто другое, чем «побуждение к самопониманию». Он эксплицитно свою цель следующими словами: «Какой должна быть казахстанская философия в условиях социально-экономической трансформации полиэтничного общества? Каково влияние глобализации на Центральную Азию, в том числе на Республику Казахстан?» (с. 11).

И дальнейшее обсуждение – анализ и оценка исторических перемен как общей исторической тенденции. Отсюда структура книги: раздел I – «Рождение феномена свободной казахстанской философии». Он включает пять глав: 1 – «На пути к философии транзитного общества»; 2 – «Античная традиция и Восточная философия»; 3 – «Становление исламской культуры в Казахстане»;

4 – «Космос казахской философии»; 5 – «Казахстанская философия – диалог казахской и русской традиций».

II раздел, под названием «Философия и трансформация казахстанского общества», соответственно, тоже содержит пять глав: 1 – «Евразийская философия в контексте диалога культур Азии и Европы»; 2 – «Проблема межэтнического взаимодействия в Средней Азии и Казахстане»; 3 – «Философия обычного права казахов: потенциал демократии»; 4 – «Казахстанская модель образования: опыт Востока и Запада»; 5 – «Интеграционная логика науки и трансформация общества».

Я перечислил названия всех глав книги, прежде всего, потому, что они хорошо обнаруживают ее смысловую структуру. И, на мой взгляд, это способно убедить тех, кто эту рецензию прочтет, что книгу тоже следовало бы прочесть. Хотя найти ее, видимо, российскому читателю, даже если он живет в столичных центрах, будет не просто: и стандартный для современной серьезной литературы тираж – 1000 экземпляров, и место издания – Алматы – теперь даже не столица Казахстана. Во-вторых, тем самым я могу не брать на себя труд (в данном случае, кстати, в рамках рецензии труд невыполнимый) – представить достаточно полно и корректно содержание текста. Ограничусь поэтому лишь немногими краткими замечаниями.

Удивительна здесь не только широта кругозора автора – это не такая уж редкость в наше время массовых коммуникаций. Но обычная цена за широту кругозора сегодня – верхоглядность, использование второстепенных (чаще всего упрощающих и искажающих смысл «изначальных» материалов) и просто бросающаяся в глаза несамостоятельность суждений новоявленных «энциклопедистов».

Я не беру на себя судить о тех разделах книги, которые посвящены казахскому эпосу и вообще традиционной культуре этого народа – здесь, как говорится, А.Нысанбаеву и карты в руки. И потому не решаюсь я оспаривать тезис автора, что-де «казахская философия – самосознание степной культуры, создавшей свой уникальный космос с особым поэтическим восприятием и ощущением жизни человека и мира» (с. 163). Вполне может быть, автору виднее. Но мимоходом высказанный в контексте такой оценки мировосприятия, свойственного казаху, тезис, что европейская философия (в

противоположность восточной вообще и казахской в особенности) сближает философию с наукой и потому эмоционально холодна и излишне рационалистична, в столь общей форме некорректен. Если так, то ни Ницше, ни Кьеркегор, ни Бергсон (не говоря уж о значительной части французских постмодернистов) не принадлежат к числу западных философов. Да и значительная часть средневековых и нововременных мыслителей, труды которых мы изучаем в наших университетских курсах по истории западной философии (св. Августин, Паскаль и др.) – тоже. Что уж тут говорить о таких деятелях культуры, которые, так сказать, и в самом деле не были профессиональными философами – вроде Гете. Более того – в книге (опять же, походя, как нечто само собой разумеющееся) чуть ли не родовым признаком человека восточной культуры – в противоположность «западному» человеку – объявлена автором установка на созерцание, «устремленность к внутренним духовным глубинам». Если этот тезис принять, то, например, христианство (быть может, за исключением русского православия) пришлось бы объявить явлением, органически чуждым европейской культуре (или «устремленным к внешнему» и чуть ли не бездуховным). Не говоря уж о классическом «западном» романе, пьесах Шекспира, музыке Вагнера, Бетховена, Брамса или даже органных мессах Баха. И даже если принять рискованное, на мой взгляд, положение о радикальной дуалистичности «западного сознания», сознания, расколотого на два региона, подобно тому, как род человеческий (кажется, что «Восток» в этом плане не исключение) «расколот» по полному признаку – это утверждение, по меньшей мере, далеко не аксиома.

Между прочим, и сам автор не придерживается такой установки жестко: иначе как бы мог он, причем столь убедительно и с таким блеском, рассуждать о феномене культурного диалога, анализируя воззрения аль-Фараби и ибн-Сины, которые, как известно (это-то и в самом деле не нужно доказывать) были более чем тесно связаны с учениями Платона и Аристотеля. И сколько бы ни подчеркивать «восточные корни» концепций этих философов, отвергнуть их роль в становлении классической «западной» философии – и, кстати, европейской науки – просто невозможно. Куда ближе к истине сквозная идея книги А.Нысанбаева, что, начиная с

древности, идет «диалог культур» – диалог, а не жесткое противостояние, и тем паче не взаимная глухота.

Другой вопрос, что в ходе европейской истории, говоря языком бюрократическим, «имело место» размежевание эмоционального и рационального и взаимопониманию... людей, эпох, религий, национальных культур?»

Так что я поостерегся бы предлагать ту трактовку «природного» предназначения философии, которую развивает автор, несмотря на то, что она весьма мне симпатична. Как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже». Это отнюдь не вечная сущность философии, даже не *ee telos*, как сказал бы Гуссерль. Кстати, и он, когда использовал этот термин, рассуждал об установке европейской философской мысли, которая, по его мнению, родилась вместе с постмикенской греческой культурой и утрата которой является признаком кризиса европейской культуры.

Другой вопрос, что для людей, понимающих механизмы глобализации современного мира и признающих неизбежность такого пути, если только люди и народы, уже втянутые в этот процесс, не желают разрушения собственной культуры вместе с остальной человеческой цивилизацией, в качестве естественной в этих условиях исторической миссии философии выступает тот способ мыслить, который способен помочь преодолеть современный глобальный кризис культуры, пройдя между Сциллой культурно-националистической заикленности (она проявляет себя сегодня многолико) и Харибдой безликой массовизации общества, культурной унификации, которую чреват глобальный рынок.

Но коль скоро речь в книге идет о современной вариации на ветхозаветную тему «избранного народа», одну из которых предлагает А.Нысанбаев, то его попытка представить в этой роли Россию и Казахстан (подчеркну – не русских с казахами!) мне представляется весьма многообещающей – уже потому, что речь идет вовсе не о мировом культурном господстве. В самом деле, разве не получилось так, что волею исторических судеб Россия и Казахстан оказались объективно в таком положении, что здесь может свершиться исторический эксперимент взаимопонимания, результаты которого будут значимы для всего мира? Россия и ставший независимым государ-

ством Казахстан даже после «беловежской операции» остались полиэтническими образованиями: в каждом из них за сотню разных народов со своими культурами и языками. Я выделил словосочетание «исторический эксперимент» курсивом потому, что не рассматриваю это выражение как метафору (точнее, как риторический оборот в устах политиков). Речь и в самом деле может идти об эксперименте в жестком смысле этого понятия. Социальная, экономическая, политическая, и даже языковая, неустроенность наших государств (о степенях этой неустроенности я здесь не берусь рассуждать) представляется весьма благоприятным условием (как ни кощунственно это звучит – ведь речь идет о судьбах людей) для экспериментирования, т.е. для выработки разных программ, в том числе различающихся радикально, даже взаимоисключающих, разных проектов, разных стратегий исторического развития! Не о поисках «единственно верного пути» идет сегодня речь! На развилках истории нет такого пути «по определению» – иначе история не была бы историей, «дорогами свободы». Не было бы и исторической ответственности – разве что «вина за ошибку» (с кем не бывает)... Исторический эксперимент – это выбор будущего. Конечно же, задумывают такой эксперимент в виде программы и сначала осуществляют его руководители, партии, элиты. Но эксперимент отличается (должен отличаться) от «метода тыка», или от такой ситуации, когда никакого исторического эксперимента нет – только своеобразное желание некоторых политических субъектов «поругать» или урвать кусок от того наследия, которое худо-бедно было накоплено. А после них, как говаривал один французский король, «хоть потоп». Эксперимент отличается как минимум тем, что с самого начала задается и сознается социально-значимая цель проекта, исследуются наличные возможности в качестве условий достижения поставленных социально-значимых целей, рассчитываются ближайшие и отдаленные (опять же социальные – не «персональные») последствия собственных действий. Наследники богатств Вассы Железновой из одноименной пьесы А.М.Горького, после ее смерти «дорвавшиеся» до сейфа с деньгами, – это не экспериментаторы, а воры. Если к власти рвется и приходит криминал – то обществу грозит не что иное, чем неудавшийся социальный экспе-

римент вроде большевистской программы построения социализма в одной отдельно взятой стране (отрицательный результат эксперимента – тоже результат). Воры, ставшие «элитой», покинут страну, которую они ограбили – если, конечно, успеют и если их в другой стране примут. Но от подлинной, культурной элиты народа в немалой мере зависит, происходит и будет ли происходить в стране исторический эксперимент – пусть даже опасный, но не безумный; здесь всегда есть надежда. Или происходит грабеж, следствием которого будет распад социального организма – и притом без всякой надежды. Вот, как говорится, в чем соль...

Если это эксперимент, то можно размышлять о социальном призвании философии и задачах философов в наши дни; если угодно, то даже об их долге перед народом или собственной совестью. А.Нысанбаев не сомневается в том, что, по большому счету, в России, не говоря уж о Казахстане, сейчас совершается исторический эксперимент. Поэтому то, что пишет он о культурной (в меньшей степени – о социально-экономической) ситуации в Казахстане и в России – это, прежде всего, анализ, по необходимости схематическая – теоретическая – реконструкция условий эксперимента. Прежде чем начать разговор об историческом пути философии на земле казахов, моментов человеческого духа¹, тоже следует сказать и о жестком разграничении «субъективного» (личностного и вообще «человеческого») как «духовного» и «объективного» (как независимого от «субъективного», «природного» и «материально-вещественного», которое относится к сфере «внешнего мира»). Однако такое размежевание (точнее говоря, такая акцентировка) и соответствующая организация человеческого духа и способ его деятельности, его «интеллектуализация», были предпосылкой, даже условием, возникновения европейской науки. Наверное, мож-

но сказать и так, как пишет А.Нысанбаев на с. 158 своего труда: «Поэтическое философствование обращается к первичной форме мышления – метафоре, тогда как наукообразная философия оперирует с усохшей метафорой – понятием». Ориентация автора здесь очевидна – ну кто же может предпочесть «усохшую» розу свежей и благоухающей?! И пусть «о вкусах не спорят», но предпочтение понятийного мышления образному воображению (тем более – созерцательной установке, хотя отношение «образности» и «созерцательности» вовсе не аналогичны отношению Кастора и Поллукса) и предполагающая такое предпочтение интеллектуальная работа – это вовсе не «мертвый осадок» созерцательной образности. Тем более что напоминать об этом автору многочисленных работ по методологии математики, по логике науки, в коих он продемонстрировал не только профессиональное знание этих предметов, но и великое к ним уважение, представляется мне даже неприличным. И сдаётся мне, что «нынешний» Нысанбаев, быть может, сам того не замечая, стремится преодолеть собственное интеллектуальное прошлое – подобно тому, как европейская мысль временами преодолевала тенденцию рационалистической зашоренности (парадоксальный, хотя и естественный, эффект головокружения от успехов естествознания Нового времени), громогласно объявляя, что философия не является наукой и не может ею быть «по природе своей»².

Очень интересен и информативен весь тот материал, который посвящен евразийской культуре. Евразийство А.Нысанбаев расценивает как задачу (почти как судьбу) Казахстана. Под этим углом зрения Казахстан вместе с Россией могут и должны выполнить некую глобальную миссию – соединить Запад с Востоком в условиях неизбежного процесса глобализации культуры. И, как следует из текста, по мнению автора (однако из-за понятной осторожности и ува-

¹ Сами эти понятия, кстати, историчны – их содержание меняется, как меняется и сам человеческий дух. Например, эмоциональное может быть прежде всего тесно увязано со способностью творчества, а рациональное – со способностью жесткого и потому «холодного» дедуктивного логического вывода, которое часто называют «рассудочностью»; последнее может противопоставляться «творческой жилке», что, по большому счету, совсем не правило. Так что оппозиция этих моментов – отнюдь не «природы»!

² Под этим углом зрения, кстати, весьма любопытны методологические включения книги Нысанбаева, где речь идет о марксистской философии. Несмотря на всю критичность по отношению к догматическому, «советскому» марксизму, автор отдает должное самому этому течению в истории мировой – не только «западной» – философской мысли.

жения к России, которая его образовала, этой мысли он эксплицитно не высказывает), Казахстан сегодня более последовательно, более эффективно и более разумно проводит такую политику, идеологией которой является та самая «философия взаимопонимания», основы которой изложены в книге. Он весьма высоко оценивает деятельность Президента Казахстана Назарбаева, хотя и нечасто упоминает его фамилию. Пожалуй, он умолчал о некоторых фактах постсоветской истории Казахстана, которые не совсем хорошо укладываются в его оценку и его, Нысанбаева, программу – такие, как отток русских, прежде всего, с высшим образованием, ученых и инженеров. Конечно, процесс этот происходит и в России, но ее оправдывает то, что здесь никакой политики, озабоченной этим процессом, кажется, просто нет.

Когда речь в книге заходит о досоветской казахской философии и общественной мысли, сопоставляя взгляды Абая и Чаадаева, автор пишет: «Казахская философская мысль... упорно загоняла себя в тупик этничности, сосредоточившись на борьбе за ренессанс традиционных этнических и религиозных ценностей, против насильственной русификации. Эти цели гуманны и нравственно чисты, но в них не может уместиться философский логос» (с. 235).

Об аналогичном движении в российской мысли он пишет несколько раньше, осторожнее (я бы даже сказал, несколько двусмысленно): «Русские религиозные мыслители, при всем разнообразии оттенков создаваемых ими метафизических систем, пришли к консенсусу относительно того, что самобытная русская философия должна родиться из духовного опыта, опирающегося на незыблемые начала православия. Социальное мышление либерально настроенной интеллигенции определило себе позицию в пространстве антагонистических противоречий между народом и правительством, где, по Бердяеву, вообще невозможно свободное и самостоятельное философское творчество» (там же).

Видимо, «консенсус» первых он не оценивает как тупик³, в то время как позицию вторых считает адекватной, поскольку солидаризируется с Чаадаевым, когда он рассматривал «российскую национальную онто-

гию» как бесструктурную. Как это совместить? Но автор находит выход: обращаясь к «Трактату о номадологии» Делеза и Гваттари, он усматривает в тогдашнем (и, видимо, теперешнем) состоянии русской общественной мысли своего рода предвосхищение «постклассического дискурса, противостоящего принудительной рациональности картезианского типа» (с. 218). При всей видимой парадоксальности такого вывода он может быть справедливым: разве распад сложившихся, но уже не отвечающих новым условиям, структур не является, при всей болезненности этого состояния, условием перехода к новой фазе развития? К тому же, применительно к современному обществу, обществу постиндустриальному, необычайно многообразному и изменчивому, само понятие «состояния» в его традиционной трактовке вряд ли хорошо подходит для его характеристики и выглядит как воплощенное противоречие. И, кажется, что это надолго, если не навсегда. А потому, как пишет автор, и «организация диалога национальных философских традиций в пространстве имманентности постмодернистского письма сулит интереснейшие сопоставления, неожиданные ракурсы рассмотрения...» (с. 236). Во всяком случае, такая постановка вопроса, на мой взгляд, куда более плодотворна, чем распространившаяся в нашей общественно-политической мысли тенденция редукции общественного сознания к «национальной традиции», а последней – к православным истокам «подлинно русской культуры». Так что казаху А.Нысанбаеву, не дай Бог, скоро придется защищать доброе имя Чаадаева от нового поколения политологов-славянофилов...

Тот факт, что он, директор Института философии Казахстана, предупреждает об опасности такой тенденции, делает ему честь. И не только предупреждает о такой опасности, но и противодействует подобной тенденции и своей «философией взаимопонимания», и собственным анализом политики образования в Казахстане – политики, в основе которой он видит достаточно цельную «казахстанскую модель образования». В этой модели, по его мнению, должны органично соединиться «опыт Востока» с «опытом Запада». К сожалению, было бы большим заблуждением утверждать, что подобными идеями вдохновляются элиты и политические руко-

водители других бывших республик, в том числе и ближайших соседей Казахстана. Так что его модель образования – это скорее идеал, нежели реальность, а реальные шаги в этом направлении, к сожалению, скорее исключение, нежели правило. В сфере политики в области образования, как и в сфере политики в целом, своекорыстие часто вообще препятствует разработке и проведению в жизнь какой бы то ни было стратегии. В переходную эпоху, которая обычно начинается как «смутное время», к власти рвутся, и нередко к ней приходят, отнюдь не стратеги, и тем более не мыслители. С тех, кого сегодня называют «реалистически мыслящими политиками», за глаза хватает тактики. А поле политической деятельности предстает как пространство сопер-

ничества и борьбы кланов, иногда дополненной игрой в демократию. И все-таки как раз такие эпохи – это время философов, программ и большой политики, время творческих поисков и ответственных решений. И если в такие периоды истории философы молчат, а в словаре политических деятелей эпитет «сильная рука» куда предпочтительнее, чем «сумная голова» – тогда народ тоже либо безмолвствует, либо бунтует (в плане исторического результата между тем и другим нет разницы). Как свидетельствует рецензируемая книга, А.Нысанбаев, вместе со многими своими коллегами, не молчит – и это сегодня вселяет некоторую надежду.

А.Ф. Зотов

Казахстанский институт стратегических исследований предлагает Вашему вниманию серию книг, выпущенных в 2002 году при содействии ОБСЕ и Фонда имени Ф.Эберта.

- ✦ **Политика и интересы мировых держав в Казахстане.** Коллектив авторов: Б.К.Султанов, Л.М.Музапарова, А.Е.Абишев, В.Ф.Галаямова, Л.Г.Ерекешева, А.Г.Кожихов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- ✦ **Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий.** Сборник научных статей. Астана: Елорда, 2001.
- ✦ **Центральная Азия в системе глобальных отношений.** Сборник материалов конференции. Алматы: ФинЭк, 2002.
- ✦ **Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению.** Монография. Астана: Елорда, 2002.

По вопросам приобретения книг обращаться в редакцию журнала по телефонам: 646-667, 645-571.

³ Сегодня мы в России часто слышим, даже с весьма высоких трибун, заявления, что именно православие, и только оно, является «социообразующим фактором» России.

SUMMARY

Article: «Transport-Economic Corridor as a Potential of Development»

Authors: *N. Isingarín, General Director of Ekonomtranskonsulting Ltd, Doctor of Economic Sciences; L. Guseva, Head of the Department of Geoglobalistics and Economic Security of KazISS under the President of the RK*

Formation of transport-economic corridors that are a result of joint and, which is mainly important, coordinated work between the economy and transport of several states, will be a determining factor of the world's development in the XXI century. In this connection, the authors of the article analyze and suggest a number of directions of further effective development of the transport-economic corridors, and introduced a substantially new interpretation of this concept.

Article: «Comparative Parameters of Economic Development of the Central Asian Region's Countries: Possibilities of Cooperation»

Author: *G. Kurganbaeva, Deputy Director of KazISS under the President of the RK, Candidate of Economic Sciences*

The author makes a comparative analysis of the economic transformations in the countries of Central Asia and Russia. The development of the Central Asian countries and Russia in many respects is determined by the dynamics of main macroeconomic indicators whose comparative analysis will allow determining the modern economic situation of the countries and revealing the possible ways of their cooperation. The macroeconomic policy, structural reforms and strengthening of institutions are not interchangeable. Thus, formation of institutions should outstrip other political components: any measures may be productive, only if the economic environment is prepared for an adequate reaction.

Article: «Problems of Common Social Space Formation in the Eurasian Economic Community»

Author: *R. Zhalimbetova, Candidate of Economic Sciences*

The article is dedicated to peculiarities of national systems in social-labor sphere of the member-states of the EEC. The role of incomes in the Eurasian Economic Community and considers monitoring of labor market and formation of the common social space as a priority task. One of the main goals during the formation of the common social space in the EEC is a combination of national interest with interest of integration.

Article: «Norway: Oil and Resource Policy»

Author: *S. Smirnov, Senior Research Officer of the Geoglobalistic and Economic Security Department of KazISS under the President of the RK*

The author examines the history of the oil and gas sector formation in the economy of Norway, the structure and role of the State management in providing an effective development of the country's oil branch. The article analyzes and describes the resource policy of Norway and the changes in the tax regime caused by the situation in the world hydrocarbon's market, as well as the functioning of the Norwegian State Petroleum Fund.

Article: «Corporate Economy»

Authors: *A. Ramazanov, Deputy Head of the Department of the Institute of Economy of the Ministry of Education and Science of the RK; R. Ruzanov, Junior Research Assistant of the Institute of Economy of the Ministry of Education and Science of the RK*

It is a well-known fact that corporate economy promotes an increase in self-regulation of production, attraction of investments into real economy, and implementation of achievements of scientific and technical progress. In this connection, the authors make an analysis of the conditions, prospects and problems of development of large corporate structures in Kazakhstan.

Article: «Price Competitiveness: Motives and Consequences»

Author: *T. Dzumageldieva, Research Fellow of the Institute of Economy of the Ministry of Education and Science of the RK*

Price competitiveness in market conditions acts as the main form of struggle of economic subjects. Price concentrates all interests of the subjects of society's economic life who are guided by it in their economic choice and behavior. The article analyzes price as an economic category that is the final estimated figure and characterizes products and activity of economic subjects.

Article: «Emotional Components of a Brand as the Basis of its Competitiveness»

Author: *T. Dmitrienko, Senior Research Fellow of the Geoglobalistic and Economic Security Department of KazISS under the President of the RK*

This article deals with one of the most important issues of the marketing policy of Kazakhstan companies, namely to the aspects of branding policy formation. Distinctions of such concepts as «trade mark» and «brand» have been examined in the article. The main attention has been paid to the coverage of the structure of the brand and influence of its major components on the consumer.

Article: «Analytical Studies of Transatlantic Relations»

Author: *F. Kukeyeva, Assistant Professor of the Chair of International Relations, Department of International Relations of KazSU, Candidate of Historical Sciences*

In 1990, the United States and the European Union passed on to a qualitatively new level of relations. Simultaneous and complementary activities of Western Europe and the USA remained in the past (implementation of the «Marshall Plan», process of NATO creation, economic and military rapprochement of the two Atlantic coasts). The United States and EU entered the XXI century as equal partners aware of their role in the new system of international relations. However, the changes of economic, military and political, and cultural character that took place on the Euro-Atlantic space require a development of new approaches to the study of the USA and the EU partnership. In this connection, the author analyzes the transformation of transatlantic relations.

Article: «The European Direction of the Foreign Policy Course of the Social-Democratic Party of Germany»

Authors: *M. Gubaidulina, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor; E. Chukubaev, Lecturer, the Chair of International Relations and Foreign Policy of the RK, Al-Farabi KazSU*

The article examines the European direction of the foreign policy of Germany during the period of chancellorship of G. Schroeder in 1998-2003. The Social-Democratic Party (SPD) is a ruling party of present coalition government, has a clear view on its foreign interests in Europe and acts on international arena on the basis of its conceptual perceptions and in accordance with the Coalition Treaty 1998.

Article: «Interpol as an International Organization of Police Services: Main Principles, Structure and Jurisdiction»

Author: *A. Toksanbaev, Deputy Head of the National Central Bureau of Interpol in the Republic of Kazakhstan, Applicant of the Civil Service Institute of the Kazakh Humanitarian-Juridical University*

In this article the issues of arrangement and activity of the International police organization – Interpol with all interested organizations in struggle with international criminality are being considered. It is here problematic issues are arisen connected with defining the term «international criminality» and also of creating in the frame of the National Central bureau (NCB) at the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan of united system of operative information in accordance with International standards.

Article: «Mechanisms of Military and Political Decision-Making and Parliamentary Monitoring in Kazakhstan and Russia»

Author: *A. Esenbaev, Analytical Center «Strategia», Expert*

Internal political factors play one of the main roles in formation and implementation of a State's defense policy. Among the wide spectrum of problems the most graphic are interdependence of defense policy and internal political factors in the mechanisms of adoption of military and political decisions. The analysis made in the article shows a great significance of

separation of powers in the issues of adoption of decisions in the sphere of defense policy. Both in Kazakhstan and Russia the defense policy today is an exclusive prerogative of the presidential institution. In particular, the author points out that during transition such concentration of powers ensures the maximal preservation of internal political stability and acts as an effective mechanism of protection from the use of armed forces in internal political conflicts.

Article: «Variants of Introduction of the Jury Court into Kazakhstan's Criminal Justice»

Author: *S. Aubekero*, Senior Lecturer of Western-Kazakhstan State University

The jury court is one of the most widespread forms in the world of participation of the representatives of the people in exercising justice. However, currently the jury court is more usual for criminal legal proceedings, but its application in civil cases is minimal. At the same time, constitutionalization of the institute of the jury court is an important guarantee of counteracting of its opponents to refuse this form of participation of the representatives of the population in dispensation of justice, as the change of the Constitution requires more complex procedures. In the article, the author analyzes the reasons for and against introduction of a joint board of the jury and professional judges in Kazakhstan.

Article: «Processes of Elite Formation in the Republic of Kazakhstan in 1991-2002 (Sociological Portrait of the Ruling Political Elite)»

Author: *M. Igaliev*, Applicant of Analytical Center «Strategia»

After proclaiming of sovereignty, the processes of elite formation in Kazakhstan received a new impulse, having initiated updating and change of the political elite of the country. A number of tendencies have emerged during the past decade that conditioned transformation of the Kazakhstan elite. In this connection, the author investigates in the article the dynamics of change of the structure of the highest political elite and makes its sociological portrait.

Article: «Values of the Kazakhstan's Youth as a Factor of Participation in Youth Associations»

Author: *D. Kaletayev*, Head of the Sector of the Department of the Internal Policy of the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan

The article deals with value orientation of Kazakhstan's youth in participation in youth public associations and the way of connection of the youth's political values with the support of the State's course of action with regards to young people.

Article: «Methodological and Historical Bases of Development of the System of Pension Provision»

Author: *K. Tulepbaev*, Head of the Credit Department of No.1 Branch the National Bank of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences

Formation of market relations in the social sphere contributes to destruction of monopolism of the state pension system. The general tendency all over the world consists in the principle that maintenance of old people on the basis of individual capitalization of funds should be of dominant importance. The same principle embodied in the cumulative pension system is fixed in Kazakhstan legislation. The development of such a pension service of the population appears to be extremely attractive both from social and economic points of view.

Article: «The Theories of Motivation of Political Leadership»

Author: *A. Tastenov*, Researcher of the Department of Social and Political Studies of KazISS under the President of the RK

The article analyzes issues of political leadership and touches upon the most specific needs of leaders in the framework of the motivation theory. The author shows that the basis of the high hierarchy of needs consist of much more motives characterizing the set of individual aspiration of every leader. However, this approach requires a systemic and complex study of a politician's personality, including his or her biography, political views, the political style of decision-making, social and psychological characteristics.

Журнал Казахстан-Спектр
№1, 2003

1. Аубекеров С.Х. – ст. преподаватель кафедры теории и основ государства и права ЗКГУ (г. Уральск)
2. Губайдуллина М.Ш. – к.п.н., доцент
3. Гусева Л.Ю. – зав. отделом геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
4. Джумагельдиева Т.А. – к.э.н., научный сотрудник Института экономики МОН РК
5. Дмитриенко Т.А. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности
6. Есенбаев А.Е. – эксперт аналитического центра «Стратегия»
7. Жалимбетова Р.Б. – кандидат экономических наук
8. Игалiev М.Н. – эксперт аналитического центра «Стратегия»
9. Исингарин Н.К. – генеральный директор Экономтранс консалтинг Лтд, д.э.н.
10. Калетаев Д.А. – директор департамента молодежной политики МКиОС РК
11. Кукеева Ф.Т. – доцент кафедры международных отношений, фак-т МО КазГУ, к.и.н.
12. Курганбаева Г.А. – заместитель директора КИСИ при Президенте РК, к.э.н.
13. Рамазанов А.А. – к.э.н., зам. зав. отделом Института экономики МОН РК
14. Рузанов Р.М. – м.н.с. Института экономики МОН РК
15. Смирнов С.Л. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
16. Тастенов А.Ж. – научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК
17. Токсанбаев А.Б. – заместитель начальника Национального центрального бюро Интерпола в Республике Казахстан, соискатель Института государственной службы Казахского гуманитарно-юридического университета
18. Тулепбаев К.М. – начальник отдела кредитования филиальной сети №1 ОАО «Народный Банк Казахстана», к.э.н.
19. Чукубаев Е.С. – преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики РК КазГУ им. аль-Фараби